

НИКОЛАЙ СЫЧЕВ

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ»
(РУСО)

ДИАЛЕКТИКА КАПИТАЛА

К МАРКСОВОЙ КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ТОМ I
КНИГА II

Николай Сычев

**Диалектика капитала. К
марксовой критике политической
экономи. Процесс производства
капитала. Том 1. Книга 2**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 63.3

Сычев Н. В.

Диалектика капитала. К марксовой критике политической
экономии. Процесс производства капитала. Том 1. Книга 2 /
Н. В. Сычев — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-66-9

Издание представляет собой уникальное, фундаментальное исследование диалектики капитала (в контексте марксовой критики политической экономии), не имеющее аналогов ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. В концептуальном плане оно базируется на «Капитале» К. Маркса. В соответствии со структурой первого тома данного труда издание состоит из 2-х частей, включающих в себя восемь разделов. Первый посвящен товару, деньгам и рынку, второй – теориям капитала, третий – производству абсолютной прибавочной стоимости, четвертый – производству относительной прибавочной стоимости, пятый – производству абсолютной и относительной прибавочной стоимости, шестой – заработной плате, седьмой – процессу накопления капитала, восьмой – историческим условиям возникновения капитала (теоретическим и практическим аспектам). Дано систематическое обобщение обширного источниковедческого материала. Показан дискуссионный характер рассматриваемых вопросов, обосновано авторское видение путей их решения. Раскрываются главные тенденции развития ведущих школ, течений и направлений мировой экономической мысли. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов, всех интересующихся проблемами «Капитала» К. Маркса, политической экономии и истории экономических учений.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-907332-66-9

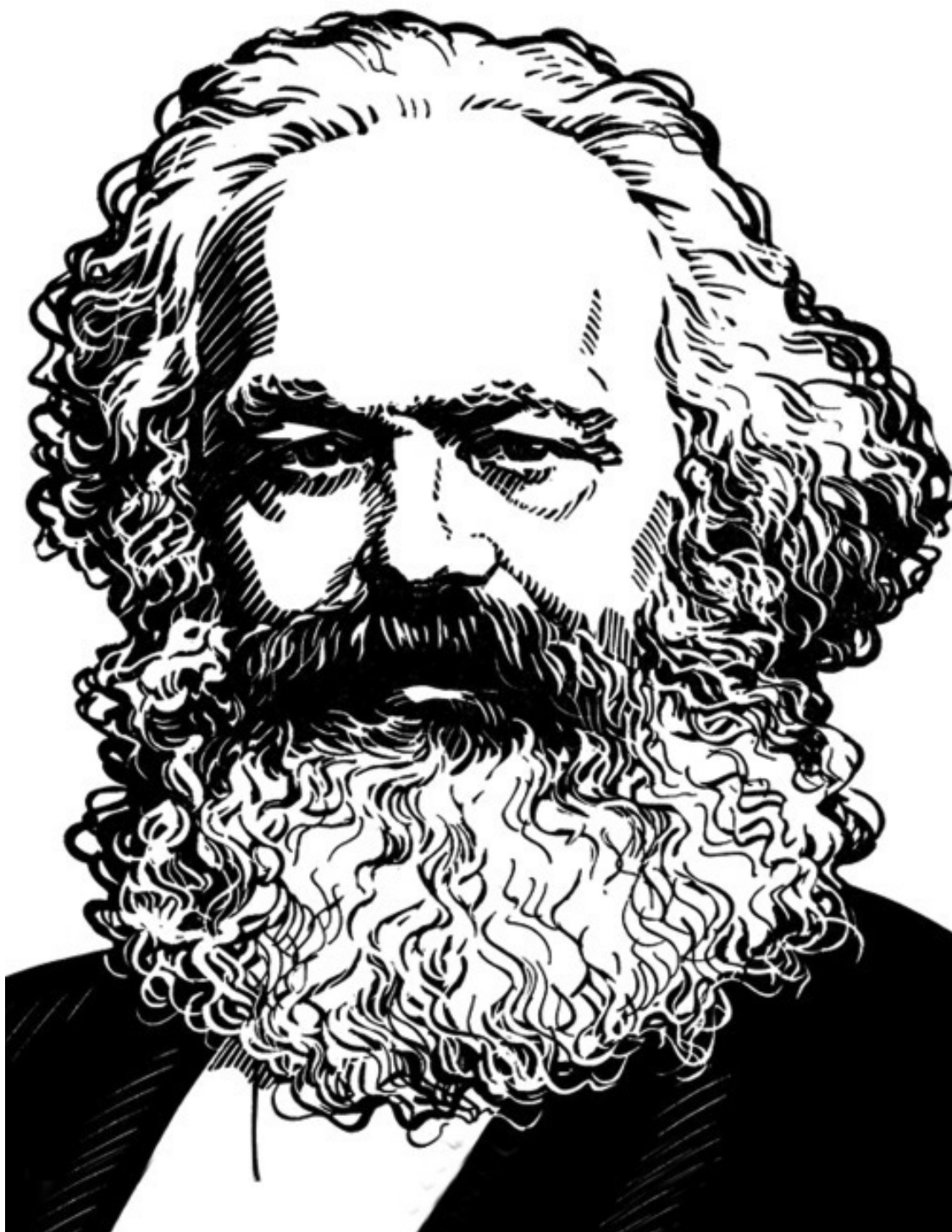
© Сычев Н. В., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Книга 2	9
Раздел второй	9
Глава 4	9
§ 1. Монетарная (денежная) концепция капитала	10
§ 2. Вещная концепция капитала	10
§ 3. Концепция человеческого капитала	53
Глава 5	79
§ 1. Формирование марксистской теории капитала	79
§ 2. Превращение денег в капитал. Всеобщая формула капитала	85
§ 3. Противоречия всеобщей формулы капитала	91
§ 4. Купля и продажа рабочей силы	97
Раздел третий	105
Глава 6	105
§ 1. Процесс труда	105
§ 2. Процесс увеличения стоимости	107
Глава 8	122
§ 1. Степень эксплуатации рабочей силы	122
§ 2	126
§ 3	127
§ 4	127
Глава 9	128
§ 1. Пределы рабочего дня	128
§ 2	130
§ 3	132
§ 4	132
§ 5	133
§ 6	136
§ 7	138
Глава 10	141
Раздел четвертый	147
Глава 11	147
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Николай Сычев
Диалектика капитала. К марксовой
критике политической экономии.
Процесс производства капитала.
Том 1. В 2-х книгах. Книга 2

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Международного славянского института **И.М. Братищев**;

доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ **К.А. Хубиев**.

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ общественная организация «РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ (РУСО)

© Сычев Н.В., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Книга 2

Раздел второй Капитал: к вопросам теории

Глава 4

Эволюция товарно-фетишистских представлений о капитале

Напомним, согласно К. Марксу, товарный фетишизм есть внешняя форма проявления общественных отношений, складывающихся между людьми в условиях товарного производства. Ибо на поверхности экономической жизни эти отношения овеществляются, т. е. они выступают не как отношения между товаропроизводителями, а как отношения между определенными вещами. В результате возникает видимость, что будто бы вещи по своей естественной природе обладают способностью к обмену, что будто бы эти вещи господствуют над людьми. На самом деле, конечно, над людьми господствуют не вещи, а производственные отношения. Но их господство осуществляется через вещи, которые становятся товарами на рынке.

Важно отметить, что учение К. Маркса о товарном фетишизме, опирающееся на концепцию двойственного характера труда товаропроизводителей, дает ключ к пониманию всей системы категорий, выработанной буржуазной политической экономией (как классической, так и неклассической, или вульгарной). Имея в виду фетишистские формы, через которые в этой системе выражаются и фиксируются определенные стороны отношений товарно-капиталистического производства, К. Маркс писал: «Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономики. Это – общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства»¹.

Сказанное имеет непосредственное отношение и к такой категории политической экономии, как капитал². Этимологически она восходит к латинскому термину «capitalis» – главный. По мнению Ф. Броделя, этот термин появился в XII–XIII в.в. Под ним подразумевались «цен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 86. «Такого рода «мыслительные формы», носящие при данных исторических условиях объективный характер, свидетельствуют о ненаучности категорий вульгарной политической экономии, поскольку они отражают лишь внешнюю фетишистскую форму экономических процессов. С другой стороны, товарно-фетишистская природа категорий вульгарной экономики дает нам объяснение живучести догм буржуазной политической экономии. По своей гносеологической природе (а отнюдь не классовой сущности) категории вульгарной экономики довольно близки обыденному сознанию, а потому их восприятие этим сознанием уже подготовлено его собственным отражением фетишистских форм, экономических процессов. Живучесть вульгарной экономики определяется и тем обстоятельством, что она опирается на «объективные мыслительные формы», постоянно воспроизводимые в сознании людей самой фетишистской формой экономических явлений капитализма» / Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии: (очерк теории). М., 1985. С. 201.

² «Анализ К. Маркса показал, что товарно-фетишистский характер присущ не только тем категориям вульгарной экономики, которые относятся к буржуазным теориям стоимости, но и всей системе категорий вульгарной экономики. Стоимость товара – общественное отношение товаропроизводителей, обменивающих продукты своего труда в соответствии с количеством общественно необходимого труда в них заключающегося, – на поверхности выступает как результат естественных свойств товара, его полезности, «редкости» и т. п. Господство стихии капиталистического производства над товаропроизводителем, господство капитала над трудом внешне выступает как власть денег и притом как власть золота – особого металла, отнюдь не как носителя капиталистических отношений. Рабочая сила как товар на поверхности явлений кажется трудом – товаром, а ее стоимость и цена – ценой труда. Капитал – отношение эксплуатации наемных рабочих буржуазией – представляется неким свойством денег порождать новые деньги, прибыль (процент) – порождением всего капитала (денег, средств производства), а не исключительно его переменной части, рента – выражением естественного свойства земли приносить доход и т. д.» / Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 202.

ности, запас товаров; масса денег; или же деньги, приносящие процент»³. В дальнейшем в экономической науке сложились два главных направления его исследования, каждое из которых имеет свои отличительные особенности.

В рамках первого направления капитал рассматривается как внеисторическое (зачастую, как вечное) явление. При этом внутри данного направления, в свою очередь, сформировались три основные концепции капитала, покоившиеся на товарно-фетишистских представлениях, вульгаризировавших его действительную сущность.

§ 1. Монетарная (денежная) концепция капитала

Исторически и логически – это первая концепция капитала, выработанная основоположниками меркантилизма. Как известно, он занимал господствующие позиции в экономической науке с начала XV в. до последней четверти XVIII в., но затем был вытеснен классической школой.

Будучи идеологами эпохи первоначального накопления капитала, меркантилисты выражали интересы торгово-промышленной буржуазии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они исследовали, преимущественно, сферу обращения (внешнюю торговлю), полагая, что последняя является главным источником извлечения максимальной прибыли, а, следовательно, роста богатства нации и увеличения денег⁴.

Отрицая решающую роль производства в экономической жизни общества, и рассматривая его лишь как предпосылку и неотъемлемый момент обращения торгового капитала, меркантилисты отождествляли богатство с благородными металлами (золотом и серебром), точнее, с денежной, как наиболее ликвидной (по современной терминологии), формой этого капитала. Такой подход к трактовке данного вопроса свидетельствует о том, что меркантилистская система «по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной политической экономией той эпохи ...»⁵.

Вульгарность последней обуславливалась прежде всего тем, что меркантилисты выводили сущность капитала, а стало быть, и капиталистическое отношение из природы денег. Между тем «это отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование этого отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала»⁶. В этом заключается тайна товарно-фетишистского представления о капитале, имманентном монетарной (денежной) концепции (как мы увидим ниже, эта концепция, в той или иной вариации, воспроизводится в современной западной литературе).

§ 2. Вещная концепция капитала

Ее основы были заложены физиократами – представителями французской школы буржуазной политической экономии. Подвергнув резкой критике исходное положение меркантилизма, они утверждали, что главным источником общественного богатства является не сфера обращения, а сфера производства. Правда, последняя трактовалась ими исключительно как

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в.в. Т. 2. Игры обмена. М., 2007. С. 231.

⁴ Напомним, в этой связи, знаменитое высказывание видного представителя английского меркантилизма Т. Мена: «... Обычным средством для увеличения нашего богатства и наших денег является внешняя торговля. При этом мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем покупаем у них» /Меркантилизм. М., 1935. С. 155. Иными словами, суть этого правила такова: во внешней торговле нужно стремиться к достижению активного баланса, т. е. превышению экспорта товаров над их импортом, что позволит обеспечить постоянный приток денег в страну, а стало быть, и рост национального богатства

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 347.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 38.

сфера земледелия, которая и играла ведущую роль в экономике Франции второй половины XVIII века⁷.

В соответствии с этой трактовкой физиократы выдвинули вещную концепцию капитала. При этом под капиталом они понимали особые вещи, применявшиеся в земледелии: сырье, материалы, оборудование, скот, семена и другие элементы средств производства. Таким образом, в отличие от меркантилистов, физиократы выводили сущность капитала, а, следовательно, и капиталистическое отношение из природы особых вещей – средств производства. В действительности же лишь существование этого отношения превращает средства производства в капитал.

Исходя из этого определения капитала, Ф. Кенэ различал два вида затрат, необходимых для ведения земледелия: первоначальные и ежегодные авансы. К первым он относил затраты на сельскохозяйственное оборудование, а ко вторым – затраты на оплату труда и т. п.⁸ Заметим, такое различение авансированных затрат предвосхитило деление капитала на основной и оборотный, введенное в политическую экономию А. Смитом.

Обобщая эти физиократические представления о капитале и его структуре, К. Маркс писал: «Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии. Прежде всего, они дали анализ различных *вещественных составных частей*, в которых существует и на которые распадается капитал во время процесса труда. Физиократам нельзя ставить в вину то, что ими, как и всеми их преемниками, эти вещественные формы существования капитала – инструменты, сырье и т. д. – рассматриваются как капитал в отрыве от тех общественных условий, в которых они выступают в капиталистическом производстве, короче говоря, рассматриваются в той форме, в какой они являются элементами процесса труда вообще, независимо от его общественной формы. Тем самым физиократы превращают капиталистическую форму производства в какую-то вечную естественную форму производства. Для них буржуазные формы производства с необходимостью принимают вид естественных форм производства. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это – материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества»⁹.

Отсюда видно, что, с одной стороны, К. Маркс дал высокую оценку вклада физиократов в постановку проблемы капитала, интерпретации вещественных составных частей последнего и, соответственно, присущих ему вещественных форм, которые рассматриваются как естественные, не зависящие от сознания людей, политических факторов и т. д. С другой стороны, К. Маркс указывал и на весьма серьезные недостатки физиократических представлений о капитале. Они предопределяются, во-первых, отрывом самого капитала от общественных условий его существования; во-вторых, абсолютизацией капиталистической формы производства,

⁷ «Из всех способов приобретения, – писал глава физиократической школы Ф. Кенэ, – нет более хорошего, выгодного, приятного и более достойного свободного человека, чем занятие *земледелием* ... нет более счастливого занятия, чем земледелие; и не только по той пользе, какую приносит оно человеческому роду, но также и по тому удовольствию, удовлетворению и обилию богов» / *Кенэ Ф.* Избранные экономические произведения. М., 1960. С. 45; см. также С. 433.

⁸ «Ежегодные затраты заключаются в расходах, производимых ежегодно на сельскохозяйственную работу; эти затраты должны быть различаемы от первоначальных затрат, которые составляют фонд сельскохозяйственного оборудования ... и которые по стоимости в пять раз превышают ежегодные затраты» / *Кенэ Ф.* Указ. соч. С. 361.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 12. «Кроме этого анализа вещественных элементов, из которых состоит капитал в пределах процесса труда, физиократы исследуют те формы, которые капитал принимает в обращении (основной капитал, оборотный капитал, хотя термины, употребляемые физиократами, – еще иные) и вообще устанавливают связь между процессом обращения и процессом воспроизводства капитала» / Там же. С. 12–13. Эту связь мы рассмотрим ниже.

которая трактуется как естественная, вечная форма всякого производства; в-третьих, ошибочной интерпретацией материального закона различных форм буржуазного производства, имманентного лишь определенной исторической ступени общества, который рассматривается как абстрактный закон, присущий всем ступеням развития общества.

Именно эти недостатки свидетельствуют о фетишизации производительной формы капитала, т. е. отождествлении последнего с вещью, точнее, с вещественным фактором производства (средствами производства). Что же касается личного фактора производства (рабочей силы человека), то он остается вне поля зрения физиократов (с точки зрения составной части капитала). Определяя капитал как внеисторическое явление, физиократы игнорировали главное, а именно, его общественную форму, в рамках которой и посредством которой средства производства (как, впрочем, и рабочая сила человека), по словам К. Маркса, становятся капиталом, т. е. исторически определенным производственным отношением, складывающимся между капиталистом и наемным рабочим.

Подчеркнем, подобное представление о капитале было характерно и для английской школы буржуазной классической политической экономии. Так, А. Смит исходил из количественной определенности запасов, которыми владеет человек в современном, т. е. капиталистическом, обществе. Если их количество ограничено, то они не могут быть источником какого-нибудь дохода. Человек «потребляет их по возможности более бережливо и старается произвести что-нибудь своим трудом в возмещение этих запасов, пока они не будут полностью потреблены. В этом случае его доход получается исключительно от его труда. Таково положение большей части бедных работников во всех странах»¹⁰.

Напротив, если этот человек обладает запасами, количество которых достаточно для содержания его в течение определенного промежутка времени (например, несколько месяцев или лет), то он, естественно, стремится извлечь доход из большей части этих запасов, предназначая остальную их часть для непосредственного потребления. «Поэтому его запасы подразделяются на две части. Та часть, от которой он ожидает получить доход, называется капиталом. Другая часть, это – та, которая идет на непосредственное его потребление; она состоит, во-первых, из той части всего запаса, которая первоначально отложена для этой цели; во-вторых, из его дохода, независимо от источника последнего, по мере его поступления, и, в-третьих, из тех предметов, которые были куплены на ту или другую часть запаса в предыдущие годы и которые еще полностью не потреблены; таковы запасы одежды, домашней утвари и т. п. В том или другом или во всех этих трех видах состоят те запасы, которые люди обычно сохраняют для своего собственного непосредственного потребления»¹¹.

Итак, по А. Смиру, в количественном соотношении запасы человека, живущего в капиталистическом обществе, подразделяются на две части: 1) вещи, используемые для получения дохода, которые называются капиталом; 2) предметы, предназначенные для непосредственного потребления (накопленные или приобретенные на ту или иную часть дохода). Как видим, здесь дана чисто вещная трактовка капитала (как, впрочем, и дохода), игнорирующая общественную форму последнего¹².

Поясняя суть этой трактовки, А. Смит указывал на два различных способа употребления капитала, посредством которых он может доставлять доход или прибыль своему владельцу.

¹⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.-Л., 1935. С. 231.

¹¹ Там же.

¹² Следует, однако, отметить, что наряду с этим абстрактным (вещным) подходом к определению капитала, А. Смит рассматривал последний (капитал) и как «силу, которая командует над трудом». Исходя из этой посылки, А. Смит совершенно справедливо подчеркивал, что в «первобытном состоянии общества» капитал не существовал. Он возник лишь в «цивилизованном обществе», в котором отдельные лица присваивают продукты чужого труда. Но такое понимание капитала не было характерно для теоретической системы А. Смита. Ибо в ней капитал трактуется, главным образом, как вещная категория. Подобная трактовка входит в противоречие со смитианской концепцией «нетрудовых доходов» владельцев капитала и землевладельцев.

Во-первых, капитал может быть употреблен на производство, переработку или покупку товаров для их перепродажи на рынке с целью получения прибыли. Иными словами, он может быть использован как в сфере производства, так и в сфере обращения для извлечения прибыли. Но подобное использование капитала не приносит дохода или прибыли его владельцу до тех пор, пока он остается в обладании последнего или сохраняет свою прежнюю форму. Например, приобретенные купцом товары не приносят ему дохода или прибыли, пока он не продаст их за определенную сумму денег и не купит на эти деньги новые товары. Следовательно, «его капитал постоянно уходит от него в одной форме и возвращается к нему в другой, и только путем такого обращения или последовательных обменов, он может приносить ему какую бы то ни было прибыль. Такого рода капиталы можно поэтому правильно назвать оборотными капиталами»¹³.

Во-вторых, капитал может быть использован и иным способом: «на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных предметов, которые приносят доход или прибыль без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно поэтому с полным правом назвать основными капиталами»¹⁴.

По мнению А. Смита, в разных отраслях производства необходимо весьма различное соотношение между употребляемыми в них основным и оборотным капиталами. Так, некоторая часть капитала ремесленника и мануфактуриста должна быть вложена в определенные инструменты. Эта часть, составляющая основной капитал, в одних отраслях совсем незначительна, а в других очень велика. Например, «ремесленнику – портному не нужны никакие другие орудия труда, кроме нескольких иголок. Орудия труда сапожника стоят несколько дороже, но совсем не на много; ткачу они уже обходятся значительно дороже, чем сапожнику. Но зато значительно большая часть капитала всех таких хозяев-ремесленников обращается в виде заработной платы их рабочих или цены употребляемых ими материалов и возмещается им с некоторой прибылью в цене их изделий.

В других производствах требуется гораздо больший основной капитал. На железодобывающем заводе, например, печь для плавки руды, горн, мельница для измельчения руды представляют собою орудия производства, устройство которых требует весьма значительных расходов. В каменноугольных копях и всякого рода рудниках машины, необходимые для откачивания воды и для других целей, часто стоят еще дороже.

Та часть капитала фермера, которая затрачивается на сельскохозяйственные орудия, представляет собою основной капитал, а та, которая употребляется на заработную плату и содержание его рабочих, будет капиталом оборотным. Он извлекает прибыль из первого, удерживая его в своем обладании, а из второго, расставаясь с ним. Цена или стоимость его рабочего скота представляет собою основной капитал точно так же, как и цена орудий его хозяйства; корм, затрачиваемый на содержание скота, составляет оборотный капитал, как и средства на содержание рабочих. Фермер получает прибыль, не выпуская из рук рабочего скота; прибыль же на фураже он извлекает, расставаясь с ним. И цена, и содержание скота, покупаемого и откормленного не для работы, а на продажу, является оборотным капиталом. Фермер получает свою прибыль, продавая его. Стадо же овец или рогатого скота, которое в стране, пригодной для их содержания, покупается не для работы и не для продажи, а с целью получить прибыль от их шерсти, молока или приплода, есть основной капитал, так как прибыль получается путем сохранения скота. Напротив, содержание скота есть оборотный капитал. Прибыль на него получается путем его продажи, и капитал возвращается обратно в цене шерсти, молока и приплода не только со своей собственной прибылью, но и с прибылью на всю цену скота. Также и вся стоимость семян есть, собственно, основной капитал. Хотя они и перемещаются все время из амбара в поле и

¹³ Смит А. Указ. соч. С. 232.

¹⁴ Там же.

обратно, они никогда не меняют хозяина и, следовательно, не обращаются. Фермер получает свою прибыль не от продажи их, а от их приращения»¹⁵.

Поэтому, согласно А. Смит, общие запасы любой страны или общества всегда совпадают с суммой запасов всех ее жителей или членов этого общества и в силу этого подразделяются, естественно, на три вышеуказанные части, каждая из которых выполняет особую функцию или назначение.

Первая часть предназначается для непосредственного потребления, а потому она не приносит дохода или прибыли. Эта часть состоит из запасов пищи, одежды, предметов домашнего обихода и т. п. Будучи приобретенными непосредственными потребителями, они тем не менее не потреблены еще полностью¹⁶.

Вторую часть этих запасов составляет основной капитал, который характеризуется прежде всего тем, что он приносит доход или прибыль, не поступая в обращение или не меняя своего владельца. Этот капитал включает в себя четыре части.

Во-первых, всякого рода полезные машины и орудия труда, которые облегчают и сокращают затраты труда.

Во-вторых, все те доходные постройки, которые служат средством получения определенного дохода не только для их владельцев, сдающих их в аренду, но и для лиц, пользующихся ими и уплачивающих за них арендную плату; таковы, например, помещения под лавки, склады, мастерские, здания на ферме со всеми необходимыми постройками: амбарами, конюшнями и т. п. Эти постройки существенно отличаются от жилых домов, поскольку они представляют собой своего рода орудия труда, а потому могут рассматриваться в качестве таковых.

В-третьих, все улучшения земли, т. е. затраты, пошедшие на расчистку, осушение, орошение, удобрение и приведение ее в состояние наиболее пригодное для обработки и культурного использования¹⁷.

В-четвертых, приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества. Будучи продуктом воспитания, обучения или ученичества, эти способности, с одной стороны, образуя содержание их обладателя, всегда требуют действительных издержек, которые

¹⁵ Там же. С. 232–233.

¹⁶ Там же. С. 233. Более того, «весь запас жилых домов, существующих в каждый данный момент в стране, тоже входят в эту первую часть запасов общества. Запас, вложенный в дом, если он должен служить жилищем для владельца, перестает с этой минуты выполнять функцию капитала, т. е. приносить своему обладателю какой-либо доход. Жилой дом, как таковой, ничего не добавляет к доходу того, кто живет в нем; и хотя он, без сомнения, чрезвычайно полезен ему, он все же так не полезен ему, как его одежда и домашняя утварь, которые, однако, составляют часть его расходов, а не дохода. Если дом сдается за ренту арендатору, то, так как сам дом ничего не может произвести, арендатору всегда приходится уплачивать ренту из какого-либо другого дохода, который он извлекает или из своего труда, или из капитала, или из земли. Поэтому, хотя дом может приносить доход своему владельцу и таким образом выполнять для него функцию капитала, он не в состоянии давать какой-либо доход обществу или выполнять для него функцию капитала, и доход всего народа ни в малейшей степени не может никогда возрастать таким путем. Одежда и домашняя утварь точно так же иногда дают доход отдельным лицам и таким образом выполняют для них функцию капитала. В странах, где часто устраивают маскарады, существует промысел отдачи на прокат маскарадных костюмов на один вечер. Обойщики часто отдают на прокат обстановку помесечно или на год. Владельцы предприятий по устройству похоронных процессий сдают на дни и на недели погребальные принадлежности. Многие люди сдают меблированные квартиры и получают ренту за пользование не только квартирой, но и обстановкой. Однако доход, полученный во всех этих случаях, всегда должен в конечном счете быть извлечен из какого-либо другого источника дохода. Из всех видов накопленных запасов, принадлежащих отдельным лицам или обществу, и предназначенных для непосредственного потребления, та часть, которая вкладывается в дом, потребляется медленнее всего. Запас одежды может просуществовать несколько лет, запас мебели – полвека или целое столетие, а запасы, вложенные в дома, хорошо построенные и содержащиеся в надлежащем порядке, могут сохраняться целые столетия. Однако, хотя период их полного потребления растягивается на очень продолжительное время, они все же представляют собою на деле запасы, предназначенные для непосредственного потребления, как и одежда или домашняя обстановка» / Там же. С. 233–234.

¹⁷ «Такого рода улучшенную ферму можно с полным правом рассматривать с той же точки зрения, как и полезные машины, которые облегчают и сокращают труд и при помощи которых один и тот же оборотный капитал может дать своему владельцу гораздо больший доход. Улучшенная ферма столь же выгодна и существует дольше, чем любая из этих машин, причем она часто не требует никакого ремонта, а нуждается лишь в наиболее выгодном применении капитала фермера, затрачиваемого им на ее обработку» / Там же. С. 234.

представляют собой основной капитал, реализованный в личности этого обладателя; с другой стороны, являются не только частью состояния такого лица, но становится вместе с тем частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит¹⁸.

Третью часть этих запасов составляет оборотный капитал, который, в отличие от основного, характеризуется тем, что он приносит доход или прибыль, поступая в обращение или меняя своих владельцев. Он также состоит из четырех частей.

1. Денег, при посредстве которых обращаются и распределяются среди непосредственных потребителей три остальные части оборотного капитала.

2. Запасов продовольствия, которыми обладают различные лица (мясник, скотопромышленник, фермер, хлеботорговец, пивовар и др.) и от продажи которых они рассчитывают получить прибыль.

3. Материалов (вполне сырых или более или менее обработанных), предназначенных для изготовления предметов непосредственного потребления (одежда, обувь и т. п.), предметов домашней обстановки (утварь, мебель и т. д.), различных зданий (жилых, производственных), но которые еще окончательно не употреблены в дело и остаются в руках своих владельцев (сельских хозяев, фабрикантов, портных, суконщиков, лесоторговцев, столяров, плотников, кирпичников и др.).

4. Готовых изделий, находящихся еще в руках своих владельцев (фабрикантов, торговцев и т. п.) и еще не проданных или не распределенных среди соответствующих потребителей; такие изделия можно обнаружить (довольно часто) выставленными на продажу в различных мастерских: слесаря, столяра, золотых дел мастера, ювелира, торговца фарфором и др. «Таким образом, оборотный капитал состоит из продовольствия, материалов и готовых изделий всякого рода, находящихся на руках у соответствующих продавцов, и из денег, необходимых для обращения их и распределения среди тех, кто в конце концов будет пользоваться ими или потреблять их.

Из этих четырех частей три части, а именно продовольствие, материалы и готовые изделия, регулярно извлекаются – или ежегодно, или в более или менее продолжительные промежутки времени – из оборотного капитала и вкладываются или в основной капитал, или в запасы, предназначенные для непосредственного потребления.

Всякий основной капитал, первоначально возникает из капитала оборотного и требует постоянного пополнения из этого же источника. Все полезные машины и орудия производства первоначально возникают из оборотного капитала, который доставляет материалы, из которых они изготавливаются, и средства существования для рабочих, изготавливающих их. Точно так же того же вида капитал необходим для их постоянного ремонта.

Всякий основной капитал не может приносить какой-либо доход иначе, как только при помощи оборотного капитала. Самые полезные машины и орудия производства не могут ничего произвести без оборотного капитала доставляющего материалы, которые они перерабатывают, и средства существования для рабочих, применяющих их. Земля, как бы улучшена она ни была, не принесет никакого дохода без оборотного капитала, на который содержатся рабочие, обрабатывающие ее и собирающие ее продукт»¹⁹.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, опираясь на своих предшественников – физиократов, А. Смит обобщил выработанные ими категории «первоначальные» и «ежегодные авансы» в понятия основного и оборотного капитала. Полагая, что эти понятия применимы к любой форме производительного капитала, А. Смит распространил их на все отрасли матери-

¹⁸ «Большую ловкость и умение рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машины и орудия производства, которые сокращают или облегчают труд и которые, хотя и требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью» / Там же. С. 234–235.

¹⁹ Там же. С. 235.

ального производства, а не только на сельское хозяйство (земледелие), как поступали физиократы²⁰. Это одна из его важных заслуг в области политической экономии.

В соответствии с таким подходом к трактовке рассматриваемого вопроса, А. Смит, с одной стороны, совершенно справедливо указывал на взаимосвязь основного и оборотного капиталов, на их различное соотношение в разных отраслях производства. Но, с другой стороны, дал неверное толкование составных частей основного и оборотного капиталов, обусловленного предложенной им методологией.

Во-первых, отождествляя натурально-вещественную форму общественных запасов с их стоимостной формой, А. Смит неправоммерно трактовал эти запасы как совокупность предметов потребления и капитала. В действительности же по натурально-вещественной форме они подразделяются, наряду с предметами потребления, на средства производства, а по стоимостной форме, характеризующей специфику производственных отношений, – на составные части капитала. Фетишизация этих отношений заключается в том, что самый капитал определяется как вещь, использование которой обеспечивает получение дохода или прибыли. Сообразно этому выделяется основной и оборотный капитал.

Во-вторых, А. Смит распространил понятия основного и оборотного капитала за пределы собственно сферы производства, полагая, что они применимы и к сфере обращения. Между тем, как показал К. Маркс (это мы увидим ниже) такое деление капитала, связанное с процессом переноса стоимости средств производства (по мере их использования) на производимый товар, применимо только к сфере производства, точнее, к производительной форме капитала (денежная и товарная формы последнего такого деления не имеют). В противоположность этому А. Смит относил к оборотному капиталу не только запасы продовольствия, материалы, готовые изделия, но и деньги. В этом случае он смешивал оборотный капитал как одну из форм производительного капитала, функционирующего только в сфере производства, с капиталом обращения, обслуживающего соответственно исключительно сферу обращения, т. е. куплю-продажу товаров. «Капитал купца, например, – писал в этой связи автор, – целиком представляет собою капитал оборотный. Ему не нужны никакие машины или орудия, если не считать таковыми его лавки и склады»²¹.

В-третьих, А. Смит выдвинул свой главный тезис, согласно которому обращается только оборотный капитал, поскольку он поступает в сферу обращения (или меняет своих владельцев) и благодаря этому приносит прибыль. Но этот тезис является ошибочным. Дело в том, что, будучи составной частью производительного капитала, оборотный капитал обращается не в сфере обращения, а в сфере производства, в которой осуществляется перенос стоимости используемых материалов, сырья и т. п. на производимый товар. Находясь в этой сфере, оборотный капитал не меняет своего владельца, а стало быть, он не подходит под определение оборотного капитала, данное А. Смитом. Когда же такой владелец меняется, то оборотный капитал претерпевает определенную метаморфозу, т. е. перестает быть оборотным. Ибо он покидает сферу производства, поступает в сферу обращения и превращается соответственно в капитал обращения.

В-четвертых, А. Смит утверждал, что оборотный капитал служит источником образования основного капитала, что последний приносит прибыль с помощью первого. По мнению автора, основной капитал, воплощенный в машинах, орудиях труда и производственных зда-

²⁰ «Таким образом, деление на основной и оборотный капитал впервые предстало не как специфическая черта сельского хозяйства (а именно таковой ее изображали физиократы, обнаружившие различия в способах обращения различных частей капитала в сельском хозяйстве в связи с годовым циклом производства), а как важная особенность капитала, функционирующего в любой отрасли капиталистического производства, а точнее – как особенность производительной формы промышленного капитала» / *Афанасьев В.С.* Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М... 2005. С. 130.

²¹ *Смит А.* Указ. соч. С. 232.

ниях, не покидает сферы производства, а потому не обращается и в силу этого не меняет своего владельца.

Но такое утверждение также является ошибочным. Ведь «если считать, что основным капитал не обращается, т. е. не переносит своей стоимости на производимый товар, то невозможно объяснить, как же воспроизводится основной капитал, как он возмещается по стоимости и натурально-вещественной форме»²².

В действительности же, наряду с оборотным, обращается и основной капитал, который переносит свою стоимость на производимый товар постепенно, по частям, по мере износа (на этой основе образуется амортизационный фонд). «И происходит это в самой сфере производства и притом без актов купли-продажи и, соответственно, без смены владельца капитала. Смит же, в силу непонимания им двойственной природы труда, не замечает один из важнейших моментов процесса воспроизводства капитала – повторное появление стоимости израсходованного капитала во вновь созданной продукции. Обращение промышленного капитала, т. е. капитала, содержащего в себе (в отличие от торгового и ссудного капиталов) фазу производства представляет собой смену вещных форм капитала: систематическое превращение капитала из денежной формы в производительную (форму средств производства и рабочей силы), а из нее – в товарную форму и, наконец, после реализации произведенного товара – снова в денежную форму»²³.

В-пятых, в соответствии со своей методологией А. Смит выделил «приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества» в качестве составной части основного капитала. Ошибочность подобной трактовки данного вопроса будет рассмотрена ниже.

В-шестых, абсолютизация натурально-вещественной формы накопленных запасов, связанная с непониманием двойственной природы труда товаропроизводителей, обусловила неверную интерпретацию А. Смитом цели функционирования основного и оборотного капитала. В этой связи он писал: «Сохранение и увеличение запасов, предназначенных для непосредственного потребления, составляет единственную цель и назначение как основного, так и оборотного капиталов. За счет этих запасов люди питаются, одеваются и находят себе кров. Их богатство или бедность зависят от того, обильно или скудно доставляют эти оба вида капитала материал для запасов, предназначенных для непосредственного потребления»²⁴.

Нетрудно видеть, что А. Смит отождествлял, с одной стороны, процесс функционирования стоимостных категорий – основного и оборотного капиталов – с процессом производства потребительных стоимостей (в данном случае накопленных запасов). Причем, по его мнению, в качестве источников последних выступают продукты земли, рудников и рыболовства. Между тем здесь решающую роль играет конкретный труд, который создает эти потребительные стоимости (запасы). Правда, будучи экономистом мануфактурного капитализма, А. Смит подчер-

²² Афанасьев В.С. Указ. соч. С. 131. «Позиция Смита в отношении обращения основного капитала отражала исторические условия мануфактурного капитализма, для которого было характерно господство ручных орудий труда и неразвитость основного капитала, а также противоречия его методологических исходных пунктов анализа. Отрицание обращения основного капитала Смитом базировалось на отождествлении им обращения капитала и товарного обмена. Смит полагал, что обращение есть переход товара из рук одного собственника в руки другого, что характерно только для оборотного капитала. В действительности же обращение капитала и товарный обмен – явления далеко не тождественные: обращение капитала включает в себя обмен товаров, но не сводится к нему. Обращение капитала продолжается и в самом процессе производства. Этот факт зафиксировали (и абсолютизировали) еще меркантилисты, когда они утверждали, что производство представляет собой «момент обращения». В самом деле, в производстве происходит превращение производительной формы капитала (в виде средств производства и рабочей силы) в товарную форму (в виде готовой продукции). Между тем смена вещных форм капитала как раз и составляет содержание процесса обращения капитала» / Там же.

²³ Там же. С. 132.

²⁴ Смит А. Указ. соч. С. 236. «Поскольку очень большая часть оборотного капитала постоянно извлекается из него (непосредственного потребления. – Н.С.) для помещения в два других вида общего запаса общества, он, в свою очередь, должен постоянно пополняться, без чего скоро совсем прекратил бы свое существование. Эти пополнения получаются, главным образом, из трех источников – от продукта земли, рудников и рыболовства» / Там же.

кивал, что реализация указанных продуктов, осуществляемая посредством денег, возмещает с прибылью затраты не только на основной и оборотный капитал, но и на все капиталы буржуазного общества²⁵.

С другой стороны, сущность и характер взаимосвязи основного и оборотного капиталов, их места в системе капиталистического производства. Согласно А. Смит, «во всех странах, где существует достаточно устойчивый порядок, каждый человек, обладающий здравым смыслом, старается употребить имеющиеся в его распоряжении запасы для того, чтобы добыть себе удовлетворение тех или иных своих потребностей в настоящем или прибыль в будущем. Если они употребляются на удовлетворение какой-либо потребности в настоящем, они представляют собою запасы, предназначенные для непосредственного потребления. Если они употребляются на получение в будущем прибыли, они должны добыть ее, или оставаясь у него, или переходя в другие руки. В первом случае это будет основной, во втором – оборотный капитал. Человек должен быть лишен всякого здравого смысла, если в стране, где существует достаточно устойчивый порядок, он не употребляет здесь имеющийся в его распоряжении запас, свой собственный или занятый у других, одним из этих трех способов»²⁶.

Как видим, опираясь на здравый смысл, А. Смит смешивал общеэкономическую цель натурального (как, впрочем, и простого товарного) производства, ориентированную на потребление (в первом случае непосредственное, во втором – опосредованное обменом) с ее конкретно-исторической определенностью, имманентной товарно-капиталистическому производству. Как известно, цель последнего – извлечение максимальной прибыли. Именно для ее достижения используется основной и оборотный капитал (как в настоящем, так и в будущем). Полагая, что прибыль может возникнуть только в будущем, автор указывал на различие между этими капиталами. По его мнению, основной капитал предназначен для потребления (ибо он не обращается), а оборотный капитал для получения прибыли (ибо он обращается). Разумеется, подобное толкование не соответствует действительности, поскольку и тот, и другой капитал используется в капиталистическом производстве для достижения главной цели – максимизации прибыли.

В-седьмых, по словам К. Маркса, А. Смит смешивал деление капитала на основной и оборотный, обусловленное характером переноса авансированной стоимости на производимый товар, с другим делением данного капитала на постоянный и переменный, определяемое ролью той или иной его составной части в производстве прибавочной стоимости. Заметим, такое смешение этих функциональных и сущностных форм капитала было характерно для всей последующей буржуазной политической экономии.

Преемник А. Смита Д. Рикардо был убежденным сторонником вещной концепции капитала... По его мнению, «капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых привести в движение труд»²⁷.

Отсюда видно, что, находясь под влиянием А. Смита, Д. Рикардо определял капитал, с одной стороны, как часть национального богатства, употребляемую в производстве (разумеется, для создания тех или иных продуктов, становящихся товарами на рынке, реализация которых обеспечивает получение прибыли); с другой стороны, как совокупность двоякого рода вещей и их элементов – предметов потребления (пища, одежда и т. д.) и средств производства (инструменты, сырые материалы, машины и т. п.), необходимых для того, чтобы привести в движение труд (в действительности, будучи функцией рабочей силы, труд приводит их в движение).

²⁵ См.: Там же. С. 236–237.

²⁶ Там же. С. 237.

²⁷ Рикардо Д. Сочинения. Т. I. М., 1955. С. 86.

Исходя из степени *долговечности* этих вещей, Д. Рикардо выделял основной и оборотный капитал. К первому он относил вещи, которые потребляются медленно (средства труда), а ко второму – вещи, которые потребляются быстро, а потому требуют частого воспроизводства (предметы потребления, предназначенные для рабочих). В отличие от А. Смита, Д. Рикардо не включал в состав оборотного капитала сырье и вспомогательные материалы (более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже).

Подчеркнем, такой подход к определению капитала активно развивали (причем весьма превратным, вульгарным образом) и представители неклассического направления буржуазной политической экономии. Так, французский экономист Ж.Б. Сэй трактовал капитал как орудие производства, машину²⁸. Игнорируя его общественную форму, автор заявлял, что, наряду с трудом и землей, капитал является самостоятельным фактором производства (отсюда пресловутая теория трех факторов производства).

Согласно Ж.Б. Сэю, капитал (как, впрочем, труд и земля) оказывает определенную услугу при создании полезности (напомним, автор отрывал последнюю от ее материального носителя – потребительной стоимости), являющейся основой ценности (стоимости). Исходя из этой посылки, Ж.Б. Сэй утверждал, что употребление капитала в промышленности служит источником предпринимательской прибыли, распадающейся на две части: собственно предпринимательский доход (или доход от промышленности) и процент (доход от капитала, отданного в заем)²⁹.

Что же касается двух других доходов – заработной платы и ренты – то их источниками являются труд и земля. Рассматривая все эти доходы как «естественные и справедливые», Ж.Б. Сэй стремился «доказать», что не существует экономических противоречий между классами современного общества, поскольку их интересы находятся в «гармонии». Это вульгарное положение, покоящееся на фетишизации факторных доходов, прочно вошло в «золотой фонд» буржуазной экономической науки³⁰.

В этой связи обращают на себя внимание воззрения другого французского экономиста Ф. Бастиа. В качестве отправного пункта этих воззрений выступает вульгарная робинзонада, имеющая непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Абстрагируясь от общественных условий, Ф. Бастиа совершил «великое открытие», суть которого состоит в том, что каждый человек, который мог бы некоторое время прожить один, представлял бы собой разностороннего хозяйственного субъекта: и капиталиста, и предпринимателя, и производителя, и рабочего, и потребителя. Будучи олицетворением экономической эволюции, он включал бы в свой состав различные элементы: потребность, усилие, удовлетворение, даровую и трудовую полезность. Это и есть механизм человеческой деятельности в его простейшей форме³¹.

²⁸ См.: Сэй Ж.Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии / Ж.Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии/ Ф. Бастиа. М., 2000. С. 40.

²⁹ См.: Там же. С. 55–56.

³⁰ Как известно, К. Маркс подверг резкой критике триединую формулу факторных доходов Ж.Б. Сэя, указывая, что она есть неизбежный продукт вульгарной политической экономии. Согласно К. Марксу, последняя, в противоположность классическим политико-экономам, стремившимся раскрыть действительные причины различных форм отчуждения доходов, рассматривает эти формы с точки зрения их внешней связи, в какой они выступают на поверхности экономических явлений. Отсюда происходят вульгарные, фетишистские представления, укоренившиеся в сознании агентов капиталистического производства, о факторных доходах и их источниках: процент – капитал, заработная плата – труд, рента – земля. Сами же доходы трактуются как естественные, а отношения между агентами как гармоничные. В свою очередь подобные отношения изображаются как отношения между факторами производства, что вполне соответствует угодливой апологетике. Если же между этими факторами возникает антагонизм, то он является следствием конкуренции, в ходе которой осуществляется перераспределение известной части произведенного продукта. Но суть дела от этого не меняется. Ибо конкуренция лишь побуждает всех агентов капиталистического производства к более активным действиям. Но такие действия являются ни чем иным, как выражением гармоничного отношения этих агентов. / См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 528–530.

³¹ См.: Сэй Ж.Б., Бастиа Ф. Указ. соч. С. 193.

Вульгаризируя социальную природу одинокого человека и рассматривая всю совокупность его действий сквозь призму экономической эволюции, Ф. Бастиа совершил второе «великое открытие»: этот человек никогда не будет использовать свой труд, если он может непосредственно получить даровые блага от природы. Например, ему незачем искать воду на значительном расстоянии от местожительства, если есть ее источник, находящийся у его хижины. Поэтому Робинзон будет всегда стремиться к тому, чтобы заменить свой труд, насколько это возможно, содействием естественных сил природы³².

Отсюда вытекает третье «великое открытие», совершенное Ф. Бастиа. Для того, «чтобы таким образом призвать к содействию естественные силы природы, необходимы орудия, инструменты»³³.

Здесь совершенно очевидно, что Робинзону, живущему в одиночестве, нужно все хорошенько и точно рассчитать³⁴, а именно, сколько потребуется трудовых усилий для изготовления орудий³⁵, какое количество продуктов может быть произведено с помощью этих орудий³⁶, величину экономии затрат труда от применения последних³⁷.

Кроме того, Робинзон должен учесть, какие для этого нужны другие орудия, чтобы изготовить новое орудие, количество железа, чтобы его ковать и т. д. «Восходя от одной трудности к другой, он доходит до первоначальной трудности, которая кажется неразрешимой. Это дает нам понятие о той чрезвычайной медлительности, с какой составлялись капиталы в самом начале, и о том, какое громадное напряжение сил должен был делать человек, чтобы достигнуть удовлетворения своих потребностей»³⁸.

Наконец, Робинзону нужно также учесть наличие необходимых материалов для изготовления рабочих инструментов³⁹, удовлетворения своих насущных потребностей⁴⁰ и продовольственных запасов⁴¹.

Описав, таким весьма примитивным образом, хозяйственный расчет, которым руководствовался Робинзон, Ф. Бастиа умозаключил: «С течением времени способности Робинзона все совершенствуются. Постоянным мышлением и опытностью наш островитянин учится

³² «Вот почему, соорудив лодку, он сделает ее из самого легкого дерева, чтобы воспользоваться весом воды, постарается приладить к ней парус, дабы ветер освободил его от труда грести веслами и т. д.» / Там же. С. 194.

³³ Там же. С. 194.

³⁴ «Он непременно задастся таким вопросом: теперь я получаю удовлетворение при известном усилии со своей стороны; когда же я буду располагать каким-нибудь орудием, то получу ли я то же удовлетворение при меньшем усилии, но прибавляя к усилию, которое мне придется сделать, еще и труд, необходимый для изготовления самого орудия?» / Там же.

³⁵ «Никто не станет тратить свои силы ради только одного удовольствия тратить их. Робинзон только тогда примется за изготовление какого-нибудь орудия, когда, наконец, убедится, что сбережет свои силы при одинаковом удовлетворении или получит большее удовлетворение при тех же усилиях» / Там же.

³⁶ «Одно обстоятельство имеет большое влияние на расчет – это число и повторяемость продуктов, производству которых должно содействовать орудие во все время, пока оно действует. Здесь на первом плане сравнение – Робинзон: всякий раз, когда он хочет доставить себе непосредственное удовлетворение без всякой сторонней помощи, то прибегает непременно к помощи труда» / там же.

³⁷ «Он взвешивает тогда, сколько труда сохранит ему орудие в каждом из подобных случаев; но чтобы сделать орудие, надо еще потрудиться, и эту работу он мысленно распределяет на общее число всех случаев, когда он будет ими пользоваться. Чем больше это число случаев, тем убедительнее мотив, по которому он решается прибегнуть к такому средству» / Там же.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Если этот материал и дается даром природой, как, например, камень, то приходится все-таки собирать его в одно место, а для этого нужно известное напряжение сил. Но обладание этими материалами почти всегда предполагает предшествующий труд, продолжительный и сложный, какой требуется, например, для выделки шерсти, льна, железа, олова и т. д.» / Там же.

⁴⁰ «Пока человек работает с единственной целью облегчить себе будущий труд, ему некогда работать для удовлетворения своих настоящих потребностей. Но это такой порядок явлений, в который природа не захотела допустить никаких перерывов: каждый день приходится кормиться, одеваться, иметь кров» / Там же.

⁴¹ «Каждый день он (Робинзон. – Н.С.) усиленнее охотится, чтобы отложить про запас часть дичи, от многого отказываться, чтобы выиграть время, необходимое для изготовления задуманного им рабочего инструмента. При таких обстоятельствах более чем вероятно, что изготовленное им орудие окажется грубо, несовершенно, т. е. будет малопригодно к делу.» / Там же.

лучше работать; первое сработанное им орудие дает ему возможность сработать другие орудия и скорее накопить необходимые запасы.

Орудие, материалы, запасы – вот что Робинзон, без сомнения, назовет своим *капиталом* и охотно признает, что чем более будет капитал, тем лучше он приспособит себе естественные силы природы, тем лучше и больше они будут помогать ему в его труде и, наконец, тем больше его усилия будут соответствовать удовлетворению его потребностей»⁴².

Итак, по Ф. Бастиа, капитал есть совокупность вещественных элементов, средств производства и предметов потребления, т. е. орудия, материалы и продовольственные запасы. Заимствуя это определение капитала у классиков, и рассматривая его, вслед за ними, как внеисторическое явление, автор совершил четвертое «великое открытие». Суть последнего заключается в том, что капитал есть не только произведенная, но и индивидуальная вещь, которую использовал Робинзон в своем изолированном хозяйстве.

Переходя от этого хозяйства в «центр общественного устройства», Ф. Бастиа писал: «Капитал и здесь также состоит из рабочих инструментов, материалов и припасов, без которых никто, ни в одиночестве, ни в обществе, не мог бы предпринять никакой продолжительной работы»⁴³.

Напомним, по мнению автора, капитал есть продукт затраченных «усилий» или «лишений», совершенно чуждых удовлетворению «настоящих потребностей», с целью приобретения «выгод в будущем». Если владелец такого капитала уступает его другому лицу, то тем самым он лишает себя желанной выгоды, т. е. оказать последнему услугу. Между тем, будучи разумными людьми, они стремятся к тому, чтобы оказать друг другу какую-нибудь услугу посредством обмена, установленную по свободному и добровольному соглашению. Таково элементарное представление о справедливости, т. е. принципе взаимности услуг.

Отсюда следует, что люди оказывают друг другу услуги «по справедливости», имея право на взаимность, т. е. на получение соответствующей услуги. Взаимный обмен такими услугами предполагает необходимость соблюдения трех условий: 1) действие любого лица должно быть свободным; 2) чтобы это лицо было непогрешимым и соответствовало своему статусу; 3) чтобы третье лицо не получило за это никакой платы (здесь имеются в виду кредитные отношения, в которых наряду с заимодавцем и заемщиком может выступать посредник).

Согласно Ф. Бастиа, капитал, состоящий из орудий, материалов и припасов, включает в себя две стороны: *полезность* и *ценность*. Всякий, кто уступает свой капитал другому лицу, требует себе в уплату только *ценность*, т. е. услугу, оказанную им в свое время вместе с трудом, который он сберег заемщику. В результате капитал становится реальным капиталом только в процессе оказания подобного рода услуг. Вне этого процесса капитал есть некий продукт, который может быть использован различным образом. Поэтому «взаимный обмен совершается по следующему неизменному принципу: ценность за ценность, услуга за услугу, а все, что представляет собой даровую полезность, стоит вне торга, потому что даровой продукт не имеет ценности, а предмет меновых сделок бывает только ценность. В этом отношении сделки капиталами ничем не отличаются от всяких других сделок»⁴⁴.

Ф. Бастиа рассматривал капитализм как «гармоничное общество», в котором происходит взаимный (эквивалентный) обмен услугами между различными классами. При этом понятие «услуга» определялось Ф. Бастиа в самом широком смысле слова. Оно охватывало и трудовые усилия, и полезность капитала, и сам капитал, и его ценность. В контексте подобной трактовки последняя (ценность) есть меновое отношение между обмениваемыми услугами, или полезно-

⁴² Там же. С. 195–196.

⁴³ Там же. С. 196.

⁴⁴ Там же. С. 197–198.

стями, складывающееся под влиянием свободной конкуренции, в ходе которой устанавливаются цены этих услуг.

Резюмируя свои размышления о капитале, Ф. Бастиа отмечал, что прогресс человечества осуществляется благодаря быстрому накоплению капиталов и образованию новых капиталов. Последние способствуют устранению препятствий, которые раньше преодолевались человеческим трудом. Теперь они преодолеваются без участия этого труда, самой природой, причем, не в пользу капиталиста, а в пользу всего общества.

Исходя из этой вульгарно-апологетической посылки, Ф. Бастиа указывал на ключевую значимость традиционных представлений о капитале. По его мнению, рост капитала может происходить под тройким влиянием – деятельности, воздержания и безопасности. Сообразно этому, «капитал основывается на трех присущих человеку способностях – предвидеть, разуметь и воздерживаться»⁴⁵.

Полагая, что эти процессы представляют собой благое дело, Ф. Бастиа считал, что капитал есть явление, лишенное эгоизма, жестокости, макиавеллизма и т. п. Поэтому все помыслы и усилия людей должны быть направлены не на уничтожение капитала, а на его образование с помощью разумной деятельности и воздержания. Ведь всякая социальная и моральная добродетель связана именно с приобретением капитала⁴⁶.

Отсюда вытекает общий вывод: «Итак, с какой-бы точки зрения ни рассматривать капитал в его отношении к нашим потребностям, которые он облагораживает; к нашему труду, который облегчает; к удовлетворению наших потребностей, которые очищает; к природе, которую он подчиняет нашей власти; к нравственности, которую обращает в привычку; к духу общности, который развивает; к равенству, которое вызывает; к свободе, которою живет; к справедливости, которую водворяет своими самыми остроумными приемами везде и всегда и лишь при условии, чтобы он накапливался и действовал при таком строе общества, при котором оно не отклонялось бы от своего естественного пути, мы и признаем за ним то, что несет на себе печать всех великих законов Провидения, – *Гармонию*»⁴⁷.

Данный вывод, всецело согласующийся с вышеуказанными положениями авторской концепции, весьма симптоматичен. С одной стороны, Ф. Бастиа справедливо указывал на ключевую роль орудий производства, рабочих инструментов (то бишь капитала) в покорении естественных сил природы, освобождении человека от тяжелых «материальных, мускульных» и «грубых усилий» в процессе производства и повышении производительности труда, ориентированного на удовлетворение возрастающих потребностей человека; с другой стороны, автор заявлял, что в любом отношении (потребительском, производственном, трудовом, нравственном, социальном, духовном) капитал является наиболее значимой и общественно-полезной вещью. Ибо благодаря накоплению капитала осуществляется развитие «чудной гармонии»

⁴⁵ Там же. С. 206. «Прежде чем решиться составлять капитал, надо действительно предвидеть будущее, принести ему в жертву настоящее, располагать благородной властью над самим собой и своими потребностями, противостоять не только соблазну настоящих удовольствий жизни, но и внушениям суетливости и капризам общественного мнения, всегда слишком пристрастного к людям легкомысленным и расточительным. Надо еще уметь связать действия с причинами, надо знать, какими приемами, какими орудиями можно победить природу и приспособить ее к производству. В особенности надо исполниться духом семейной любви, чтобы не отступить перед пожертвованиями, плодами которых будут пользоваться дорогие существа, нами оставленные. Составить капитал – значит готовить припасы, кров, приют, досуг, образование, независимость, достоинство для будущих поколений. Все это может быть исполнено только тогда, когда действуют наиболее социальные добродетели, мало того, когда они вошли в народные привычки.» / Там же. С. 206–207.

⁴⁶ «Если образованию капитала присуща социальная мораль, то она сама собой выражается и в самых действиях его. Прямое назначение его заключается в том, чтобы заставить природу содействовать труду, освободить человека от всего, что есть наиболее материального, мускульного, грубого в деле производства; все более и более обеспечивать господство разумной деятельности; расширить область не скажу праздности, но досуга; легко удовлетворять потребности, постепенно заглушить голос грубых инстинктов и заменить их более возвышенными, деликатными, чистыми, художественными, умственными наслаждениями.» / Там же. С. 208. Отсюда видно, что, указывая на важную роль капитала в общественной жизни, автор вместе с тем всячески абстрагировался от анализа социальной природы самого капитала.

⁴⁷ Там же.

капиталистического общества по естественному пути, установленному божественным Провидением. Вот к чему, в конечном счете, сводятся вульгарно-апологетические рассуждения Ф. Бастиа о капитале.

Совершенно иную позицию по данному вопросу занимал завершитель классического направления французской буржуазной политической экономии С. Сисмонди. Исходя из упомянутой робинзонады и реалий капиталистического общества, он утверждал, что способность к труду есть главный источник богатства, а желания и потребности определяют направление использования этого богатства. Последнее, по его мнению, делится на две части: одна предназначена для непосредственного потребления, а другая часть – для производственных нужд. Именно эта вторая часть богатства и называется *капиталом*⁴⁸.

Трактуя капитал как исключительно вещественный феномен, а доход как часть богатства, С. Сисмонди считал, что изолированный человек не проводил различия между капиталом и доходом, так как весь созданный им продукт поступал в непосредственное потребление. Напротив, человек, живущий в обществе, должен соизмерять свое потребление с доходом, и этому же правилу должно следовать все общество, членом которого он является⁴⁹.

Поскольку всякое богатство есть продукт труда, то, будучи частью данного богатства, доход происходит из этого же общего источника. Однако «обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату, проистекающие будто бы из трех разных источников – земли, накопленного капитала и труда. Но при более внимательном рассмотрении можно установить, что эти три вида дохода – это лишь три различные формы пользования продуктами человеческого труда»⁵⁰.

Рассматривая труд в качестве главного источника указанных доходов, и опираясь на концепцию воздержания, С. Сисмонди подчеркивал, что образование этих доходов связано с наличием частной собственности на условия производства. Выдвинув это весьма важное положение, он вместе с тем не объяснил, каким образом возникла эта форма собственности, ставшая основой разделения людей на богатых и бедных.

Абстрагируясь от подобного объяснения, С. Сисмонди ограничился простым утверждением, согласно которому люди, работающие на земле, не смогли удержать в своих руках собственность на нее. «Между тем земля обладает производительной силой, которую труд направляет на пользу человека. Собственник земли, на которой этот труд применяется, удерживает себе часть продуктов труда в вознаграждение за выгоды от использования производительной силы его земли. Это – доход землевладельца, который вычитается из продуктов труда работника и который может быть потреблен без воспроизведения. Экономисты называют этот доход *рентой*»⁵¹.

⁴⁸ См.: Сисмонди С. Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношении к народонаселению. Т. I. М., 1937. С. 185.

⁴⁹ Ибо «под угрозой разорения общество должно и может расходовать ежегодно не более, чем свой годовой доход. Если бы оно затронуло и свои капиталы, оно тем самым разрушило бы и средства своего производства и средства своего будущего потребления. Однако все, что произведено, предназначено для потребления, и если бы годовой продукт не нашел бы на рынке потребителя, для которого он предназначен, воспроизводство прекратилось бы, и нация разорилась бы, несмотря на наличие изобилия.» / Там же. С. 183. Нетрудно видеть, что С. Сисмонди отождествлял годовой доход с годовым продуктом, исходя из так называемой «догмы Смита». В соответствии с ней, автор сводил потребление только к одному его виду – личному. Между тем, по своей натурально-вещественной форме, годовой продукт распадается на две части: средства производства и предметы потребления. Сообразно этому, первые поступают в производительное потребление, а вторые – в личное. Именно на этой основе осуществляется воспроизводство общественного капитала и создаются необходимые условия для развития нации.

⁵⁰ Там же. С. 183. «Благодаря развитию промышленности и науки, которая подчинила человеку все силы природы, – пояснял далее автор, – каждый рабочий может производить ежедневно больше, гораздо больше, чем ему нужно для потребления. Но, в то время как богатство производится его трудом, это же богатство сделало бы его мало способным к труду, если бы он стал пользоваться им сам. Правда, тот, кто живет своим трудом, почти никогда не бывает богат. Однако богатство содействует труду, и владелец богатства в вознаграждение за оказанную рабочему услугу удерживает у рабочего часть того, что он, рабочий, производит сверх нужд своего собственного потребления.» / Там же. С. 183–184.

⁵¹ Там же. С. 184.

По мнению автора, при нынешнем состоянии цивилизации, аналогичная ситуация сложилась и в промышленности, где трудящиеся также не смогли удержать в своих руках собственность на предметы потребления и средства производства. Поэтому «богач, обладающий предметами потребления, сырьем и машинами, может обойтись без личного труда именно потому, что он тем самым становится, так сказать, хозяином труда рабочего, которому он все это предоставляет. В компенсацию за предоставленные рабочему машины и сырье он берет себе наиболее значительную часть плодов его труда. Это – *прибыль* на капитал, который он авансировал рабочему, или доход капиталиста.

Рабочий за день труда производит значительно больше, чем ему нужно на день, но, после того как он поделился с землевладельцем и капиталистом, ему редко остается больше, чем самое необходимое. То, что ему все же остается, составляет его доход и называется *заработной платой*. Этот доход он может потреблять без воспроизведения»⁵².

Поскольку рабочие не имеют других источников дохода кроме своего труда, то они вынуждены обменивать этот труд на предметы потребления, например, хлеб. Вследствие этого хлеб становится их доходом, потребление которого не изменяет его характера. Между тем труд этих рабочих «сделался капиталом для их хозяина, который затем обменял плоды этого труда, скажем, на шерстяную ткань и передал последнюю купцу. Таким образом произошел обмен капитала на капитал, причем каждый из обменивающихся сохраняет свой капитал, но в изменившейся форме. Купец продал шерстяную ткань потребителю, который сшил себе из нее платье. Этот последний приобрел ткань на свой доход, он мог следовательно ее потратить, не изменяя природы дохода, но часть дохода, которую он отдал купцу, стала для купца частью его капитала»⁵³.

Смешивая, с одной стороны, обращение капитала с товарным обменом, а, с другой стороны, натурально-вещественную и стоимостную формы дохода, С. Сисмонди вместе с тем подчеркивал, что один лишь труд обладает способностью создавать богатство, т. е. готовые предметы, предназначенные для удовлетворения тех или иных нужд человека. «Поэтому всякий капитал должен быть первоначально употреблен на то, чтобы применить труд, ибо всякое богатство, которого не хотят уничтожить, должно быть обменено на будущее богатство, которое должно быть создано трудом. Заработная плата есть та цена, за который имущий приобретает труд неимущего. Разделение труда создало различие положений. С каждым новым поколением в жизнь вступает некоторое количество людей, не имеющих других источников кроме труда. Следовательно, они вынуждены брать всякую работу, которую им предложат.»⁵⁴.

Сказанное означает, что в противоположность Ж.Б. Сэю и Ф. Бастиа, С. Сисмонди определял капиталистическое общество не как «гармоничное», а как эксплуататорское. Ибо в этом обществе рабочие находятся в прямой зависимости от предпринимателей. Подвергая их жестокой эксплуатации (а такого рода деятельность есть общественное зло), последние получают обычную прибыль, в то время как рабочие доводятся до состояния крайней нищеты⁵⁵.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 186. Как видим, вслед за А. Смитом, С. Сисмонди определял нетрудовые доходы (рента, прибыль) как «вычеты» из продукта труда рабочего. Что же касается трудового дохода – заработной платы, то она определялась им не как денежное выражение стоимости рабочей силы, а как цена (натуральная оплата) труда рабочего.

⁵⁴ Там же. С. 186.

⁵⁵ «Зависимость рабочих и нужда этих творцов общественного богатства непрестанно растут с ростом населения: все возрастает число людей, не имеющих ничего кроме рук, ищущих труда; все настоятельней становится для них необходимость соглашаться на всякую работу, какую предложат, подчиняться всяким условиям, какие будут навязаны, понижать свои требования в отношении платы до крайних пределов. Вознаграждение предпринимателя часто является не чем иным, как ограблением рабочего. Предприниматель получает это вознаграждение не потому, что его предприятие приносит много больше, чем стоит производство, а потому, что он не уплачивает всего, что оно стоит, потому, что рабочие не получают за свою работу достаточной платы. Такого рода промышленная деятельность есть общественное зло, ибо она доводит рабочих до последней степени нищеты, между тем как предпринимателю оно обеспечивает лишь обычную прибыль на капитал.» / Там же. С. 186–187.

При этом каждый предприниматель, как и фермер (земледелец, по терминологии автора), употребляет свое производительное богатство, т. е. капитал, следующим образом. «Часть его он тратит на постройку зданий, на оборудование мастерских, на инструменты, делающие труд более легким и производительным, подобно тому как земледелец тратит часть богатства на постоянные работы, которые увеличивают плодородие почвы. Мы видим, таким образом, как возникают и последовательно отделяются друг от друга различные виды богатства. Часть накопленных обществом богатств каждый владелец предназначает для того, чтобы, расходуя ее постепенно, сделать труд более производительным и при ее помощи заставить слепые силы природы выполнять работу человека; эту часть капитала именуют *основным капиталом* и понимают под ним расчищенную почву, оросительные каналы, фабрики, мастерские, инструменты и всякого рода механизмы. Вторая часть предназначается для быстрого потребления; она целиком воспроизводится в созданном продукте; постоянно меняя форму, она сохраняет одну и ту же стоимость. Эту часть, которая называется *оборотным капиталом*, составляют семена, сырье, заработная плата. Наконец, от этой второй части отделяется третья часть – это стоимость, на которую законченное изделие превосходит затраты на его производство, это сверхстоимость, которая называется *доходом* от капитала и которая предназначается для потребления без воспроизводства. Она обменивается – в последний раз перед самым потреблением – на вещи, необходимые каждому для личного потребления. Совокупность вещей, которые служат каждому для удовлетворения его потребностей, которые утратили для него возможность быть воспроизведенными и которые он приобрел на свой доход, называются *потребительным фондом*»⁵⁶.

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что их автор, подобно А. Смиту, отождествлял, с одной стороны, производительное богатство (или соответствующие запасы) с капиталом, игнорируя социально-экономическую природу последнего; с другой стороны, натурально-вещественную и стоимостную формы богатства (капитала), смешивая его с доходом и, как следствие, с годовым продуктом.

Исходя из этой посылки, С. Сисмонди выделял три вида богатства (капитала), поступающего в потребление.

Во-первых, *основной капитал*, под которым подразумеваются вещи длительного пользования. Они потребляются медленно и служат средствами покорения естественных сил природы, в процессе которого воспроизводится то, что служит предметом потребления. К ним относятся обработанная земля, производственные здания, искусственные сооружения (каналы), рабочие инструменты и различное оборудование.

Во-вторых, *оборотный капитал*, под которым понимаются вещи быстрого потребления. Такие вещи воспроизводятся в продукте, а потому они постоянно меняют форму и сохраняют одну и ту же стоимость. Соответственно к ним относятся семена, сырье, заработная плата.

В-третьих, *сверхстоимость* (рента и прибыль), которая отделяется от оборотного капитала и которая называется доходом от капитала, предназначенным для личного потребления без воспроизводства. Обмениваясь на совокупность вещей, необходимых каждому для этого потребления, она образует потребительский фонд⁵⁷.

⁵⁶ Там же. С. 187–188.

⁵⁷ «Важно заметить, что эти три вида богатств одинаково идут на потребление; ибо все, что было произведено, имеет стоимость для человека лишь постольку, поскольку служит его потребностям, а эти потребности удовлетворяются только потреблением. Но основной капитал служит этому косвенным образом; он потребляется медленно, помогая человеку в воспроизведении того, что служит его потреблению. Оборотный же капитал, наоборот, служит всегда для непосредственного пользования человека, он переходит в потребительский фонд рабочего, составляя его заработную плату, которую рабочий получает в обмен за свой труд, составляющий его доход. Когда операция закончена и капитал воспроизведен, он переходит в потребительный фонд другого класса, в потребительный фонд покупателей, приобретающих капитал посредством какого-нибудь дохода. Когда какая-нибудь вещь потребляется, она для одного потреблена безвозвратно, в то время как для другого она, будучи потреблена, не утрачивает способности воспроизводиться.» / Там же. С. 188. Это весьма любопытное замечание. Сводя оборотный капи-

Уже отсюда видно, что в качестве главного критерия деления капитала на основной и оборотный здесь выступает не характер перенесения стоимости различных частей капитала на производимый продукт, а характер функционирования вещественного состава этих частей в процессе производства (но такой характер служит только материальной основой движения капитальной стоимости, вне которого невозможно уяснить суть данного вопроса). Вследствие этого подобное деление капитала смешивается с делением последнего на постоянный и переменный (предварительно поясним, согласно К. Марксу, та часть капитала, которая воплощена в средствах производства и которая не изменяет величины своей стоимости, образует постоянный капитал; напротив, та часть капитала, которая воплощена в рабочей силе, и которая создает новую стоимость, включающую в себя стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость, является переменным капиталом).

Что же касается сверхстоимости (точнее, прибавочной стоимости, ибо рента и прибыль суть ее превращенные формы), то она есть составная часть стоимости общественного продукта, как и каждого товара, произведенного на капиталистическом предприятии. При этом прибавочная стоимость распадается на две части: одна поступает в личное потребление предпринимателя и составляет его доход (потребительский фонд, по терминологии автора); другая часть расходуется на производственные нужды (например, на расширение производства, приобретение дополнительного оборудования, наем дополнительной рабочей силы и т. п.) и образует накопление капитала (производительный фонд, если использовать терминологию автора). Именно благодаря этому наполнению осуществляется воспроизводство всех составных частей общественного продукта, в том числе и той его части, которая поступает в личное потребление предпринимателя.

Несмотря на эти весьма существенные недостатки, С. Сисмонди подверг резкой критике триединую формулу Ж.Б. Сэя. Суть этой критики сводится к тому, что труд образует три постоянных источника общественного богатства, а стало быть, трех видов дохода. Ибо без труда ни земля, ни капитал сами по себе ничего произвести не могут. Имея в виду это обстоятельство С. Сисмонди писал: «Первый источник – земля, спонтанная сила которой может употребляться для производства постоянно, ее нужно лишь направлять, чтобы она служила интересам человека. Капитал, употребляемый на оплату труда, – это второй источник богатства, а жизнь, которая порождает способность к труду, – третий. Итак, все три источника непосредственно связаны с трудом. Без труда нет богатства»⁵⁸.

В этой связи заслуживает внимания концепция капитала, выдвинутая английским экономистом и философом Дж. С. Миллем – последним крупным представителем рикардианской школы в стадии ее разложения. По его мнению, наряду с первоначальными и всеобщими условиями производства – трудом и природой (природными силами, по терминологии автора) – существует еще одно условие, вне которого невозможно осуществление производственной деятельности, если абстрагироваться от примитивных и скудных зачатков первобытного производства. Речь, в данном случае, «идет о предварительно накопленном запасе продуктов прошлого труда. Этот накопленный запас продуктов труда называется *капиталом* (курсив наш – Н.С.)»⁵⁹.

Отправляясь от этого определения капитала, позаимствованного у А. Смита, Дж. С. Милль полагал, что капитал нельзя рассматривать как синоним денег. Справедливо и обрат-

тал исключительно к заработной плате, автор акцентировал свое внимание только на личном потреблении, полагая, что вся совокупность созданных вещей образует потребительский фонд. Вследствие этого он игнорировал производительное потребление, т. е. ту часть этих вещей, которые предназначены для воспроизводства потребленных средств производства.

⁵⁸ Там же. С. 191.

⁵⁹ Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. I. М., 1980. С. 148. «В высшей степени важно тщательно уяснить себе функцию капитала в производстве, поскольку множество ошибочных представлений, которыми изобилует наша наука, проистекают из неправильного, путаного понимания этого вопроса.» / Там же.

ное: деньги так же не являются синонимом капитала, как, впрочем, и синонимом богатства. Дело в том, что деньги сами по себе не могут выполнять какую-либо часть функций капитала, поскольку они не в состоянии непосредственно оказать какое-либо содействие производству. Для того, чтобы это произошло, их нужно обменять на другие вещи, которые способны содействовать производству в той мере, в какой они могут это сделать. Поэтому «функция капитала в производстве состоит в том, что он обеспечивает необходимые для производственной деятельности здания, охрану, орудия и материалы, а также питание и иные средства существования для работников во время производственного процесса. Это все такие услуги, которые текущий труд должен получить за счет прошлого труда и продукта прошлого труда. Все, что предназначается для данной цели, для обеспечения производительного труда этими разнообразными условиями, – все это и есть капитал»⁶⁰.

Сказанное означает, что Дж. С. Милль определял капитал в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, как одно из первоначальных и всеобщих условий производства (кроме первобытного, находившегося на примитивном уровне). Во-вторых, как накопленный запас продуктов прошлого труда. Последние выполняют функции капитала, т. е. обеспечивают необходимые условия для производственной деятельности: здания, охрану и материалы, а также питание и иные средства существования для работников, занятых в производственном процессе. Другими словами, это все те услуги, которые должен получить текущий труд за счет продуктов прошлого труда. Вся совокупность этих продуктов, обеспечивающих разнообразные условия для повышения производительности труда, и составляет капитал.

Таким образом, опираясь на функциональный подход, Дж. С. Милль отождествлял капитал с продуктами человеческого труда – вещами, предназначенными для производственных целей, игнорируя при этом его общественную форму. Сообразно этому фетишистскому представлению о капитале, он изображался как вечное и естественное условие производства, имманентное цивилизованному обществу.

Для лучшего уяснения сути этого понятия, Дж. С. Милль привел конкретный пример, иллюстрирующий вложение капитала в одну из отраслей промышленности. Предположим, что капитал фабриканта распределяется следующим образом: одна его часть воплощена в производственных зданиях, другая – в машинах, третья – в необходимых материалах (например, льне или шерсти, если это ткацкое производство). Кроме того, фабрикант выплачивает определенную сумму денег рабочим, которые приобретают необходимые им средства существования (пищу, одежду и т. п.). Наряду с этими затратами, фабрикант располагает готовыми изделиями. Продавая их на рынке, он получает деньги, которые расходуются на вышеуказанные цели, а также на приобретение новых материалов, поддержку в хорошем состоянии зданий и машин, замену их в случае негодности.

Однако нужно иметь в виду, что «деньги и готовые изделия фабриканта не целиком образуют капитал, так как он использует их не только на эти цели: часть первых и выручку от продажи вторых он расходует на личное потребление и потребление семьи, на наем конюхов и лакеев, содержание егерей и охотничьих собак, образование для своих детей, уплату налогов, на благотворительность. Что же в таком случае составляет его капитал? Именно та часть его собственности, в чем бы она ни выражалась, которая образует его фонд для осуществления нового производства. При этом не имеет значения, что часть капитала или весь капитал находится в такой форме, в которой его нельзя непосредственно применить для удовлетворения потребностей работников»⁶¹.

Итак, по Дж. С. Миллю, денежные средства и готовые изделия, расходуемые на личное потребление фабриканта и членов его семьи, а также на другие непроизводственные нужды,

⁶⁰ Там же. С. 148.

⁶¹ Там же. С. 149.

капиталом не являются. Ибо к капиталу относится только производственный фонд, т. е. средства производства (здания, машины, материалы), предназначенные для осуществления нового производства. Естественно, по своей натуральной форме эта часть капитала не может быть использована для непосредственного удовлетворения потребностей работников.

Правда, капиталист, занимающийся производством определенных товаров, может увеличить часть своей собственности, предназначенной для производственных целей, в сравнении с непроизводственными. Допустим, что он решил вложить ее в свое дело в форме заработной платы для дополнительных рабочих. Последние, в этом случае, получают возможность купить большее количество нужных им предметов потребления (например, пищи)⁶².

Может, конечно, сложиться и иная ситуация. Капиталист увеличит часть своей собственности, предназначенной на производственные цели другим способом. Предположим, что он решил вложить ее в производство металлоизделий. Это обусловит рост производства продовольствия, необходимого для дополнительных рабочих⁶³.

«Следовательно, различие между капиталом и некапиталом заключается не в разновидности товаров, а в намерении капиталиста, в его желании употребить их так, а не иначе; вся собственность, как бы мало она ни была пригодна для потребления работников, составляет часть капитала при условии, что она, или вырученная за нее стоимость, предназначается для нового вложения в производство. Сумма всех стоимостей, направляемых на эту цель их владельцами, образует капитал страны. Находятся ли все эти стоимости в форме непосредственно пригодной для производительного использования или нет, не имеет значения. Их форма, какой бы она не была, есть явление преходящее, но, как только эти стоимости предназначаются для производства, они неизбежно прокладывают себе путь к превращению в вещи, могущие найти применение в производстве»⁶⁴.

Иными словами, сущность капитала определяется, в конечном счете, не разновидностью производимых товаров, а желанием капиталиста использовать свою собственность на производственные цели. Будучи мало пригодной для непосредственного потребления работников, эта собственность составляет часть капитала в том случае, когда она или вырученная на нее стоимость предназначается для нового вложения в производство. Поэтому национальный капитал (капитал страны, по терминологии автора) представляет собой не только производственный фонд, но и сумму стоимостей, направленных их владельцами на достижение указанных целей. Здесь не имеет значения, находятся ли эти стоимости в производительной или непроизводительной форме. Ибо последняя есть явление преходящее, так как ее носители – стоимости предназначаются для производства, вследствие чего они превращаются в вещи, применяемые в этом производстве.

Отождествляя, таким образом, натуральную и стоимостную формы капитала, а последний с вещами производственного назначения, Дж. С. Милль писал: «Если лишь та часть продукта страны, которая поступает в производство, есть капитал, то, наоборот, весь капитал страны предназначается для производства»⁶⁵.

По мнению автора, второе положение нуждается в дополнительном пояснении. Суть его состоит в том, что нужно иметь в виду различное состояние капитала. Ведь он может найти производительное применение, а может и не найти такого применения, которое отвечало бы

⁶² «Таким образом, предприниматель, даже не имея дело с пищей как таковой, одним своим поступком привел к тому, что из всего имеющегося в стране продовольствия производительные работники получили на столько больше, на сколько меньше его было потреблено на совершенно непроизводительные цели.» / Там же. С. 150.

⁶³ «Поэтому и в данном случае одно лишь решение отдельных лиц о перемещении части своей собственности с непроизводительных целей на производительные, хотя оно и не касается непосредственно запасов пищи для работников, имеет между тем своим следствием увеличение производства, предназначенного для потребления производительных работников.» / Там же. С. 150–151.

⁶⁴ Там же. С. 151.

⁶⁵ Там же.

склонности его владельца; во втором случае, продолжая оставаться капиталом, он вместе с тем является неиспользуемым капиталом. Кроме того, складские запасы могут состоять из непроданных товаров, не пригодных для непосредственного употребления их в производстве и в данный момент не находящихся сбыта; до тех пор, пока эти товары не будут проданы, они оказываются в положении неиспользуемого капитала. Наконец, искусственно созданные или случайные обстоятельства могут обусловить необходимость заблаговременного накопления более крупных средств, т. е. капитала, размеры которого до его поступления в производство превышают реальные потребности в нем.

В этой связи Дж. С. Милль привел ряд конкретных примеров, иллюстрирующих, во-первых, условия организации и ведения предпринимательской деятельности в различных отраслях экономики (уплата налога фабрикантом, аренда земли фермером, предоставление частным лицом или государством капитала в ссуду землевладельцу); во-вторых, отличительные особенности производительного использования капитала в этих отраслях⁶⁶.

Обобщая сказанное, Дж. С. Милль выдвинул четыре основных (фундаментальных) положения или теоремы, «относящихся к капиталу, глубокое понимание которых явится уже значительным шагом на пути из тьмы к свету»⁶⁷.

Первое положение (теорема) гласит: производственная деятельность ограничивается размерами капитала⁶⁸. Отсюда, однако, вовсе не следует вывод, согласно которому промышленность всегда достигает этого предела. Дело в том, что капитал может оставаться неиспользованным в том случае, когда товары оказываются непроданными или когда имеющиеся в наличии средства не находят применения. Иногда складывается и такая ситуация, когда не

⁶⁶ См.: Там же. С. 151–158.

⁶⁷ Там же. С. 159.

⁶⁸ «Истинность нашей аксиомы воплощается в следующих общепринятых выражениях. Акт развертывания производственной деятельности в какой-либо области характеризуется фразой «приложить капитал» к этой области. Заниматься обработкой земли – значит приложить капитал к земле. Использовать труд в обрабатывающей промышленности – значит вложить в нее капитал. Все это подразумевает, что производство не может осуществляться в больших масштабах, чем позволяют наличные размеры капитала. В самом деле, с этим положением нельзя не согласиться, если вполне уяснить его себе. Выражение «приложить капитал», разумеется, метафизическое: в действительности прилагается труд, а капитал здесь служит лишь непременным условием такого приложения. Далее, мы часто говорим о «производительной силе капитала». Это выражение нельзя понимать буквально. Производительными силами являются лишь труд и силы природы. Если же о какой-то части капитала можно с некоторой натяжкой сказать, что она обладает собственной производительной силой, то это относится только к инструментам и машинам, которые, подобно ветру и воде, можно считать содействующими труду. Пища работников и материалы производства не имеют производительной силы, но труд в состоянии реализовать свою производительную силу лишь при условии, что он будет снабжен ими. Обмен производственной деятельности обусловлен количеством материалов для обработки и пищи для работников. Однако при всей очевидности этого часто забывают, что население любой страны живет и удовлетворяет свои потребности за счет продукта не текущего, а прошлого труда. Оно потребляет то, что уже произведено, а не то, что еще находится в стадии производства. А из уже произведенного продукта лишь часть выделяется на содержание производительного труда, количество которого не бывает и не может быть больше указанной доли продукта (каковая и составляет капитал страны), обеспечивающей работников пищей, материалами и орудиями производства.» / Там же. С. 159–160. Подчеркнем, главный недостаток этих положений заключается в том, что их автор отождествлял капитал с вещественным фактором производства и с предметами потребления, предназначенными для производительных работников. Исходя из этих общеэкономических условий всякого производства, он считал, что производственная деятельность ограничивается размерами капитала. В действительности же промышленный капитал есть исторически определенное производственное отношение, присущее лишь буржуазному обществу. Только в этом обществе производственная деятельность ограничивается размерами капитала, ориентированного на производство прибавочной стоимости, максимизацию прибыли. Заметим также, что натуралистическая трактовка капитала отразилась и на авторском понимании структуры производительных сил (труд, силы природы, инструменты, машины). Как известно, если рассматривать процесс производства с точки зрения его результата – общественного продукта, то производительные силы представляют собой совокупность двух взаимодействующих факторов: личного и вещественного, т. е. людей, затрачивающих свою рабочую силу, и средств производства. Поэтому они включают в себя не только людей, приводящих в движение средства труда (машины, инструменты и т. п.), но и предметы труда (материалы, по терминологии автора), из которых изготовляется данный продукт. Разумеется, распределение последнего осуществляется двояким путем: одна его часть предназначается для производительного потребления, другая – для личного (причем не только производительных работников, а всего населения страны). Благодаря такому распределению создаются экономические основы для дальнейшего развития общества, в том числе и капиталистического.

хватает работников, которых капиталист (капитал, по терминологии автора) мог бы содержать и использовать в производстве.

Поэтому вполне очевидно, что хотя объем производства ограничен размерами капитала, тем не менее, каждое увеличение этого капитала ведет к новому расширению производства, а, следовательно, к росту числа занятых в нем работников и богатства страны. Указывая на это обстоятельство, Дж. С. Милль писал: «Всякое приращение капитала приносит труду либо дополнительную занятость, либо дополнительное вознаграждение, оно обогащает лишь страну в целом, либо трудящийся класс. Если этот прирост капитала находит и использует новую рабочую силу, он увеличивает совокупный продукт, если же он ограничивается использованием прежнего числа работников, он выделяет им большую долю продукта; в последнем случае, поощряя рвение работников, он даже, возможно, увеличивает также объем продукта»⁶⁹.

Второе положение (теорема) касается источников происхождения капитала. Он есть результат сбережения⁷⁰. Известный размер последнего «необходим даже при этой простейшей из всех форм экономических отношений (покоящейся на присвоении продуктов собственного труда, часть которых изымается из личного потребления и предназначается для сбережения, т. е. употребления в будущем. – Н.С.): людям приходится производить больше, чем они потребляют, или потреблять меньше, чем они производят. Объем сбережений должен возрасти, если они намереваются нанять других работников и увеличить свое производство сверх того, что они могут сделать собственными руками. Все, что необходимо для содержания и применения труда других людей, помимо собственного, должно сначала быть накоплено путем сбережения, кто-то должен это произвести и воздержаться от его потребления. Следовательно, мы можем без большой погрешности утверждать, что всякий капитал, и особенно всякое приращение капитала, есть результат сбережения»⁷¹.

⁶⁹ Там же. С. 165–166. Естественно, всякое приращение капитала ведет к расширению производства, росту дополнительной занятости, совокупного продукта, производительности труда, и как следствие, общественного богатства. Но как мы увидим ниже, отсюда вовсе не следует, что эти процессы всегда способствуют обогащению трудящегося класса.

⁷⁰ «Если бы каждый расходовал на удовлетворение своих личных потребностей все, что сам производит, а также весь доход, полученный им от того, что произведено другим, то капитал не мог бы возрастать. Весь капитал, за ничтожным исключением, первоначально возник как результат сбережения.» / Там же. С. 166. Как видим, автор придерживается традиционного подхода, игнорировавшего социально-экономическую природу накопления капитала.

⁷¹ Там же. С. 166–167. Поясняя суть сбережения, Дж. С. Милль далее писал: «В примитивном обществе, в котором господствует насилие, постоянно случается, что капиталом владеет не тот, кто его накопил, а тот, кто, будучи сильнее или принадлежа к более могущественной общине, присвоил его себе посредством грабежа. Но даже и при общественном строе, обеспечивавшем защиту собственности, увеличение капитала долгое время обычно происходило за счет лишений, которые, в сущности, равнозначны сбережениям, хотя их не принято так называть, поскольку они не являются добровольными. Подлинными производителями были рабы, вынужденные производить столько, сколько можно было заставить их сделать это силой, и потреблять не больше того, сколько допускали корыстолюбие или обычно очень слабое чувство сострадания их надсмотрщиков. Однако этот вид принудительного сбережения не привел бы к увеличению капитала, если бы часть его не была вторично добровольно сбережена рабовладельцем. Если бы он употреблял на удовлетворение своих личных потребностей все, что он принудил рабов произвести сверх выделенного для их потребления, он не увеличил бы свой капитал и не был бы в состоянии содержать большее число рабов. Вообще содержание какого бы то ни было числа рабов предполагает уже предварительно сделанное сбережение, заблаговременное создание запаса, по крайней мере пищи. Однако такого рода сбережение, очевидно, не являлось результатом лишений, добровольно принятых на себя хозяином; вероятнее всего, это были сбережения самих рабов, произведенные, пока они еще были свободными, и доставшиеся в виде добычи завоевателям, обративших побежденных в рабство.» / Там же. С. 167. Отсюда видно, что, рассматривая капитал как вечное явление, присущее любому обществу, Дж. С. Милль выдвинул положение, согласно которому надо различать два вида накопления капитала: 1) первоначальное (насилованное), обусловленное присвоением (а стало быть, отчуждением) капитала посредством грабежа, происходившего как в период разложения первобытного (примитивного, по терминологии автора) общества, так и в период возникновения рабовладельческого общества; 2) добровольное, связанное с «лишениями», т. е. ограничениями личного потребления, равнозначных по своей сути сбережениям. Описывая процесс осуществления таких сбережений как акт «добровольного жертвования», автор не привел ни одного сколько-нибудь весомого аргумента, выходящего за рамки традиционных представлений о главном источнике происхождения капитала, утвердившихся в буржуазной политической экономии. Заметим, такое описание всецело соответствовало внеисторической, лишенной социальной определенности, вещной трактовки капитала, которой придерживался Дж. С. Милль.

Нужно, однако, иметь в виду, что обыденное представление о термине «сбережение» не совпадает в полной мере с реальным процессом возрастания капитала. Ибо такое представление зачастую ассоциируется с большим воздержанием и возросших лишениях владельца капитала. «Между тем совершенно очевидно, что всякое повышение производительной силы труда создает дополнительный источник сбережений и позволяет увеличивать капитал не только без новых лишений, но даже одновременно с расширением личного потребления. Тем не менее в научном смысле здесь происходит увеличение сбережений. Несмотря на рост потребления, имеет место и расширение объема сбережений. Превышение производства над потреблением оказывается большим. Вполне правомерно назвать это возросшим сбережением.»⁷²

Третье положение (теорема), тесно связанное с предыдущим, заключается в том, что капитал не только сберегается, но и потребляется⁷³. Будучи производительным, это потребление капитала осуществляется следующим образом. «Одна часть его обменивается на инструменты или машины, подвергшиеся износу в процессе производства; другая – обменивается на семена или материалы, которые уничтожаются как таковые, будучи посеянными или обработанными, и вовсе уничтожаются в результате потребления конечного продукта. Остаток выплачивается в виде заработной платы производительным работникам, которые используют ее для удовлетворения своих текущих потребностей; если же работники в свою очередь какую-то долю сберегают, то она, вообще говоря, также не образует запас, а снова обращается (через посредство сберегательных касс, страховых обществ или некоторых иных каналов) в капитал и, следовательно, потребляется.»⁷⁴

Производительное потребление капитала существенно отличается от непроизводительного. Ведь последнее может быть связано не только с удовлетворением насущных потребностей, но и с расточительностью и роскошью, обуславливающих необходимость использования

⁷² Там же. С. 167–168. «Хотя сам термин «сбережение» не бесспорен, – пояснял далее автор, – нет другого термина, против которого не было бы столько же возражений. Потреблять меньше, чем произведено, – значит сберегать, в чем и состоит процесс возрастания капитала, хотя при этом абсолютный объем потребления необязательно сокращается. Вовсе не следует до такой степени рабски придерживаться узкого значения слова, чтобы лишить себя возможности употребить термин «сбережение» в указанном смысле; надо лишь помнить, что кроме сокращения потребления, есть и другой способ увеличения капитала, а именно увеличение производства.» / Там же. С. 168.

⁷³ «Слово «сбережение» отнюдь не означает, что сбереженное не потребляется, не означает оно даже и того, что его потребление непременно откладывается на более поздний срок. Оно подразумевает лишь то, что если сбереженное потребляется немедленно, то потребителем является не тот, кто осуществил сбережение. Если сбережение отложено для будущего использования, оно считается припрятанным. И. пока остается таковым, оно не потребляется вовсе. Но когда сбережение используется в качестве капитала, оно потребляется целиком, хотя и не самим капиталистом.» / Там же. Нетрудно видеть, что первое положение ошибочно, ибо потребителем сбережения может быть и тот, кто его осуществил (речь в данном случае идет о предметах потребления). Что же касается второго положения, то оно верно: производительное потребление накопленного (сбереженного) капитала действительно осуществляется наемными рабочими.

⁷⁴ Там же. С. 168–169. В повседневной жизни «люди видят лишь небольшую часть следствий, проистекающих из сбережения или расходования; люди не задумываются над теми последствиями того и другого, которые не бросаются им в глаза. Глаз проследживает путь сбережения, пока оно не попадает в воображаемый железный сундук, а затем теряет его из виду; ту же часть сбережения, которая расходуется, он проследживает, пока она не попадает в руки торговцев или слуг; но в обоих случаях конечная судьба этих средств от него скрыта. Сбережение (для производительного помещения) и расходование очень близки между собой на первой стадии своего осуществления. То и другое начинается с потребления, с разрушения некоторой части богатства. Разница состоит лишь в том, что потребляются разные вещи и потребляют разные люди. В одном случае имеет место износ орудий производства, уничтожение материалов и известного количества продовольствия и одежды, которыми обеспечиваются работники и которые последние уничтожают, потребляя их. В другом случае имеет место потребление, т. е. уничтожение вин, экипажей, мебели. До сих последствия для национального богатства были практически одинаковыми: в обоих случаях уничтожалось эквивалентное количество богатства. Однако для процесса расходования первая его стадия является также и последней, определенное количество продукта труда исчезает бесследно. Напротив, человек, осуществляющий сбережение, в течение всего времени, пока происходит уничтожение, содержит рабочих, восстанавливающих разрушенное и в конечном счете с лихвой возмещает все то, что было потреблено. Поскольку этот процесс может повторяться многократно без нового акта сбережения, то однажды произведенное сбережение становится фондом, позволяющим в течение неограниченного времени содержать соответствующее число работников, ежегодно воспроизводящих средства их собственного содержания и создающих, кроме того, прибыль.» / Там же. С. 169–170. Отсюда видно, что, проводя сравнительный анализ таких категорий, как «сбережение, расходование и потребление» с точки зрения их взаимосвязи с богатством, автор сводил последнее исключительно к физическому богатству, игнорируя его стоимостную природу.

труда соответствующего числа работников, занимающихся постоянно созданием таких вещей, которые совершенно бесполезны для производства. Поэтому «труд этих работников с точки зрения увеличения национального богатства представляет собою потерю, а ежегодно потребляемые ими пища, орудия и материалы изымаются из совокупного фонда страны, пригодного для производительного применения. В меру расточительности и беспечности, свойственных образу жизни какого-либо класса, производство страны ориентируется на создание предметов роскоши для него. При этом сокращается не только использование труда производительных работников, но и количество орудий труда и предметов первой необходимости, без которых этот труд не может быть использован.

Короче говоря, сбережение обогащает, а расточительность обедняет как общество, так и отдельных лиц, иными словами, общество в целом становится богаче в результате издержек на содержание производительного труда и содействие ему, но становится беднее, расходуя ресурсы на потребление ради удовольствия»⁷⁵

Четвертое положение (теорема) касается производительного труда, который содержится и применяется посредством капитала, расходуемого на приведение его в действие, а не за счет покупателей, предъявляющих спрос на готовый продукт этого труда. Ведь «спрос на товары – это отнюдь не спрос на труд. Спрос на товары определяет, в какой конкретной отрасли производства будут применены труд и капитал, он определяет направленность труда, а не то или иное количество самого труда или его поддержание и оплату. Эти последние зависят от размера капитала или других средств, непосредственно выделяемых на средства существования и вознаграждение работников»⁷⁶.

Отсюда следует, что спрос на товары определяет не производительное использование труда и капитала, а сферу их конкретного применения. Взаимодействие между этими условиями производства таково: от наличия достаточных размеров капитала зависит не только производительность труда, но и степень вознаграждения его субъектов – работников, которым выделяются средства существования.

Вместе с тем спрос на данный товар (например, бархат) оказывает существенное влияние на динамику занятости, т. е. перемещение рабочей силы в ту отрасль производства, где он

⁷⁵ Там же. С. 171. Отметим, эти рассуждения покоятся на положении о необходимости различения производительного и непроизводительного труда, выдвинутого А. Смитом.

⁷⁶ Там же. С. 179. «Допустим, например, что существует спрос на бархат, есть средства, которые могут быть употреблены на покупку бархата, но отсутствует капитал для строительства фабрики по его производству. Не имеет значения, как велик спрос, но если не будет привлечен капитал для организации такого производства, бархат не будет изготовлен и, следовательно, не будет куплен. Разумеется, если стремление покупателя приобрести бархат очень сильно, он может употребить часть предназначенной на покупку бархата суммы для авансирования работников и побудить их таким образом приступить к его изготовлению, т. е. он может обратить часть своего дохода в капитал и вложить этот капитал в производство. Представим теперь обратную гипотезу и допустим, что имеется изобилие капитала, готового вступить в производство бархата, но отсутствует спрос на него. Бархат не будет произведен, у капитала нет особого предпочтения к производству именно бархата, а не чего-либо другого. Фабриканты и их работники производят не для удовольствия покупателей, а для удовлетворения своих собственных потребностей, и, располагая капиталом и трудом в качестве условий производства, они могут либо производить другой товар, на который имеется спрос, либо, если такого спроса нет, найти спрос у самих себя и производить вещи, которые нужны для их собственного потребления. Следовательно, обеспечение труда занятием зависит не от покупателей, а от капитала». / Там же. С. 179–180. На это следует заметить, что действительно обеспечение не труда, а работников занятием зависит прежде всего от размеров капитала, вложенного в производство. Но, предъявляя спросы на товары, покупатели, во-первых, определяют, нужны ли им эти товары (как потребительские стоимости), а стало быть, полезную форму труда, пошедшего на изготовление последних; во-вторых, решают вопрос о том, соответствует ли количество произведенных товаров объему их потребностей; в-третьих, стремятся приобрести нужные им товары более высокого качества по более низкой цене; в-четвертых, соизмеряют покупательную способность денег, которыми они располагают, с товарами, представленными на рынке. Таким образом, своим выбором на рынке покупатели, ориентируясь на степень удовлетворения своих потребностей, определяют, в конечном счете, какой труд является производительным, а какой нет. Ведь если тот или иной товар не продан, то и труд, затраченный на его производство, не признан покупателями, а потому не является производительным (с точки зрения удовлетворения общественных потребностей). В том же случае, когда этот товар продан, значит, и труд, затраченный на его производство, признан покупателями, т. е. он является производительным (в указанном смысле). Ошибка автора состоит в том, что он рассматривал данный вопрос с точки зрения технологии производства, игнорируя общественную форму последнего.

изготавливается. Причем изменение спроса на него имеет первостепенное значение для производителей. Ведь «для них падение спроса равнозначно реальной потере, которая даже в том случае, если весь их товар в конечном счете будет продан, может достигнуть таких огромных размеров, что вынудит их во избежание худшего прекратить производство. Напротив, увеличение спроса позволяет им расширить производство, извлечь прибыль из большего капитала, если они им располагают или в состоянии получить займы. Увеличивая скорость оборота своего капитала, они обеспечивают своим работникам более постоянные занятия или нанимать большее их число, чем прежде. Таким образом, возросший спрос на товар часто действительно порождает в определенной отрасли увеличение занятости для рабочей силы при том же раз-
мере капитала»⁷⁷.

Проложив, благодаря вышеуказанным положениям (теоремам), «путь из тьмы к свету», Дж. С. Милль завершил свои рассуждения о капитале, выделяя два вида последнего: основной и оборотный. В качестве главного критерия их разграничения выступает характер натурального использования капитала в процессе производства.

Согласно автору, в состав капитала, занятого в производстве всякого товара, входит известная часть, которая после однократного использования прекращает свое существование в качестве капитала как такового. К ней относятся материалы (например, жир и щелочь, которые разрушаются в процессе изготовления из них мыла), заработная плата, выплачиваемая работникам (при этом та ее часть, которая используется ими на собственное потребление прекращает свое существование в качестве капитала, а та ее часть, которую они сберегают, является новым капиталом, результатом вторичного акта накопления). «Капитал, который таким образом полностью исчерпывает свою функцию в производстве в процессе его одноразового применения, называется *оборотным капиталом* (курсив наш – Н.С.). Этот термин, недостаточно точно отражающий суть дела, обязан своим происхождением тому, что данную часть капитала приходится постоянно возобновлять путем продажи готовых изделий, а затем беспрестанно расходовать ее на покупку материалов и выплату заработной платы. Следовательно, она выполняет свою функцию, не оставаясь у владельца, а переходя из рук в руки»⁷⁸.

Другая, более значительная часть капитала воплощена в орудиях производства. Они отличаются более или менее длительным существованием и выполняют свою роль в производстве, не выключаясь из него, а оставаясь в нем. Причем функция этой части капитала не исчерпывается одноразовым употреблением в производственном процессе. Поэтому к ней относятся здания, машины, приборы, инструменты. Кроме того, в нее включаются также средства, затрачиваемые на долгосрочную мелиорацию земель, на первичные сооружения, предназначенные подготовить условия для последующих производственных операций (например, издержки на закладку шахты, строительство каналов, дорог и т. п. . . «Капитал, который существует в любой из таких долговечных форм и доход от которого поступает на протяжении соответственно продолжительного периода называется *основным капиталом* (курсив наш – Н.С.)»⁷⁹.

⁷⁷ Там же. С. 189. Несомненно, указанные изменения спроса оказывают влияние на перемещение рабочей силы и сохранение (увеличение) производства бархата. Но они свидетельствуют лишь о том, что производительный труд работников, занимающихся изготовлением этого товара, зависит, как уже отмечалось, в конечном счете от покупателей, которые своим выбором на рынке определяют характер данного труда, т. е. является ли он производительным или непроизводительным.

⁷⁸ Там же. С. 194–195.

⁷⁹ Там же. С. 194–195. «Некоторые разновидности основного капитала необходимо время от времени регулярно возобновлять. К ним относятся все орудия труда и здания: через известные промежутки времени они требуют частичного обновления путем ремонта, затем в конце концов окончательно изнашиваются, уже не могут служить в своем качестве орудий труда и зданий и снова превращаются в материалы. В других случаях капитал не требует полного возобновления, если не считать каких-либо чрезвычайных обстоятельств, но всегда существует необходимость в некоторых регулярных или эпизодических расходах на поддержание его в рабочем состоянии. Док или канал, будучи ранее построенными, не нуждаются, подобно машине, в том, чтобы их заново строили, за исключением тех случаев, когда их преднамеренно разрушают или когда они уничтожаются в результате землетрясения либо аналогичной катастрофы; однако требуются регулярные и часто повторяющиеся затраты на поддержание их в исправности. Расходы на закладку шахты не приходится производить заново, но она может выйти из строя,

Как видим, вслед за своими предшественниками, Дж. С. Милль определил основной и оборотный капитал с точки зрения их материально-вещественного содержания. Правоммерно указывая на то, что первый потребляется (разрушается, по терминологии автора) в течение данного периода времени сразу (однократного использования, опять-таки, по терминологии автора), а второй – в течение длительного промежутка времени, Дж. С. Милль вместе с тем абстрагировался от стоимостной формы этих капиталов. Вследствие этого данное им определение последних имеет весьма существенные недостатки.

Во-первых, подобно А. Смиту, Дж. С. Милль утверждал, что оборотный капитал меняет своего владельца, т. е. переходит из рук одного собственника в руки другого посредством купли-продажи товаров. Если исходить из авторской концепции, то получается, что основной капитал не претерпевает подобной метаморфозы, т. е. он не меняет своего владельца, оставаясь все время в его руках. Иными словами, оборотный капитал обращается, а основной капитал, напротив, не обращается. Отрицание автором обращения основного капитала покоилось на отождествлении обращения капитала и товарного обмена. В действительности же эти экономические явления отнюдь не тождественные: обращение капитала включает в себя товарный обмен, но не сводится к нему. Ибо такое обращение продолжается в сфере производства, где производительная форма капитала (совокупность средств производства, принадлежащих капиталисту, в их соединении с рабочей силой) превращается в товарную форму капитала (готовая продукция, принадлежащая капиталисту). Такая смена вещных форм капитала и образует содержание процесса обращения капитала. Причем обращается не только оборотный, но и основной капитал (стоимость первого переносится на производимый продукт полностью, а стоимость второго – постепенно, по частям). Поэтому до тех пор, пока оборотный капитал находится в сфере производства, он не меняет своего владельца. Когда же этот владелец меняется, оборотный капитал перестает быть оборотным, он покидает сферу производства и поступает в сферу обращения, превращаясь соответственно в капитал обращения.

Во-вторых, Дж. С. Милль считал, что поскольку оборотный капитал разрушается в процессе его однократного применения и оказывается потеряннным для его владельца, то продукт, являющийся результатом этого применения, служит единственным источником, из которого данный владелец возмещает этот капитал и получает известную прибыль. Для основного капитала такое условие является необязательным. Так, например, машина изнашивается постепенно, а потому не возникает необходимость ее полной замены за счет продукта, произведенного в процессе ее одноразового использования. Если машина отвечает требованиям, предъявленным к ней владельцем, то она в каждый промежуток времени приносит доход, вполне достаточный для того, чтобы: а) покрыть издержки на ее ремонт; б) возместить сокращение ее стоимости, в результате эксплуатации в данный период; в) получить излишек на всю стоимость машины. Отсюда неизбежно вытекает вывод (аналогичный смитовскому), согласно которому оборотный капитал обеспечивает получение прибыли на основной капитал, а потому увеличение последнего осуществляется за счет первого⁸⁰.

Но в отличие от А. Смита, Дж. С. Милль не относил запас готовых изделий, находящихся на складах фабрикантов и торговцев, к оборотному капиталу. Более того, автор не считал его капиталом вообще. Ибо «этот запас товаров, будучи капиталом по своему предназначению, еще не стал действующим капиталом, он не занят в производстве, его следует сперва продать или обменять, т. е. превратить в равную стоимость каких-либо других товаров. Поэтому он еще не является ни основным, ни оборотным капиталом, но впоследствии окажется либо тем, либо другим или поделенным между ними. Часть выручки за готовые изделия фабрикант израсхо-

если не делать затраты на откачку из нее воды. Наиболее долговечным из всех разновидностей основного капитала является капитал, вложенный в повышение производительных сил природы, например, земли.» / Там же. С. 195–196. Нетрудно видеть, что здесь дано реалистичное описание использования основного капитала с точки зрения его вещественного содержания

⁸⁰ См.: Там же. С. 197–198.

дует на оплату рабочих, часть на восполнение запаса материалов для производства, а часть на строительство новых зданий, приобретение новых машин или на ремонт старых. Но сколько именно будет выделено для каждой из указанных целей, зависит от характера производства и от потребностей данного момента»⁸¹.

Здесь, по существу, речь идет о разных видах товарных запасов, находящихся в руках двух различных собственников – фабрикантов и торговцев. Для первых эти запасы представляют собой товарный капитал, являющийся одной из функциональных форм промышленного капитала, а для вторых – торговый капитал, являющийся самостоятельной формой капитала, занятого исключительно в сфере обращения. Игнорируя эти формы, Дж. С. Милль отождествлял, с одной стороны, реальный капитал только с производительным капиталом, точнее, с двумя его формами – основным и оборотным капиталами, полагая, что они образуются из товарных запасов после их реализации на рынке; с другой стороны, оборотный капитал с капиталом обращения, что в корне неверно. Такая интерпретация сути рассматриваемого вопроса всецело предопределялась вещной концепцией капитала, которой придерживался автор.

Между тем еще в начале 30-х годов XIX века появились работы английского экономиста Р. Джонса, в которых, наряду с традиционными, был представлен и новый подход к трактовке капитала. Иными словами, опираясь на вещную концепцию капитала, автор в то же время указывал на социальную природу капитала, рассматривая его как общественное отношение (подчеркнем, этот второй подход «не заметил» Дж. С. Милль).

В этой связи Р. Джонс утверждал, что существует особая часть богатства, употребление которой в производстве позволяет достичь определенных результатов. Благодаря этому употреблению труд становится непрерывным и более производительным.

Именно «эта особая часть богатства и называется капиталом»⁸². Он «состоит из всех тех благ, которые употребляются при производстве богатства или авансируются для содержания тех, кто производит богатство»⁸³.

По мнению автора, деление данной массы богатства на капитал и доход отнюдь не зависит от природы благ, из которых состоит это богатство, но всецело зависит от цели, ради которой они применяются. «Допустим, я владею сотней кварталов овса и употребляю половину из них на прокорм лошадей для обработки моей земли. Эта половина составляет капитал: я получу его обратно через некоторое время или получу обратно его стоимость, а также некоторую прибыль. Другую половину я скормливаю верховым лошадям. Эту часть я трачу как доход: я не получу обратно ни его стоимости в виде других благ, ни прибыли на него»⁸⁴.

Кроме того, различая капитал и доход, нужно иметь в виду не только указанную цель, но и способ, которым применяются эти блага. Например, крестьянин в Ирландии (или на континенте) существует благодаря потреблению пищи, которую он произвел для себя. Но эта пища не прошла через процесс сбережения, а потому она не предполагает никакого воздержания и самоограничения, никакого руководителя труда рабочего, отличного от него самого. Совершенно очевидно, что, потребляя свой запас пищи, ирландец занят его воспроизводством. Последнее становится возможным только потому, что капиталист авансирует свой капитал, создавая условия для труда рабочего. Будучи взаимосвязанными, запас и капитал вместе с тем не тождественны друг другу. В самом деле, владелец капитала нанимает рабочего и выплачивает ему заработную плату. Она была сбережена из дохода. Благодаря этому фонд содержа-

⁸¹ Там же. С. 204–205.

⁸² Джонс Р. Политическая экономия народов. М., 2011. С. 15. Она «определяется г-ном Мальтусом как «та часть запаса страны, которая применяется с расчетом на прибыль при производстве или распределении богатства». Предварительно он определил запас как «накопленное богатство, либо сохраняемое потребителем для потребления, либо применяемое с расчетом на прибыль»». / Там же.

⁸³ Там же. С. 143.

⁸⁴ Там же.

ния рабочего класса (или «рабочий фонд») может увеличиваться лишь постольку, поскольку имеют место такие сбережения, служащие источником заработной платы⁸⁵.

Во избежание смешения этих двух случаев, Р. Джонс считал необходимым пояснить, что более целесообразно называть заработную плату, находящуюся в руках рабочих, фондом для непосредственного потребления, образующим часть национального дохода (доходов страны, по терминологии автора). Ибо при таком положении вполне очевидно, что заработная плата представляет собой доход, подобно тому, как она представляет капитал прежде, чем ее уже авансировали. «Если против такого словоупотребления будут возражать и настаивать, что мешок картофеля ирландского крестьянина составляет часть капитала страны, так как им содержится производительный труд так же, как и деньгами, авансированными капиталистом для этой цели, – то для того, чтобы постоянно удерживать в сознании разницу, мною разъясненную, мы можем разделить капитал на две части: на часть, состоящую из богатства, которое сбережено и используется с расчетом на прибыль, и на такую часть, которая не была сбережена и употребляется не с целью извлечения прибыли, а лишь для воспроизводства»⁸⁶.

Исходя из этого пояснения, автор предпочитал использовать термин «капитал» применительно к богатству, которое прошло через процесс сбережения⁸⁷. Поэтому капитал «представляет собой нечто сбереженное из дохода, применяемое с целью производства богатства, или с расчетом на прибыль»⁸⁸.

Нетрудно видеть, что, опираясь на традиционное определение капитала и дохода, восходящее к А. Смиту, Р. Джонс выделял их отличительные черты. По его мнению, капитал есть, во-первых, особая часть богатства (или накопленного запаса страны), которая применяется для производства благ, из которых состоит это богатство; во-вторых, результат сбережения из дохода капиталиста, авансированное в это производство для получения прибыли.

Что же касается другой части данного богатства, то она составляет доход (в узком смысле слова), который предназначается для непосредственного потребления капиталистов и рабочих. При этом первые «воздерживаются» от ее производительного использования, а вторые получают заработную плату. Последняя представляет собой «рабочий фонд», который образуется за счет авансированного капитала, расходуемого его владельцем на вознаграждение рабочих за их труд⁸⁹.

Критикуя такой взгляд Р. Джонса на «рабочий фонд», К. Маркс писал: «Здесь характерно то, что работник воспроизводит «рабочий фонд» для самого себя. Этот «рабочий фонд» *не превращается в капитал*. Подобно тому как работник непосредственно производит свой «рабочий фонд», так он его непосредственно присваивает, хотя прибавочный труд работника, в зависимости от той особой формы, в какой данный работник относится к своим усло-

⁸⁵ См.: Там же.

⁸⁶ Там же. С. 144.

⁸⁷ «Во всяком случае мы должны постоянно иметь в виду различие между этими двумя категориями богатства (то есть капиталом и доходом. – Н.С.). Понимание экономической структуры различных обществ и знание причин их относительного богатства или бедности существенно зависит от этого различия. Словоупотребление же, которым мы пользуемся последовательно, представляется делом сравнительно небольшой важности» / Там же.

⁸⁸ Там же. С. 144.

⁸⁹ Будучи накопленным результатом прошлого труда, «капитал, при помощи которого человек помогает своему труду, не во всяком обществе выполняет все задачи, которые он способен выполнить. Он во всех случаях начинает выполнять их постепенно и поочередно; замечательно и в высшей степени важно, что особая функция, выполнение которой необходимо для того, чтобы производительная сила капитала во всех его других функциях достигла значительного развития, есть именно та, которой капитал у большей части трудящегося человечества еще не выполнял. Я имею в виду его употребление на авансирование заработной платы. Требуется ясное понимание этого и, конечно, еще многих других явлений, действующих в качестве тормозов на развитие народов, чтобы понять, почему столь немногие нации сделали для развития производительных сил национальной промышленности то, что может быть сделано, как мы видим на немногих чрезвычайно редких примерах, а также почему нынешнее положение более слабых и отсталых, в то же время наиболее многочисленных классов наций, сохранилось так долго и, по-видимому, сохранится еще дольше». / Там же. С. 34

виям производства, присваивается либо целиком им самим, либо частично им самим, либо целиком другими классами (поясним, К. Маркс имеет в виду, что результаты капиталистического производства присваиваются не только капиталистами и рабочими, но и другими классами. – Н.С.). То, что Джонс эту категорию работников называет «получателями заработной платы» (*Wages – labourers*) – это только экономический предрассудок. У них ничего из того, что характеризует получателя заработной платы наемного рабочего. Это – великолепное представление буржуазной политической экономии: раз при господстве капитала та часть продукта. Которую рабочий присваивает себе самому, является *заработной платой*, то и та часть продукта любого работника, которую потребляет он сам, обязательно должна представлять собой *заработную плату*»⁹⁰. Иными словами, понятие «рабочий фонд» не выходит за рамки простой тавтологии. Ибо присвоение (отчуждение) рабочим части созданного им продукта в виде заработной платы, это и есть то, что он может получить, ибо других ее источников при господстве капитала не существует.

Определяя капитал как нечто сбереженное из дохода в целях содействия производству, Р. Джонс подчеркивал, что источниками капитала являются все доходы населения каждой страны, из которых та ил иная может быть сбережена. Эти доходы подразделялись им на две группы: *первичные*, или *основные*, и *производные*. К первым он относил заработную плату, ренту и прибыль, ко вторым – доходы разных классов, образующихся не из прибыли и ренты, а являющихся заработной платой. Они получают ее не за простой физический труд, затрачиваемый непосредственно в производстве, а за труд, осуществляемый в различных областях общественной жизни (здравоохранение, правовое дело, церковная деятельность, служба в армии и на флоте, государственная служба и т. п.)⁹¹. Именно эта заработная плата служит главным источником доходов всех представителей этих классов, основой формирования которых является перераспределение первичных доходов⁹².

Согласно Р. Джонсу, капитал, применяемый в производстве, делится на два вида, или на две различные части: 1) на часть, употребляемую на содержание или оплату рабочих; 2) на часть, применяемую для повышения производительности труда, т. е. используется для приобретения необходимых средств производства. Первую часть автор называл *поддерживающим* или *содержащим* рабочих капиталом, а вторую часть – *вспомогательным* капиталом⁹³. Если использовать терминологию, введенную в научный оборот К. Марксом, то здесь речь идет о переменном и постоянном капитале.

Указывая на различия между ними, Р. Джонс писал: «Капитал, авансируемый на содержание труда, в одном весьма важном отношении значительно отличается от капитала, употребляемого в качестве вспомогательного.

Он должен воспроизводиться в течение того же самого или приблизительно того же времени, в течение которого он потребляется рабочим. Если на ферме применяется добавочный рабочий, то его заработная плата должна быть полностью воспроизведена вместе с прибылью в течение года. Если рабочий занят в течение года на фабрике или мануфактуре, то стоимость,

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. Ч. III. С. 431–432.

⁹¹ «Эти классы сравнительно со своей численностью играют значительно большую роль в ежегодном накоплении, чем физические работники. Они охватывают юристов, врачей, часть служителей церкви, офицеров армии и флота, артистов, служащих высшего ранга публичных и частных учреждений, лавочников, квалифицированных рабочих и все категории и профессии, доход которых получается в виде заработной платы.» / Джонс Р. Указ. соч. С. 146.

⁹² Нужно, однако, «помнить, что лица, накапливающие капитал, состоят не только из тех, кто непосредственно получает ренту, заработную плату и прибыль, но также из большого числа лиц, между которыми делятся рента, заработная плата и прибыль данной страны ... Хотя доходы, потребляемые этими лицами, несомненно, являются производными от ренты, заработной платы и прибыли, эти лица тем не менее составляют отличную от других группу потребителей и особое влияние их на ход накопления капитала на известных ступенях развития общества отнюдь не следует оставлять без внимания». / Там же. С. 17.

⁹³ См.: Там же. С. 36–39, 158.

производимая им за то время, что потребляет свою заработную плату, должна равняться стоимости этой заработной платы с добавлением некоторой прибыли на ее сумму.

Совершенно иначе обстоит дело со вспомогательным капиталом. Некоторые части его могут сохраняться в течение пятидесяти лет; и если на эти части получается какая-нибудь прибыль, то достаточно, чтобы рабочий, которому этот капитал содействует, воспроизвел его, или его стоимость, в течение пятидесяти лет»⁹⁴.

Данные рассуждения свидетельствуют о том, что их автор отождествлял деление капитала на поддерживающий или содержащий рабочих (переменный) и вспомогательный (постоянный) с его делением на оборотный и основной. Ибо в качестве критерия деления первых рассматриваются одновременно и способ воспроизводства их стоимости, и время, в течение которого они функционируют в процессе производства.

Таковы основные положения о капитале, выдвинутые Р. Джонсоном. Несмотря на присущие им отдельные недостатки, обусловленные традиционным определением капитала как особой части «вещественного богатства» и «накопленного или сбереженного запаса благ», Р. Джонс был одним из первых, кто стал трактовать капитал как специфическое производственное отношение. Суть последнего состоит в том, что уже «первые капиталисты, т. е. те, кто авансирует заработную плату из накопленного капитала и стремятся получить от этого аванса доход в форме прибыли – представляли собой обычно класс, отличный от самих работников»⁹⁵.

По мнению автора, такое отношение возникает лишь при наличии соответствующего условия. В этой связи он писал: «Появление класса капиталистов в качестве хозяев, оплачивающих рабочих, представляется условием, при наличии которого только и возможна, после разделения профессий, непрерывность труда в любой отрасли производства. Для того, чтобы рабочий мог производить свою работу непрерывно и без помех, необходимо, чтобы он не был вынужден дожидаться появления покупателя продукта его труда. Именно капитал его хозяина и доставляет средства для хранения на складе продуктов до того, как они потребуются, иначе говоря, – средства для ожидания спроса. Но тот же шаг в развитии национального хозяйства, который делает прибыльным непрерывный труд рабочего, увеличивает постоянно затраты труда, благодаря деятельности нового класса надсмотрщиков, который тотчас же и неизбежно создается. Капиталист, который намерен получить прибыль от покупки и продажи, определенно заинтересован в обеспечении путем надзора использования постоянного и непрерывного труда рабочих, которых он кормит»⁹⁶.

⁹⁴ Там же. С. 158–159.

⁹⁵ Там же. С. 65. «Когда-нибудь в будущем, может быть, сложится такой общественный порядок и отдельные части света, быть может, к нему приближаются, при котором рабочие и владельцы накопленного капитала станут тождественны. Но в истории наций, как мы знаем, этого до сих пор никогда не было; чтобы проследить и понять эту историю, мы должны наблюдать, как рабочие постепенно переходят от власти заказчиков, которые платили им из своего дохода, во власть предпринимателей; эти последние авансируют их заработную плату из капитала и из выручки от него рассчитывают реализовать особый доход. Эти **отношения** (выделено нами – Н.С.) нам не кажутся такими привлекательными как те, при которых рабочий и капиталист совпадают в одном лице; но мы должны это рассматривать как известную стадию в процессе развития общества, которую мы находим в истории передовых наций. До этой стадии народы Азии еще не дошли.» / Там же. Иными словами, капитализм есть исторически определенная экономическая система, имеющая преходящий характер.

⁹⁶ Там же. С. 159–160. И далее: «Но существование такого особого класса капиталистов представляет еще большую важность для развития хозяйства благодаря тем возрастающим силам, которые этот класс в состоянии поставить на службу человеческому труду; когда физические работники сами являются единственными руководителями своего труда, то их ресурсы сверх заработной платы могут быть лишь очень незначительными. Большое количество капитала не может применяться в помощь хозяйству, которое остается целиком в руках трудящегося класса. Обладание такой собственностью и положение наемного рабочего представляются двумя несовместимыми вещами. Поэтому, в качестве предварительного условия для накопления возрастающих масс капитала всегда появляется класс людей, платящих заработную плату; и до тех пор, пока это существенное предварительное условие не осуществлено, не может иметь места сколько-нибудь значительное увеличение массы вспомогательного капитала». / Там же. С. 161. Заметим, описывая, таким образом, это предварительное условие, автор абстрагировался от главного, а именно, почему появились классы капиталистов и наемных рабочих. Традиционная трактовка, опирающаяся на акт сбережения, ничего не объясняет по существу.

Совершенно иной, вульгарный по своей сути подход к трактовке капитала развивал английский экономист Г.Д. Маклеод. По его мнению, капитал представляет собой накопление или сбережение продуктов (произведений, по терминологии автора), получаемых их владельцами посредством обмена⁹⁷.

Рассматривая, образуемый таким образом капитал как вечное явление, имманентное даже первобытному обществу⁹⁸, Г.Д. Маклеод отмечал, что этот обмен осуществляется с помощью денег. Последние позволяют человеку приобрести то, в чем он нуждается.

«Но предположим, что вместо того, чтобы истратить все приобретаемое на предметы потребления, он *сберегает* часть приобретенного; в таком случае, положение его ... становится лучше на столько, сколько он сберег. Такое сбережение представляет ту часть оказанных им услуг, за которую он не получил еще соответствующего вознаграждения. Это сбережение называется *капиталом*. Будет ли это пенни, шиллинг или фунт, это составляет зародыш капитала; чем более труженике сберегает при производимых им расходах, тем более возрастает капитал. Часть денег им истраченную мы называем *доходом* (revenue), а часть сберегаемую – *капиталом* (capital). Отсюда, по основной идее, капитал есть запас накопленного труда, еще не обращенный владельцем на покупку предметов потребления. Он не представляет самих предметов потребления, а изображает лишь власть или возможность, какую владелец имеет купить то, что ему нужно. Очевидно также, что он не представляет определенного отношения к предметам потребления, потому что количество капитала, накапливаемого владельцем, составляет именно то количество, которое он устранил от затрат ...

Таково, следовательно, со времени введения денег в употребление, основное понятие о капитале. Это есть ни что иное, как запас накопленного труда, еще не истраченный; для изображения и измерения его необходимо какое-нибудь вещественное орудие, и это орудие суть деньги. Итак, капитал по своему первобытному основному значению, изображает накопленные сбережения труда, и символом ему служат деньги. Первое понятие, какое деловой человек соединяет со словом капитал, есть деньги. Поэтому, капиталистом на деловом техническом языке, называется лицо, имеющее в своем распоряжении значительный запас свободных денег. Положить капитал в дело, значит употребить деньги на известное предприятие. Когда про человека говорят, что у него нет достаточного капитала, чтобы вести дело, это означает, что в его распоряжении нет достаточного количества свободных денег»⁹⁹.

Отсюда видно, что здесь дано весьма своеобразное, точнее, извращенное толкование учения А. Смита о капитале. В самом деле, опираясь на это учение, Г.Д. Маклеод определял капитал, во-первых, как накопленный запас произведений (продуктов), который образуется за счет сбережений и предназначается не для личного потребления; во-вторых, как накопленный запас труда (надо полагать, прошлого), не пошедшего на приобретение предметов потребления.

Подчеркнем, за этим внешним сходством данных определений скрывается, однако, глубокое различие, касающееся роли капитала и его форм в экономической жизни общества, их интерпретации А. Смитом и Г.Д. Маклеодом. Если первый указывал на внутреннюю связь

⁹⁷ «Если мы предположим, что звериный охотник обменялся некоторыми из своих произведений с фермером или пастухом, то с полным правом можем допустить, что ему не потребуется для собственного употребления, все то количество хлеба или скота, которое он получил на произведения охоты; так что, если бы подобная мена продолжалась, положим в течение года, у охотника накопился бы запас хлеба или скота далеко выше того, что ему необходимо для немедленного потребления. Такое накопление или сбережение представляет первоначальное понятие о *капитале*.» / Маклеод Г.Д. Основания политической экономии. СПб., 1865. С. 66.

⁹⁸ «Понятно, что этот первобытный способ накопления капитала был бы очень неудобен и хлопотлив. Если бы кто-нибудь вздумал составить значительные запасы продуктов, то для этого потребовалось бы содержать большие житницы, многочисленные стада, обширные склады разного рода, а присмотр за всем этим был бы крайне затруднителен. Очевидно, что такой неудобный путь для направления дела вел бы к тому, что отклонял бы людей от накопления капитала, а это служило бы важным препятствием к возрастанию народного богатства.» / Там же. С. 67.

⁹⁹ Там же. С. 70.

между двумя определениями капитала (разумеется, с точки зрения решающей роли последнего в экономике), то второй, игнорируя ее, ограничился лишь простой констатацией этих определений. Если первый рассматривал капитал как явление, имманентное буржуазному обществу, то второй – первобытному. Если первый четко выделял составные части накопленного запаса благ, распадавшихся на две части – капитал и доход, то второй не проводил подобного деления, абстрактно полагая, что одни произведения (продукты) предназначены для непосредственного потребления, а другие не предназначены. Если первый акцентировал свое внимание на производительной форме капитала, то второй – на денежной (сообразно ей выделяются собственно капитал и доход). При этом сами деньги трактуются как вещественное орудие, служащее средством «изображения и измерения» капитала.

Из этих товарно-фетишистских представлений о капитале, Г.Д. Маклеод считал, что этот термин «дает новое еще к дальнейшему метафизическому распространению его первоначального значения. Так как цель труда каждого человека заключается в том, чтобы приобретать деньги, то все, что ведет к достижению этой цели может, в переносном смысле, быть названо *капиталом*. Когда человек употребляет деньги как капитал, т. е. с целью извлечь из них прибыль, то форма, в которой он совершает затрату, не оказывает влияния на самый принцип. Один человек затрачивает деньги на ферму с целью продать произведения хозяйства, другой употребляет деньги на покупку товаров, третий обращает деньги на образование своего ума, на изучение какой-либо профессии, с целью получить выгоду от отправления этой профессии. В качестве вопроса из области политической экономии, все эти способы затраты капитала могут быть рассматриваемы с одной и той же точки зрения. Они могут быть отнесены к одному роду или классу, хотя и подлежат разграничению по отношению к их видам. Так, один вид может быть назван вещественным капиталом, а другой – личным, нравственным, умственным или невещественным капиталом»¹⁰⁰.

Итак, по Г.Д. Маклеоду, «метафизическое мышление» позволяет выделить четыре важных момента. Во-первых, конечной целью всякой трудовой деятельности является приобретение денег. Во-вторых, все, что ведет к достижению этой цели, может быть названо капиталом (не в прямом, а в переносном смысле слова). В-третьих, употребление денег как капитала, т. е. с целью извлечения прибыли, может осуществляться в различных формах, которые не оказывают никакого влияния на главный принцип – достижение данной цели. В-четвертых, разные способы затрат капитала позволяют установить, что он подразделяется на два вида: вещественный и невещественный (личный, нравственный, умственный).

Подобное «мышление» свидетельствует о том, что, будучи вульгарным экономистом, Г.Д. Маклеод, как и меркантилисты, отождествлял, с одной стороны, деньги как таковые с капиталом; с другой стороны, простое товарное обращение с капиталистическим. Сообразно этому, подчеркивая «оригинальность» своей позиции, автор заявлял, что капиталом является все то, что обеспечивает получение прибыли или дохода. Поэтому он относил к капиталу не только всякое имущество, прежде всего, вещественные орудия производства (инструменты и т. п.), но и продукты интеллектуального труда (например, книги), духовные (умственные) способности, сметливость, дальновидность¹⁰¹.

¹⁰⁰ Там же. С. 73–74.

¹⁰¹ «Итак, капитал в его обширнейшем и общем смысле – который, собственно, и подлежит обсуждению в политической экономии – есть нечто такое, чем человек может производить обороты, что он может затратить в видах извлечения прибыли, или что даст ему средства к получению дохода. Всякое имущество или качество, которым он владеет и которое дает ему средства к увеличению его богатства, всякое орудие, хотя бы незначительное, всякое хотя бы самое простое соображение, сокращающее труд и увеличивающее производство, по справедливости может быть признано капиталом. Так, инструменты ремесленника, вместе с его искусством и предприимчивостью, составляют его капитал. Образование, книги и опытность врача и адвоката составляют их капитал; товары купца, его сметливость и дальновидность суть его капитал; имение землевладельца есть его капитал, который он пускает в оборот сам, или сдает арендаторам. Так, надежная репутация служит капиталом людям, которые получают в ссуду деньги, или приобретают места, благодаря своей испытанной честности. Теперь, проникнувшись

Совершив это «великое открытие», Г.Д. Маклеод указывал на отличие невещественного (умственного) капитала или невещественного богатства (автор отождествлял эти понятия) от вещественного капитала или вещественного богатства. В этой связи автор писал: «Умственный капитал точно так же составляет источник прибыли для собственника, как ферма или фабрика. Правда, что он подвержен исчезновению, но это нисколько ни лишает его значения капитала или богатства, пока он существует. Всякое познание, всякая профессия, посредством которых люди добывают средства к жизни, составляют для них капитал. Талант певца или танцовщицы есть их капитал. Что труд их не создает ничего прочного, что от него не остается ничего видимого, – это не изменяет существа дела, так как подобное же возражение может быть приложено к огромному количеству вещественных произведений, которые создаются именно с целью уничтожения»¹⁰².

Как видим, игнорируя социальную природу капитала, автор подразумевал под особым видом последнего – умственным (человеческим, по современной терминологии) капиталом – не только знания, профессиональные навыки и иные способности умственной (интеллектуальной) деятельности человека, но и продукты этой деятельности. Будучи приверженцем меновой концепции, и отождествляя всякое производство с капиталистическим, он заявлял, что такой капитал служит источником получения прибыли его собственником в любых исторических условиях. Разумеется подобная (вульгарная) трактовка составных частей капитала, прежде всего, переменного, не имеет ничего общего с подлинно научным пониманием ключевой роли последнего в создании прибавочной стоимости, которая на поверхности буржуазного общества выступает в превращенной форме прибыли.

Завершая свой анализ настоящего вопроса, Г.Д. Маклеод два способа употребления капитала. Во-первых, он может затрачиваться на предметы, предназначенные для продажи, вследствие которой их первоначальная стоимость (сумма денег, по терминологии автора) вместе с избытком или прибылью возвращается к владельцу этих предметов в течение одной операции. Такой капитал, или предметы, на которые он затрачен, называется *текущим* или *оборотным*. Во-вторых, он может затрачиваться на предметы, которые не предназначаются для продажи или удаления и которые остаются у их владельца, принося ему выгоду от пользования ими. Такой капитал, или предметы, на которые он затрачен, называется *неподвижным*¹⁰³.

этими основными понятиями, мы не рискуем уже впасть в заблуждение насчет значения *капитала*, – будет ли это слово употреблено в его первоначальном смысле, или же в смысле переносном.» / Там же. С. 74.

¹⁰² Там же. С. 76. «Так, никто не станет отвергать, что сигары суть капитал для табачного торговца. Производитель табака замечает, что люди любят курить, потому и употребляет свое время, труд и деньги на продукт, который удовлетворял бы этой потребности. Оперный певец видит, что ковалынский талант составляет предмет желаний этих людей и что люди готовы платить деньги, чтобы наслаждаться подобным талантом. Вследствие этого он тратит время, труд и деньги на развитие своих дарований, что и дает ему средства удовлетворить желанию людей. Почему же пение его с меньшим правом может быть названо его капиталом, чем сигары называются капиталом табачного торговца? И пение, и сигары исчезают при потреблении, но и то, и другое одинаково составляют источник прибыли для лица, которое может снабжать тем или другим потребителей. И то, и другие равно могут быть предметами продажи и, следовательно, собственности.» / Там же. С. 76–77.

¹⁰³ «Ясно, что если возврат капитала совершается в одну операцию, то возвращенная сумма должна содержать в себе всю сумму денег, необходимую для восстановления предмета, вместе с предполагаемой прибылью. Если же возврат совершается в несколько приемов и в определенные периоды, например, годовые, то каждый срочный платеж должен состоять частью из суммы, необходимой для устранения происшедших в предмете, за тот же срок, повреждений, частью же из суммы прибыли или барыша в пользу капиталиста, с тем чтобы в конце известного периода, когда предмет подвергается совершенному уничтожению, итог всех срочных платежей был достаточен для восстановления предмета в его первоначальном виде, совокупно с суммой прибыли ... Очевидно, что капитал получает то или другое название, сообразно намерениям лица, производящего предмет, и сообразно целям, для которых предмет производится, без всякой зависимости от свойства самого предмета. Один и тот же предмет может получить различные названия, смотря по тому, как он переходит к различным собственникам, производящим его, или распоряжающимся, чтобы он был произведен для различных целей. Один и тот же предмет может быть *оборотным капиталом* в руках одного лица и *неподвижным капиталом* в руках его последующего владельца, если первый производит его с целью продажи, а второй покупает его с целью постоянного извлечения из него дохода посредством пользования им.» / Там же. С.81.

Различие между ними «может быть определено следующим образом. Если полная цена предмета выплачивается из текущего дохода страны, предмет этот есть *оборотный капитал*; если же выплачивается только прибыль, доход, получаемый от пользования предметом, в таком случае это *капитал неподвижный*»¹⁰⁴.

Подобные определения оборотного (текущего) и основного (неподвижного, по терминологии автора) капитала вполне логично вытекают из авторской концепции, покоящейся на товарно-фетишистских представлениях о капитале. В соответствии с ними, в качестве главного критерия различения этих капиталов провозглашается способ их употребления, связанный с производством и реализацией продуктов (предметов, по терминологии автора), которые используются их владельцами для достижения разных целей. Если эти предметы предназначаются для продажи, совершаемой в течение одной операции, то они переходят из рук одного владельца в руки другого, возмещающего первому их полную цену, которая включает в себя первоначальную стоимость и прибыль. В таком случае мы имеем дело с оборотным капиталом. Если же эти предметы предназначаются не для продажи, то они остаются у их владельца, пользование которыми позволяет ему извлекать доход (например, прибыль) и возратить их первоначальную стоимость в течение известного промежутка времени; или кто-нибудь покупает эти предметы для пользования с целью получения дохода (например, ренты или процента). В таком случае мы имеем дело с основным (неподвижным) капиталом.

Извращая, таким превратным образом смитовское понимание оборотного и основного капитала, Г.Д. Маклеод утверждал, что природа последних всецело зависит исключительно от субъективных предпочтений их владельцев, которые определяют способ употребления капитала и производимых с его помощью предметов. Поэтому употребляемые ими капиталы могут поменяться местами, т. е. оборотный капитал может превратиться в основной (неподвижный) и наоборот¹⁰⁵.

Поэтому «мы можем сказать с убеждением, что не существует предметов, которые были бы непременно неподвижным капиталом, точно так же, как нет предметов, которые были бы непременно оборотным капиталом. Способ затраты капитала, который почти всегда бывает капиталом оборотным, состоит в выдаче заработной платы». Например, «при всех обыкновенных обстоятельствах в Англии, заработная плата предоставляется капиталом оборотным. Но в государствах, где существует рабство, это не так. Там рабы составляют неподвижный капи-

¹⁰⁴ Там же. С. 82. «На это различие часто не обращают должного внимания, и название неподвижного капитала иногда прилагается к предметам известного, определенного рода, а название оборотного капитала к предметам другого, определенного же рода. Так, дома, земли, машины, железные дороги и корабли часто называют неподвижным капиталом. Тем не менее, это совершенно ошибочно. Если кто-нибудь употребит свой капитал на постройку домов, с целью немедленной продажи их, то такие дома в руках этого человека представляются оборотным капиталом, так как цена их возвращается в одну операцию. Если же другой кто-нибудь купит те же дома, с целью отдачи их в наем и будет пользоваться лишь доходами с них, т. е. своего капитала, то такой капитал получает в его руках значение капитала неподвижного. Многие покупают землю на спекуляцию, с целью перепродажи с барышем. Земля в руках таких барышников есть *оборотный капитал*. Если кто-нибудь купит ту же землю, с целью сдачи ее фермерам, или с целью обработки ее своими средствами, для извлечения из нее постоянного дохода, то земля эта в руках такого человека становится *капиталом неподвижным*. То же самое с машинами; в отношении к машинному фабриканту, приготовляющему машины для продажи, он составляет *оборотный капитал*; в отношении к мануфактуристу, покупающему их с тем, чтобы, при посредстве их, усилить производство, и, следовательно, пользоваться только прибылью от их употребления, они приобретают значение *неподвижного капитала*. Отсюда, мы можем принять общим правилом, что все предметы, какого бы то ни было свойства, пока они находятся в руках человека, делающего ими обороты, т. е. производящего или покупающего их с целью продажи, при первой возможности, составляют *оборотный капитал*. Но лишь только эти предметы переходят в руки лица, извлекающего лишь прибыль в виде процентов от пользования означенными предметами, они становятся *неподвижным капиталом*.» / Там же.

¹⁰⁵ «Легко доказать, что предметы, считающиеся обыкновенно оборотным капиталом, могут сделаться капиталом неподвижным. Готовое платье обыкновенно считается оборотным капиталом, потому что оно делается, вообще, на продажу. Но если кто-нибудь приготовляет его с целью отдачи на прокат, оно становится в руках такого человека капиталом неподвижным. Всякий обыкновенный портной шьет платье на продажу своим заказчикам; такое платье для него – оборотный капитал. В руках Натана, который отдает мундиры и другие костюмы только на подержание, товар этот становится капиталом неподвижным, подобно дому или фабрике. Если мебельный мастер делает мебель для отдачи в наем, такая мебель точно так же становится *неподвижным капиталом*, как, например, железная дорога.» / Там же. С. 85.

тал»¹⁰⁶. Если первое положение согласуется со смитовским пониманием оборотного капитала, то абсурдность второго положения вряд ли нуждается в особом пояснении.

Итак, согласно авторской концепции, деление капитала на оборотный и основной (неподвижный) есть условное, преходящее явление, всецело зависящее от способа затраты капитала и характера употребления производимых предметов. Такое нелепое утверждение базируется, с одной стороны, на абсолютизации денежной и товарной форм капитала (не имеющих никакого отношения к этому делению) и полном игнорировании производительной формы последнего (имеющего непосредственное отношение к этому делению); с другой стороны, грубом отождествлении обращения капитала и товарного обмена. Воистину пути фетишизации капитала и его составных частей не знают границ!

Нужно подчеркнуть, что в «плелу» этой фетишизации находились и представители неонеклассического направления буржуазной политической экономии. Так, английский экономист А. Маршалл, опираясь на традиционный подход, в качестве исходной предпосылки анализа капитала рассматривал такой феномен, как доход. Извращая реальные факты, он заявлял, что уже в первобытном обществе каждая семья ведет свое хозяйство на основе почти полной обеспеченности, производя для себя все необходимые для жизни блага: пищу, одежду и даже предметы домашнего обихода. Поэтому «лишь очень небольшая часть дохода семьи, или поступлений извне, принимает форму денег.

Когда вообще представляют себе ее доход, то оценивают выгоды, получаемые от утвари для приготовления пищи, равно как и от применения плуга для обработки почвы; при этом не усматривают различия между ее капиталом и остальным накопленным имуществом, к которым в равной мере относятся и утварь для приготовления пищи, и плуг»¹⁰⁷.

Но такого рода рассуждения есть не что иное, как «плод больного воображения» автора, стремившегося выдать желаемое за действительное. Как известно, в первобытном обществе главной хозяйственной единицей была община. Но отнюдь не отдельная семья. Последняя стала таковой лишь в период разложения данного общества.

Что же касается капитала, то, исходя не столько из научных, сколько из идеологических соображений, А. Маршалл отождествлял его с натуральным доходом (ибо небольшая часть последнего принимает форму денег) и, как следствие, – с накопленным имуществом, полагая, что они являлись неотъемлемыми атрибутами экономической жизни первобытного общества. Между тем капитал появился впервые только в древнегосударственной экономике. Однако капитал не играл в ней ведущей роли, поскольку она была преимущественно натуральной.

Но А. Маршалл занимал иную позицию. По его мнению, выйдя из первобытного состояния, экономика стала денежной, т. е. денежные отношения являлись всеобщими, охватывая все ее сферы. Причем по мере роста «денежной экономики получила развитие сильная тенденция сводить понятие дохода к тем поступающим извне, которые оказываются в форме денег; сюда включаются и «платежи в натуре» (такие, как бесплатное жилье, бесплатные уголь, газ, вода), которые производятся в качестве части вознаграждения работника взамен выплаты денег»¹⁰⁸.

Смешивая подобным (вульгарным) образом денежную экономику с деньгами, как специфическим товаром, выполнявшим роль всеобщего эквивалента в процессе обмена обычных товаров, А. Маршалл указывал на тесную связь дохода с капиталом. Опираясь на здравый смысл, автор определял капитал человека как ту «часть его богатства, которую он выделяет на получение дохода в форме денег. Или, еще более широко, на приобретение (Erwerbung) посредством торгово-промышленной деятельности. Поэтому иногда может быть целесообразно называть его *торгово-промышленным капиталом*; такой капитал можно определить как

¹⁰⁶ Там же. С. 83–84.

¹⁰⁷ Маршалл А... Принципы экономической науки. Т. I. М., 1993. С. 132.

¹⁰⁸ Там же.

состоящий из тех внешних благ, которые человек использует в своем предприятии, либо храня с целью продать за деньги, либо применяя их для производства вещей, которые предстоит продать за деньги»¹⁰⁹.

Итак, по А. Маршаллу, изначально, наряду с торговым капиталом, существовал и промышленный капитал, которые он сознательно объединил в одну рубрику, игнорируя тем самым их отличительные черты. Известно, однако, что промышленный капитал появился лишь в период становления буржуазного общества.

Отрицая это обстоятельство, и опираясь на традиционный подход, А. Маршалл определял капитал как часть богатства человека, т. е. совокупность вещей (внешних благ, по терминологии автора), которые он использует двояким образом: 1) хранит с целью продажи за деньги; 2) применяет для производства других вещей, предназначенных для продажи в будущем. Сообразно этому (товарно-фетишистскому по своей сути) определению капитала, А. Маршалл относил к нему принадлежащие промышленнику, с одной стороны, особые вещи, которые либо применяются непосредственно в производстве (средства производства), либо предоставляются работниками (предметы потребления); с другой стороны, такие вещи, которые используются либо для извлечения дохода, либо для осуществления контроля за капиталом¹¹⁰.

Будучи убежденным сторонником вещной концепции капитала (игнорировавшей его социальную природу), А. Маршалл уделил весьма скромное внимание делению последнего, во-первых, на потребительский и вспомогательный, или опосредствующий (заметим, кстати, эти категории автор заимствовал у своего предшественника Р. Джонса, изменив лишь название первой, но сохранив одновременно ее смысловое значение). *Потребительский* капитал включает в себя товары, предназначенные для непосредственного удовлетворения потребностей рабочих, т. е. товары, обеспечивающие существование последних (к таковым относятся пища, одежда, жилище и т. д.)¹¹¹. Напротив, *вспомогательный*, или *опосредствующий, капитал* включает в себя средства труда (инструменты, машины, фабрики, железные дороги, верфи, суда и т. д.) и предметы труда (всякого рода сырье), которые оказывают содействие приложению труда в производстве¹¹². Во-вторых, на основной и оборотный. Не мудрствуя лукаво, А. Маршалл счел целесообразным «последовать за Миллем в установлении различия между *оборотным капиталом*, «который целиком исчерпывает свою функцию в производстве, в процессе его одноразового применения», и *основным капиталом*, «который существует в долговечной форме и доход от которого поступает на протяжении соответственно продолжительного периода»¹¹³.

¹⁰⁹ Там же. С. 132–133.

¹¹⁰ «К наиболее важным элементам этого (промышленного. – Н.С.) капитала относятся, например, принадлежащие промышленнику фабрика и другие хозяйственные объекты – машины, сырье, а также продовольствие, одежда, жилые помещения, которыми он может располагать для предоставления в пользование своим работникам и для престижа своего предприятия. К вещам, находящимся в его владении, необходимо прибавить и те, на которые распространяется его право и из которых он извлекает доход, включая сюда ссуды, предоставленные им под закладные или в иной форме, и всякий контроль над капиталом, который он может приобрести, пользуясь сложными механизмами современного «денежного рынка». С другой стороны, его собственные долг (деньги как вещи. – Н.С.) следует вычесть из его капитала.» / Там же. С. 133.

¹¹¹ См.: Там же. С. 136.

¹¹² См.: Там же.

¹¹³ Там же. Далее автор пояснял: «Выдвинутое Адамом Смитом деление на основной и оборотный капитал основано на том, «приносит ли прибыль без смены своего хозяина» определенные товары или нет. Рикардо усматривал такое деление в том, отличаются ли они «медленным их потреблением или требуют частого своего воспроизводства», но он же правильно отмечал, что это «несущественное деление, в котором нельзя провести такую разграничительную линию». У современных экономистов общее признание получила уточняющая формула Милля». / Там же. С. 136–137. Как известно, к числу этих современных экономистов относится и К. Маркс, который указывал на существенное значение деления капитала на основной и оборотный, выделив четкий критерий такого деления: характер перенесения стоимости той или иной части капитала на производимый продукт. Но А. Маршалл умудрился «не заметить» вклада К. Маркса в решение этой проблемы, по-видимому, по идеологическим соображениям.

Подобно А. Маршаллу, товарно-фетишистские представления о капитале развивал американский экономист Дж. Б. Кларк. «Оригинальность» этих представлений состоит в том, что, с одной стороны, придерживаясь вещной концепции капитала, он определял последний как средства производства, которые всегда конкретны и материальны. Полагая, что этот факт имеет фундаментальное значение, автор рассматривал эти средства производства как часть фонда производительного богатства, сохраняющегося в течение известного промежутка времени. Поэтому «мы можем мыслить капитал как сумму производительных богатств, вложенных в материальные вещи, которые постоянно меняются, что происходит непрерывно, хотя самый фонд сохраняется»¹¹⁴.

С другой стороны, в отличие от своих предшественников, Дж. Б. Кларк стремился провести различие между капиталом и капитальными благами. Полемизируя с классиками, он выдвинул исходное положение, согласно которому капитал есть материальная вещь, а потому приобретенные способности человека не являются частью фонда производительного богатства. Ибо «человек ничего не добавляет к своему капиталу, когда он тратит деньги на свое обучение или образование для какого-нибудь полезного занятия. Он, правда, получает нечто, что увеличивает его производительную силу и, получая это, он вынужден практиковать воздержание. Он лишает себя удовольствия для того, чтобы впоследствии иметь возможность производить больше, чем при других условиях. Необходимо признать, таким образом, существование известного сходства между эффектом затраты средств на техническое образование и эффектом затраты на покупку орудий производства. При пользовании термина «капитал» мы будем, однако, настаивать на том, что капитал никогда не является качеством самого человека, которое употребляется для производственных целей. Капитал мира есть (как и был) одно великое орудие в руках работающего человечества, вооружение, посредством которого человечество подчиняет и преобразовывает сопротивляющиеся элементы природы»¹¹⁵.

Отсюда видно, что Дж. Б. Кларк отрицал сам факт существования человеческого капитала. Трактую капитал как вещественное орудие производства, автор считал, что единственной и наиболее отличительной чертой такого капитала является его перманентность, т. е. постоянное, непрерывное развитие, в ходе которого он сохраняется, создавая условия для приложения труда в производстве¹¹⁶.

Напротив, капитальные блага – это недолговечные материальные предметы, которые не только разрушаются, но и уничтожаются, для того, чтобы капитал мог сохраниться¹¹⁷. Хотя капитал может быть выражен в денежной форме, тем не менее он не тождественен доходу (как считал А. Маршалл), а противостоит последнему, поскольку он может затрачиваться на средства производства (машины, сырье и т. п.) и на удовольствия, не связанные с производственной деятельностью¹¹⁸.

Неправомерно противопоставляя капитал и капитальные блага, Дж. Б. Кларк отмечал, что если первый не имеет производственных периодов, функционируя непрерывно, то вторые, напротив, имеют эти периоды, следуя одно за другим в бесконечной последовательности,

¹¹⁴ Кларк Дж. Б. Распределение богатства. М., 2000. С. 109.

¹¹⁵ Там же. С. 106–107.

¹¹⁶ «Он сохраняется; и он должен сохраняться, чтобы производство было успешным. Затроньте его – уничтожьте какую-нибудь его часть – и вы испытаете бедствие. Уничтожьте весь капитал, которым вы располагаете, и вы должны будете с пустыми руками, так или иначе, зарабатывать на существование одним только трудом. И все же вы должны уничтожать капитальные блага для того, чтобы не потерпеть неудачу.» / Там же. С. 107.

¹¹⁷ «Пшеничные семена должны погибнуть для того, чтобы пшеница осталась жить. Именно эта идея перманентности и дала с самого начала имя тому виду богатства, который используется для производственных целей, ибо этот вид богатства имеет такую капитальную или жизненную важность, что должен быть всегда сохранен и нетронутым.» / Там же. Уже отсюда видно, что автор отождествлял капитал и капитальные блага.

¹¹⁸ См.: Там же.

в рамках которой для каждого из них наступает свое время¹¹⁹. Разумеется, такое противопоставление не соответствует действительности, ибо и капитал, и капитальные блага находятся в движении, охватывающем известные временные периоды производства и обращения. Главный порок авторской концепции состоит в том, что в ней, с одной стороны, отождествляются капитал и капитальные блага (несмотря на тщетную попытку автора разграничить их), так как к ним относятся одни и те же вещи (машины, разного рода сырье и т. п.), вследствие чего эти понятия являются по существу тавтологичными по своему смыслу, лишенному социальной определенности; с другой стороны, смешивается деление капитала на постоянный и переменный с его делением на основной и оборотный.

Заметим, такое смешение лежит в основе интерпретации последних. Она опиралась на концептуальный подход Дж. С. Милля к трактовке различия между основным и оборотным капиталом. В соответствии с этим подходом Дж. Б. Кларк заявлял, что капитальные блага подразделяются на две группы. Одни из них, которые воплощают основной капитал, могут быть повторно использованы без какой-либо перемены в их экономическом состоянии, выполняя активные производственные функции; напротив, другие, которые воплощают оборотный капитал, приобретают новое экономическое достояние при каждом их употреблении, выполняя, однако, пассивные производственные функции. Именно характер изменения экономического состояния, которое они претерпевают, позволяет провести «существенное и ясное различие между обоими видами капитальных благ»¹²⁰.

Но такая интерпретация основного и оборотного капитала, а следовательно, и капитальных благ покоилась на различении вещественного содержания последних, воплощенных в том или ином капитале, игнорировавшем главное, а именно, стоимостной критерий подобного различения, т. е. характер переноса стоимости этих двух составных частей производительного капитала на создаваемый продукт. Сообразно этому орудия (автор ошибочно называл их средствами производства, включающими в себя не только средства труда, но и предметы труда) относились к основному капиталу, а материалы (природное вещество и сырье, т. е. предметы труда) – к оборотному капиталу. Кроме того, к последнему относились также и запасы товаров, находившиеся в руках оптовиков, которые должны были реализовать их конечным потребителям. В этом случае, как и в вышеуказанных, оборотный капитал отождествлялся с капиталом обращения. Что же касается человека как самого активного (используя авторскую терминологию) субъекта производства, то, поскольку он не является капиталом (а стало быть, и капитальным благом), то данный субъект не относился ни к одному из этих видов капитала.

¹¹⁹ См.: Там же. С. 107, 108, 115.

¹²⁰ Там же. С. 128. Поясняя свою мысль, автор далее писал: «Капитальные блага содействуют производству двумя противоположными путями. Некоторые вещи, вроде орудий ремесленника, помогают подготовить к использованию вещество, доставленное природой. Они должны выполнять скорее активные, чем пассивные функции, так как они наделяют полезностью другие вещи. Машины, которые видоизменяют вещество, средства транспорта, которые передвигают его, и строения, которые его защищают, – все это входит в эту категорию; сюда относятся те средства, которые в борьбе между человеком и природой становятся на сторону человека и помогают ему подчинить для его пользования сопротивляющиеся элементы природы. Такие средства производства образуют активную часть конкретного капитала. С другой стороны, материалы, обрабатываемые орудиями, механически пассивны. Они получают полезность вместо того, чтобы сообщать ее, они претерпевают изменения, а сами ничего не изменяют. В соревновании между человеком и природой они становятся на сторону последней и находятся к человеку и его активным средствам в отношении восприятия. Хлопок, таким образом, пассивен, тогда как веретено активно; полосовое железо пассивно, тогда как прокатный стан и молот активны, и так повсюду в области производства сам характер процесса проводит демаркационную линию между активными орудиями труда и пассивными материалами – между оружием наступления человека и объектами защиты природы или ее покоряемыми элементами. Класс пассивных средств производства включает не только то необработанное вещество, с которого начинается производство, но и продукты, переходящие в незаконченном состоянии из одной производственной группы в другую. Он включает не только руду, но и железо, не только шерсть, но и пряжу, сукно и даже готовое платье, ожидающее покупателей. Он включает в себя все запасы товаров, которые в руках оптовиков ожидают получения уже более незначительной полезности формы, места и т. д., необходимые для того, чтобы сделать их полностью готовыми для конечного потребления». / Там же. С. 128–129. Нетрудно видеть, что автор стремился определить эти понятия с точки зрения маржиналистской доктрины.

В этой связи Дж. Б. Кларк предпринял последнюю (неуклюжую по своей сути) попытку провести различие между капиталом и капитальными благами, полагая, что термины «основной» и «оборотный» применимы не к этим благам, а к разным частям переменного фонда «истинного» капитала, т. е. орудий труда и материалов (предполагая одновременно, что последние входят в состав той или иной части данного капитала). Суть дела заключается в следующем. Если конкретные блага (вещи, по терминологии автора) не обращаются, а переходят в обладание потребителей, то «истинный» капитал действительно циркулирует, проходя бесконечный ряд внешних форм. Поэтому «он живет передвижением, и его движение должно быть вечно, как и его жизнь»¹²¹.

Сводя процесс обращения «истинного» капитала к смене вещных форм (при полном игнорировании характера переноса его стоимости) и отождествляя этот процесс обращения с товарным обменом, Дж. Б. Кларк подчеркивал, что понятия основного и оборотного капитала применимы лишь к двум частям фонда перманентного капитала. Первая часть этого фонда образует основной капитал, который обращается медленно или вовсе не обращается; вторая часть – оборотный капитал, который предназначен для обращения и совершает его с наибольшей легкостью¹²².

Подобная трактовка данного вопроса, основы которой были заложены А. Смитом, по словам известного американского экономиста Б. Селигмена, «довольно туманна и перегружена излишними аналогиями с живым организмом; в исследовании этой проблемы Кларк, по существу, потерпел крах. Он пытался показать, что эти формы капитала на самом деле образуют различные аспекты его теории фонда, однако, эта попытка не увенчалась успехом»¹²³. И это неудивительно, ибо автор так и не смог объяснить, чем же отличается фонд перманентного капитала от капитальных благ; как возникает прибыль от потребления основного капитала, если он обращается медленно или вовсе не обращается; каким образом капитальные блага соотносятся с потребительскими, входящими в состав оборотного капитала.

Надо отметить, что с весьма «оригинальной» критикой взглядов Дж. Б. Кларка (как, впрочем, и других приверженцев вещной концепции капитала) выступил Й. Шумпетер. По его мнению, сущность капитала может быть раскрыта только с точки зрения предпринимательской деятельности, осуществляемой в сфере производства.

Исходя из этой посылки, Й. Шумпетер писал: *«Капитал есть не что иное, как рычаг, позволяющий предпринимателю получить в свое полное распоряжение нужные ему конкретные блага, не что иное, как средство, дающее предпринимателю возможность использовать эти блага для достижения новых целей, а также ориентировать производство в новом направлении»*. Это единственная функция капитала, и именно ею характеризуется его место в организме

¹²¹ Там же. С. 129. «Необходимо отметить, – пояснял далее автор, – и в распространенных трактовках об этом предмете это обстоятельство часто отмечалось, что сырье, входящее в орудие производства, совершает переход из одной разновидности конкретного капитала в другую. Говорят, молот, переходящий из лавки скобяных товаров в кузницу, становится основным капиталом после того, как он был капиталом оборотным. Ясно то, что он таким образом берет на себя активную экономическую функцию, после того, как он выполнил пассивную. Он куёт горячее железо и сообщает ему полезность. Сталь, которая является пассивным капитальным благом, когда она в слитке, становится благом активным, когда она принимает форму молота. В любое время легко увидеть, по какую сторону линии находится вещь, так как ее функция отличает ее – она либо сообщает полезности, либо получает их. Мы будем, поэтому, всегда обозначать эти два вида капитальных благ, в соответствии с их функциями, как активные и пассивные.» / Там же. С. 129–130. Как видим, это чисто маклеодовская трактовка активных и пассивных функций капитальных благ, опирающаяся на известный принцип маржинализма, восходящий к Ж.Б. Сэю.

¹²² «Термины «основной» и «оборотный» не должны быть, однако, отброшены, так как имеется правильный способ их использования. Мы говорили, что они должным образом применяются к двум частям фонда перманентного капитала. И в действительности есть три части этого общего фонда, каждая из которых в отношении обращения отлична от других. Имеется одна часть фонда капитала, предназначенная навсегда для обращения с наибольшей легкостью, какую только смогут придать обращению совладельцы; есть другая часть, которая обращается так медленно, как только смогут это сделать ее владельцы; и есть еще третья часть, которая не обращается вовсе. Эти две последние части мы можем объединить под термином «основной капитал», а первую часть назвать «оборотным капиталом»./ Там же. С. 130.

¹²³ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 197–198.

народного хозяйства. Для того чтобы понять суть явления капитала, очевидно, мы должны исходить из его функции, а не из словоупотребления или наших терминологических потребностей»¹²⁴.

Итак, по Й. Шумпетеру, капитал есть не некая совокупность нужных предпринимателю конкретных благ, а рычаг или средство владения и распоряжения этими благами, что дает ему возможность использовать их в производстве для достижения новых целей, ориентируя тем самым развитие данного производства в новом направлении. В этом заключается единственная функция капитала, характеризующая его место и роль в экономической жизни общества.

Акцентируя внимание на технической стороне производства, Й. Шумпетер считал, что полезность капитала в производственном процессе определяется его способностью осуществлять новые комбинации, посредством которых он функционирует. При этом «для предпринимателя блага находятся как бы на одной линии, в одном положении. Независимо от того, что они представляют собой: земельный участок, услугу труда, машину или сырье, – процесс остается одним и тем же, ничто не отличает один случай от другого. Этим мы, разумеется, не хотим сказать, что между перечисленными категориями благ нет вообще никаких экономических различий. Они, несомненно, имеются, хотя их значение для основ экономической теории обычно преувеличивалось в прошлом и преувеличивается теперь»¹²⁵.

На это следует заметить, что политическая экономия (экономическая теория, по автору) всегда стремилась всесторонне осмыслить роль вышеуказанных «благ» в процессе производства, поскольку они «находятся» в этом процессе отнюдь «не на одной линии» и в «неодинаковом положении». Так что о преувеличении их значения для основ данной науки речь никогда не шла. Конечно, каждый предприниматель довольно бережно относится к этим «благам», приобретенным за деньги. Но такого рода бережливость нельзя смешивать с производительным использованием приобретенных «благ», что характерно для концептуального подхода автора.

Игнорируя это обстоятельство, Й. Шумпетер утверждал, что для понимания сущности производственного процесса совершенно безразлично, приступает ли предприниматель к организации производства с самого начала, т. е. покупки только земли и услуг труда, или же он приобретает промежуточные продукты вместо того, чтобы заниматься производством. Такая организация производства не претерпевает существенных изменений и в том случае, когда предприниматель покупает потребительские блага. В этой связи создается впечатление, будто бы последние имеют большее значение в сравнении с другими благами. И «это действительно так, если придерживаться теории (вещной, в рамках которой капитал отождествляется со средствами производства – *Н.С.*), согласно которой предприниматель «авансирует» владельцу средств производства, понимаемых в узком смысле, потребительские блага. В этой теории данная категория благ принципиально отличается от всех прочих и выполняет ту же важную функцию, что и капитал в нашей концепции. Процесс здесь сводится к тому, что предприниматель получает производственные услуги в обмен на потребительские блага. Если бы все это было верно, мы должны были бы признать, что капитал состоит из потребительских благ»¹²⁶.

Но подобная трактовка капитала, по мнению автора, не состоятельна в научном отношении. Дело в том, что нет никаких оснований проводить какие-либо различия между благами, приобретенными предпринимателем, и особой группой благ, которую принято называть «капиталом». Ибо последний присущ каждому экономическому укладу, а потому непригоден для того, чтобы характеризовать тот или иной уклад как «капиталистический». Неверным явля-

¹²⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. С. 190.

¹²⁵ Там же. С. 190. «Впрочем, очевидно, что поведение предпринимателя по отношению ко всем этим категориям благ совершенно одинаково: и орудия производства, и земельные участки, и услуги труда он покупает за деньги, за которые либо платит процент другому лицу, либо начисляет его самому себе. Все эти блага играют для предпринимателя одну и ту же роль, равно ему необходимы.» / Там же.

¹²⁶ Там же. С. 191.

ется и определение капитала как совокупности различных благ, которые принадлежат деловому человеку – владельцу предприятия (фабрики)¹²⁷.

Вполне правомерно указывая на серьезный недостаток вещной концепции капитала, Й. Шумпетер дал вместе с тем свою, весьма «оригинальную» трактовку сути данного вопроса. Согласно автору, капитал любого предприятия – это отнюдь не совокупность всех целесообразно применяемых предпринимателем благ. Ибо капитал всегда «*противостоит* миру благ: на капитал приобретаются блага, «капитал вкладывается в блага» – из самого этого выражения следует, что функция капитала отличается от функции приобретенных предпринимателем благ. Функция последних состоит в том, чтобы в соответствии со своими техническими свойствами служить цели производства, чтобы производить совершенно иные в техническом и физическом отношении блага. Функция же капитала заключается в том, чтобы доставлять предпринимателю блага, которые должны быть использованы в производстве, так сказать, «переработаны». Капитал – это средство получения благ. В рыночном хозяйстве он выступает в качестве третьего необходимого для производства агента, обеспечивающего связь между предпринимателем и миром благ. Он является своего рода мостом между тем и другим. Капитал не участвует непосредственно в производстве, не «перерабатывается», но до того, как он выполнит свою задачу технический процесс производства начаться не может»¹²⁸.

Таким образом, «оригинальность этой трактовки капитала сводится к двум основным положениям.

Во-первых, капитал и применяемые в производстве блага суть разные феномены, поскольку они выполняют различные функции. Если функция применяемых благ заключается в том, чтобы в соответствии со своими техническими свойствами непосредственно участвовать в процессе производства совершенно иных в техническом и физическом отношении благ, то функция капитала – в обеспечении предпринимателя этими благами, которые должны использоваться в производстве, т. е. «перерабатываться».

Во-вторых, капитал – это не совокупность применяемых благ, а лишь средство их получения. Будучи агентом рыночного хозяйства, капитал не участвует непосредственно в производстве, не «перерабатывается», а создает только необходимые условия для технического процесса этого производства.

Совершив эти два «великих открытия» в области экономической науки, Й. Шумпетер пояснял далее свою мысль следующим образом. Прежде чем начать производство, любой предприниматель должен располагать капиталом. Затем он задумывается над тем, какие конкретные блага ему нужно приобрести (если таковых у него не имеется). Поэтому капитал служит лишь фондом, благодаря которому предприниматель оплачивает приобретение средств производства. Это обстоятельство является единственным основанием для объяснения того, почему предпринимателю нужен капитал. До тех пор, пока покупка конкретных благ не совершилась, он не связан с ними. Ведь «его характерная особенность состоит как раз в том, что он не воплощен в конкретных благах, технически используется не как благо, а как средство привлечения тех благ, которые должны использоваться непосредственно в производстве»¹²⁹.

Но если покупка таких благ совершилась, то предприниматель утратил свой капитал, поскольку он отдается за средства производства. Правда, предприниматель может изменить свои намерения. Допустим, он захочет реализовать принадлежащие ему блага. В этом случае он может вновь превратить средства производства в капитал. Отсюда следует вывод, согласно которому «капитал – это фонд покупательной силы. Только как таковой он в состоянии выполнить ту единственную важную функцию, для которой капитал *in praxis* (на деле) нужен и при

¹²⁷ См.: Там же.

¹²⁸ Там же. С. 191.

¹²⁹ Там же. С. 192.

описании которой *в теории* понятие капитала не может быть заменено какой-либо категорией благ»¹³⁰.

Возникает вопрос: какова структура фонда покупательной силы, из чего, собственно, он состоит? По мнению автора, из денег и других частей имущества предпринимателя, которые могут быть исчислены в деньгах¹³¹. Кроме того, этот фонд включает в себя и иные платежные средства (например, векселя). Поэтому «лишь платежные средства являются ... капиталом, но не просто «деньги», а все средства обращения». При этом нужно считать «капиталом» являются не всякие платежные средства, а только те, что выполняют специфическую функцию капитала»¹³².

Извращая одно из марксовых определений капитала как движения, процесса кругооборота, Й. Шумпетер, с одной стороны, рассматривал капитал как понятие, неразрывно связанное с процессом его развития; с другой стороны, заявлял, что капитал не имеет никакого отношения к кругообороту¹³³. Иными словами, капитал движется (развивается, по терминологии автора) лишь в денежной форме, а потому по своей сути исключает другие формы (производительную и товарную) этого движения.

Обобщая сказанное, Й. Шумпетер определял *«капитал как сумму денег и других платежных средств, которая в любой момент времени может быть представлена в распоряжение предпринимателя»*¹³⁴.

Мы сознательно уделили столь пристальное внимание трактовке сущности капитала, выдвинутой Й. Шумпетером. Завидуя гениальности К. Маркса, создавшему такой фундаментальный труд, как «Капитал», Й. Шумпетер предпринял неуклюжую попытку противопоставить этому труду свои «инновационные размышления» о капитале. Но эта попытка не увенчалась успехом (добавим, и не могла увенчаться, вследствие своей вульгарности). Ибо эти «размышления» не вышли за рамки одной из разновидностей товарно-фетишистских представлений о капитале.

В самом деле, подметив уязвимости вещной концепции капитала (напомним, отождествлявшей последний со средствами производства), Й. Шумпетер выделил два самостоятельных фактора предпринимательской деятельности в сфере производства: капитал как таковой и производительные блага (средства производства). Функция первого состоит в создании условий для этой деятельности, а функция второго – в реализации ее инновационных целей. В результате обнаружилось, что между ними существует не только каузальная (причинно-следственная), но и функциональная связь, поскольку капитал может превратиться в средства производства (в случае их покупки), и наоборот, средства производства могут превратиться в капитал (в случае их продажи). Но и в том, и в другом случае капитал не принимает непосредственного участия в производстве. Будучи лишь средством приобретения производительных благ, он образует особый фонд покупательной способности (как отмечал сам автор, этот термин употребляли и К. Менгер, и И. Фишер для определения сущности капитала).

¹³⁰ Там же. С. 193.

¹³¹ «Тем самым мы как бы приблизились к определению капитала, данному Менгером. Несомненно, именно это я бесчисленное множество раз называю «моим капиталом». Для меня не составляет никакого труда отличать это как «фонд» от «потока» дохода и, таким образом, в своем понимании сблизиться с определением Ирвинга Фишера.» / Там же. С. 194.

¹³² Там же. С. 195. «Смысл этого ограничения ясен: если платежные средства не помогают предпринимателю в приобретении производственных благ посредством отвлечения их с этой целью из прежних областей применения, они не являются капиталом. Следовательно, в такой экономике, где отсутствует развитие, «капитала» не существует, или, иначе говоря, капитал не выполняет своей специфической функции, не является самостоятельным агентом, ведет себя нейтрально. Или, что то же самое, различные формы покупательной способности служат простым средством обмена, вспомогательным техническим средством для осуществления обычных товарных сделок. Понятие капитала к ним совершенно неприменимо. Этим исчерпывается их роль: они выполняют лишь техническую функцию, и от них можно абстрагироваться, не опасаясь упустить из виду что-либо существенное.» / Там же.

¹³³ См.: Там же. С. 196.

¹³⁴ Там же.

Воспроизводя в такой, весьма своеобразной форме исходный тезис меркантилизма, Й. Шумпетер утверждал, что капитал – это определенная сумма денег, которая может находиться в данный момент времени в распоряжении предпринимателя. Если деньги как таковые выполняют техническую функцию, характеризующую их роль в процессе обмена обычных товаров (сфера простого товарного обращения), то деньги как капитал – специфическую функцию, связанную с приобретением предпринимателем средств производства (сфера капиталистического товарного обращения). Указывая на различие этих сфер товарного обращения, автор, однако, дал неверное толкование сути данного вопроса. Дело в том, что это различие определяется отнюдь не вещественным содержанием обмениваемых товаров (и в той, и в другой сфере таковыми могут быть не только предметы потребления, но и средства производства), а прежде всего действительной целью простого и капиталистического товарного обращения: первое ориентируется на непосредственное удовлетворение потребностей (личное потребление), второе – на извлечение прибыли.

Главные недостатки «инновационной» концепции капитала Й. Шумпетера заключаются в том, что, будучи «великим техником» экономического анализа, он, во-первых рассматривал только техническую сторону производства, игнорируя одновременно общественную сторону последнего; во-вторых, неправомерно противопоставлял друг другу два разных фактора предпринимательской деятельности (капитал и производительные блага), полагая, что капитал не принимает непосредственного участия в процессе производства; в-третьих, абсолютизировал денежную форму капитала, отрицая вместе с тем другие его формы – производительную и товарную; в-четвертых, не смог преодолеть товарно-фетишистское представление о капитале, отождествляя последний с деньгами и платежными средствами¹³⁵.

Сообразно этому представлению, Й. Шумпетер трактовал и структуру первоначального капитала, подразделяя его на две части: основной и оборотный. По мнению автора, «самое четкое, в высшей степени логически обоснованное определение» этих терминов «мы находим в бухгалтерском учете. Может показаться, что наша теория и бухгалтерская практика называют первоначальным капиталом разные вещи. Для нас это сумма денег, идущая на учреждение и обеспечение нормального функционирования предприятия»¹³⁶.

С точки зрения этого бухгалтерского учета основной капитал «расходуется на приобретение земельных участков, зданий, машин и т. д.», а оборотный капитал – «на оплату необходимых услуг труда, сырья и пр.». Поэтому «совокупную ценность всех приобретенных благ, сумму всех производственных вложений, словом, в денежную сумму, с которой начинается любое предприятие, мы называем первоначальным капиталом. При этом совершенно безразлично, принадлежит ли вся эта сумма предпринимателю или частично взята займы; также не имеет значения, оплачиваются ли все эти блага «деньгами», векселями или другими кредитными платежными средствами»¹³⁷.

Подчеркнем, подобное толкование структуры первоначального капитала свидетельствует о стремлении автора «органически» соединить свой меновой подход с бухгалтерским, сложив-

¹³⁵ Любопытно отметить, что, одновременно с автором, меновой подход к определению капитала развивал В. Зомбарт. Он писал: «Сумма меновых ценностей, являющаяся вещественной основой предприятия (в действительности такой основой являются не эти ценности, а материальные факторы производства. – Н.С.), есть *капитал*. Капитал начинает и заканчивает свое бытие в форме денег, проявляясь на промежуточных ступенях в меняющихся формах средств производства или товаров ... Реальным капиталом мы называем капитал, предназначенный для покупки средств производства, персональным капиталом – капитал, предназначенный для покупки рабочих сил. Это важное различие дополняет собою обычное подразделение на основной капитал и оборотный капитал». / Зомбарт В. Современный капитализм. Т. I. М.-Л., 1931. С. 320.

¹³⁶ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 200.

¹³⁷ Там же. Заметим, далее автор указывал на сходство и различие своего подхода и бухгалтерского, касающихся трактовки двух основных вопросов: понимания бухгалтерской функции капитала и определения структуры реального бухгалтерского баланса, соотношения его активной и пассивной части. / См.: Там же. С. 200–203. Для нас эта трактовка особого интереса не представляет, поэтому мы ее не рассматриваем.

шимся в хозяйственной практике «делового человека», т. е. предпринимателя. В соответствии с ней в качестве главного критерия определения этой структуры провозглашается не способ обращения капитала, не характер перенесения стоимости и его составных частей на производимый продукт, а различные расходы, фиксируемые в бухгалтерском учете. Они осуществляются по двум направлениям: 1) либо на приобретение благ длительного пользования (земельные участки, здания, машины и т. д.); 2) либо на оплату «благ» менее длительного пользования (рабочая сила (услуги труда, по терминологии автора), сырье и пр.). Первые образуют основной капитал, вторые – оборотный капитал. Как видим, бухгалтерский подход к определению этих капиталов совпадает с традиционным (экономическим) подходом, восходящим к Д. Рикардо и Дж. С. Миллю.

Нужно отметить, что вышеуказанные определения капитала (и его составных частей) в дальнейшем прочно утвердились в буржуазной экономической науке. При этом капитал стал трактоваться в двух основных аспектах: во-первых, как *денежный феномен*, как сумма денег, затраченная на приобретение капитальных благ. Так, Л. Мизес, различая три фактора производства: данные природой материальные ресурсы, человеческий ресурс (труд) и капитальные блага (промежуточные продукты, предназначенные для производства потребительских товаров), считал, что вне последних капитал не существует. Его ценность определяется ценностью капитальных благ. Стало быть, денежный эквивалент определенного количества капитала представляет собой сумму денежного эквивалента этих благ. Более того, капитал сам себя воспроизвести не может. Ибо это не объективное, а субъективное понятие¹³⁸. Оно «действительно только в той мере, в какой люди в своей деятельности руководствуются бухгалтерским учетом капитала»¹³⁹. Поэтому «капитал подсчитывается в деньгах и в рамках этого учета представляет собой определенную сумму денег»¹⁴⁰.

Во-вторых, как *вещный феномен*, как средства производства, или блага длительного пользования (инвестиционные ресурсы), созданные людьми для производства товаров и услуг. В той или иной вариации это определение капитала можно обнаружить не только в монографической литературе¹⁴¹, но и в учебной.

Так, например, К. Макконнелл и С. Брю пишут: «Понятие «капитал», или «инвестиционные ресурсы», охватывает все произведенные средства производства, то есть все виды инструментов, машины, оборудование, фабрично-заводские, складские, транспортные средства и сбытовую сеть, используемые в производстве товаров и услуг и доставке их к конечному

¹³⁸ Капитал есть «продукт мышления» и его «место – в человеческих мыслях. Это способ представления проблем деятельности, метод их оценки, с точки зрения определенного плана. Он определяет направления действий человека и только в этом смысле является реальным фактором. Данный способ необходимо связан с капитализмом, с рыночной экономикой». / Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск. 2005. С. 481. Нетрудно видеть, что такое определение капитала базируется на идее, выдвинутой австрийской школой маржинализма.

¹³⁹ Мизес Л. Указ. соч. С. 481. «Если предприниматель использовал факторы производства таким образом, что денежный эквивалент произведенной продукции по крайней мере равен денежному эквиваленту израсходованных ресурсов, то он в состоянии заменить израсходованные капитальные блага новыми капитальными благами, денежный эквивалент которых равен денежному эквиваленту израсходованных ресурсов. Но использование валовой выручки, ее распределение между поддержанием капитала, потреблением и накоплением нового капитала всегда являются результатом целенаправленной деятельности со стороны предпринимателей и капиталистов. Они не являются «автоматическими». Будучи по необходимости результатом обдуманных действий, они могут быть нарушены, если расчеты, на которых они основываются, были искажены небрежностью, ошибками или неправильными оценками будущих условий.» / Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 485. «Бухгалтерский учет капитала – интеллектуальное средство вычисления и расчетов, удовлетворяющее требованиям индивидов и групп индивидов, действующих в рыночной экономике. Только в системе денежного расчета капитал становится важным. Единственная задача, которую может выполнять бухгалтерский учет капитала, – показывать индивидам, действующим в рыночной экономике, изменились ли и если да, то в какой степени их средства, вложенные в коммерческие приобретения. Для всех остальных целей бухгалтерский учет капитала совершенно бесполезен.» / Там же. Иными словами, капитал становится реальным только в том случае, когда люди, действующие в рыночной экономике, начинают использовать бухгалтерский учет, благодаря которому они могут точно определять свои расчеты. Это и есть единственная задача, которую может выполнять бухгалтерский учет капитала. Отсюда видно, что эта точка зрения тяготеет к шумпетеровской.

¹⁴¹ См., напр., работы американских экономистов С. Кузнец, Дж. Хиршлайфера, Д. Дьюи и др.

потребителю. Процесс производства и накопления этих средств производства называют *инвестированием*»¹⁴².

По мнению, П. Самуэльсона и В. Нордхауса, «капитал состоит из тех произведенных благ длительного пользования, которые, в свою очередь, используются в качестве ресурсов в дальнейшем производстве. Срок существования одних капитальных благ может составлять несколько лет, других – около столетия или больше. Но фундаментальным свойством капитального блага является тот факт, что оно одновременно является как ресурсом, так и продуктом»¹⁴³.

По существу, в рамках бухгалтерского подхода осуществляется деление (другими авторами) капитала на основной и оборотный. «Капитал измеряется как *имущество*, т. е. количество заводов и оборудования, принадлежащих фирме. Например, если фирме принадлежит завод электродвигателей стоимостью 10 млн. долл., мы говорим, что фирма владеет *основным капиталом* в 10 млн. долл. Такие факторы производства, как рабочая сила и сырье, а также готовая продукция, и представляет собой *оборотный капитал* фирмы.»¹⁴⁴

Перечень подобных определений капитала (как, впрочем, и его составных частей) можно было бы и продолжить. Однако в этом нет никакой необходимости, поскольку они покоятся либо на монетарной, либо на вещной концепции капитала, каждая из которых, как показано выше, имеет весьма существенные недостатки¹⁴⁵.

§ 3. Концепция человеческого капитала

Эта концепция капитала сформировалась в 60-х годах XX века. Ее появление было обусловлено главным образом двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, крупными сдвигами в капиталистической экономике, произошедшими под влиянием научно-технической революции (НТР), начавшейся в середине прошлого века. Подчеркнем, она имеет ряд отличительных особенностей. Если прежние революции в технике и науке совершались, как правило, лишь в их отдельных областях, не совпадали во времени, а совпадая изредка, развивались тем не менее параллельно, слабо воздействуя друг на друга, то современная НТР имеет универсальный характер. Ибо НТР охватывает все отрасли науки,

¹⁴² Макконнел К.Р., Брю С.Л. *Экономикс: Принципы, проблемы и политика*. Т. I. М., 1992. С. 37. Но «здесь важно отметить два момента. Во-первых, *инвестиционные товары* (средства производства) отличаются от *потребительских товаров* тем, что последние удовлетворяют потребности непосредственно, тогда как первые делают это косвенно, обеспечивая производство потребительских товаров. Во-вторых, в приведенном здесь определении термин «капитал» не подразумевает деньги. Правда, менеджеры и экономисты часто говорят о «денежном капитале», имея в виду деньги, которые могут быть использованы для закупки машин, оборудования и других средств производства. Однако деньги, как таковые, ничего не производят, а следовательно, их нельзя считать экономическим ресурсом. *Реальный капитал* – инструменты, машины и другое производительное оборудование – это экономический ресурс; *деньги*, или *финансовый капитал*, таким ресурсом не являются». / Там же. Как видим, авторы отождествляют, с одной стороны, капитал (экономический ресурс) только со средствами производства; с другой стороны, деньги как таковые и финансовый капитал, полагая, что ни те, ни другие таким ресурсом (капиталом) не являются. Иными словами, последние представляют собой неэкономический ресурс.

¹⁴³ Самуэльсон П., Нордхаус В. *Экономика*. М., 1997. С. 287. «Существует три категории капитальных благ: здания и сооружения (например, фабрики и дома; оборудование (equipment), (потребительские товары длительного пользования типа автомобилей и производственные товары длительного пользования типа станков и компьютеров) и товарно-материальные запасы, т. е. запасы ресурсов и (готовой) продукции (здесь в качестве примера можно привести автомашины, находящиеся у автомобильных дилеров.» / Там же.

¹⁴⁴ Пиндайк Р., Рубинфельд Д. *Микроэкономика*. М., 1992. С. 400. «Например, фирма может использовать 20 000 чел. – ч труда и 50 000 фунтов меди в месяц, чтобы производить 8 000 электродвигателей в месяц. (Выбор единиц за каждый месяц произволен, в равной степени можно было бы выразить эти количества в еженедельном или годовом измерении: 240 000 чел. – ч труда в год; 600 000 фунтов меди и 96 000 двигателей в год)» / Там же.

¹⁴⁵ Важно отметить, что на базе весьма своеобразного синтеза вышеуказанных концепций оформилась **временная концепция капитала**, пользующаяся большим влиянием в современной западной литературе. Ее основоположником является австрийский экономист О. Бем-Баверк. В центре внимания этой концепции находится проблема взаимосвязи доходности капитала с теми или иными свойствами времени. В соответствии с теоретико-методологическим замыслом настоящего труда она будет рассмотрена ниже.

их непосредственную связь с техникой, все элементы производственного процесса, характер и содержание трудовой деятельности человека, организацию и управление производством. В результате сложилась единая система «наука – техника – производство», характеризующаяся определенными закономерностями взаимодействия составляющих ее элементов: опережающим развитием науки по отношению к технике и опережающим развитием техники по отношению к производству. Тесно интегрируясь с производством, наука составляет его теоретическую основу. Вследствие этого научные открытия находят массовое применение в производстве, революционизируя его. Значительно сократились сроки практической реализации научно-технических достижений. НТР обуславливает необходимость перехода от экстенсивного к преимущественно интенсивному типу расширенного воспроизводства, где ключевую роль стали играть организационные, технические и управленческие инновации.

В этих условиях претерпел коренную трансформацию не только вещественный, но и личный фактор производства. Она выразилась в сокращении доли занятых работников в сфере материального производства и значительном росте доли их занятости в сфере нематериального производства и особенно в сфере услуг; в существенном изменении профессиональной и квалификационной структуры этих работников, связанном с быстрыми темпами роста удельного веса лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом (увеличение численности научных кадров, управленческого персонала, инженерно-технических работников и т. п.); в резком повышении значимости образовательного и квалификационного уровня работников, занятых в различных отраслях экономики. Именно эти процессы послужили отправным пунктом возросшего интереса к осмыслению ключевой роли личного (человеческого) фактора в производстве.

Во-вторых, апологетико-идеологической функцией современной буржуазной экономической науки, т. е. стремлением ее представителей «научно доказать», что капитал имеет неэксплуататорскую природу, что не существует антагонистического противоречия между наемным трудом и капиталом, поскольку последним «обладает» каждый член капиталистического общества. Именно в этой связи был введен в «научный» оборот термин «человеческий капитал».

История его появления нуждается, однако, в специальном рассмотрении. Как мы видели, не употребляя данный термин, А. Смит тем не менее выделил «приобретенные и полезные способности всех жителей и членов общества» в качестве составной части основного капитала. Поясняя свою мысль, он писал: «Приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требуют действительных издержек, которые представляют собою основной капитал, который как бы реализуется в его личности. Эти способности, являясь частью состояния такого лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества и которому оно принадлежит. Большую ловкость и умение рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машины и орудия производства, которые сокращают или облегчают труд и которые, хотя и требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью»¹⁴⁶.

Эти высказывания А. Смита заслуживают особого внимания. По-видимому, логика их такова: наряду с врожденными, нужно различать «приобретенные и полезные способности» отдельного лица – рабочего. Они, с одной стороны, образуют «основной капитал» этого рабочего, который использует их в своей профессиональной деятельности; с другой стороны, требуют действительных издержек, включающих в себя расходы на «воспитание, обучение и ученичество». Поскольку эти способности принадлежат рабочему, т. е. неотчуждаемы от его личности, а стало быть, «не обращаются», то именно такие издержки представляют собой «основной капитал», который «реализуется» в этой личности. Будучи частью состояния данного лица, «приобретенные и полезные способности» являются одновременно частью обще-

¹⁴⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М., 1935. С. 234–235.

ственного богатства. По характеру «реализации» последние можно сравнить с машинами и орудиями производства, которые также «требуют известных расходов» и которые «возмещают эти расходы вместе с прибылью».

Нетрудно видеть, что здесь дано противоречивое толкование сути вышеуказанных способностей. Сначала они рассматриваются как часть «основного капитала», как «основной капитал» рабочего. Затем вносится важное «уточнение»: оказывается, «основным капиталом» являются не эти способности, а действительные издержки, связанные с расходами на «воспитание, обучение и ученичество» данного рабочего, посредством которых он получает определенную профессию. Эта противоречивость обусловлена, в конечном счете, двойственностью методологии А. Смита. С одной стороны, он описывал внешнюю видимость экономических явлений; с другой стороны, он стремился раскрыть их внутреннее содержание, сущность.

В этой связи возникает вопрос: кто должен возмещать расходы, затраченные на получение определенной профессии? Отвечая на него, А. Смит обратился к рассмотрению основного дохода рабочего – заработной платы. Выделив пять главных условий, определяющих ее величину, среди них на второе место (после «приятности или неприятности занятий») он поставил «легкость и дешевизну или трудность» и «дороговизну обучения данной профессии». Поясняя суть этого условия, А. Смит провел аналогию между дорогой машиной и обученным рабочим. По мнению автора, при создании такой машины обычно рассчитывают, что ее интенсивное использование, пока она не износится, должно возместить затраченный на нее капитал с обычной (средней) прибылью. Точно так же обстоит дело с человеком, затратившим большое количество труда и продолжительного времени на изучение какой-либо профессии, требующих от него чрезвычайной ловкости и искусства, что можно сравнить с изготовлением дорогой машины.

Поэтому «следует ожидать, что труд, которому он обучается, возместит ему, сверх обычной заработной платы за простой труд, все расходы, затраченные на обучение, с обычной по меньшей мере прибылью на капитал, равный этой сумме расходов. И это должно быть осуществлено в не слишком продолжительный промежуток времени, поскольку человеческая жизнь имеет весьма неопределенную продолжительность, как это рассчитывается применительно к более определенному сроку работы машины.

На этом основано различие между заработной платой квалифицированного труда и труда обычного»¹⁴⁷.

Таким образом, по А. Смицу, заработная плата квалифицированного рабочего должна возместить, во-первых, обычную заработную плату за простой (необученный) труд; во-вторых, все расходы, затраченные на обучение; в-третьих, обычную прибыль на капитал, равный этой сумме расходов. Источником этого возмещения трех компонентов такой заработной платы является, согласно автору, более производительный труд данного рабочего.

Проводя различие между квалифицированным и простым (необученным) трудом, А. Смит считал, что все расходы, касающиеся изучения определенной профессии, должен нести рабочий (или его родители, другие родственники). Но эти расходы следовало бы относить не к основному капиталу (как полагал автор), а к оборотному, поскольку они осуществляются за счет заработной платы, которую, кстати сказать, автор рассматривал в качестве составной части именно оборотного капитала.

Нужно, однако, подчеркнуть, что, будучи сторонником трудовой теории стоимости, А. Смит был далек от мысли, чтобы трактовать профессиональные («приобретенные и полезные») способности рабочего как «человеческий капитал» (заметим, некоторые приверженцы одноименной концепции, фальсифицируя взгляды автора, провозглашают его основоположником этой концепции, что, разумеется, не соответствует действительности). «Ибо в этом случае,

¹⁴⁷ Там же. С. 92.

во-первых, в структуре факторов процесса производства труд замещается капиталом (хотя и «человеческим») и вместо двух факторов («капитал» и «труд») остается один фактор – капитал (хотя и в двух видах). Во-вторых, подобное слияние факторов процесса производства противоречит трудовой теории стоимости, согласно которой только труд является источником новой стоимости.»¹⁴⁸

Пожалуй, одним из первых, кто вплотную подошел к определению «человеческого капитала», был российский экономист А. Шторх (правда, при этом он использовал другие термины). Напомним, в 1815 году вышел в свет его фундаментальный труд «Курс политической экономии, Или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», получивший широкую известность в научных кругах западноевропейских стран. В этом труде автор впервые в экономической науке, по существу, заложил основы будущей концепции человеческого капитала.

Как известно, А. Шторх различал два вида ценностей: 1) материальные, находящиеся вне человека; 2) нематериальные, не поддающиеся человеческим чувствам (они образуют нравственную собственность человека и составляют часть его существа). Первый вид ценностей – это внешние (материальные) блага, которые обычно называют богатством, а второй вид – это блага внутренние (нематериальные), которые не имеют особого названия.

Уточняя квалификацию последних, А. Шторх отмечал, что, воздействуя на человеческие возможности, они так же подразделяются на два основных вида: первичные и вторичные, т. е. на те, что находятся в прямой связи с развитием человека, и на те, что служат ему дополнительным вспомоществованием. При этом «*первичные блага* состоят из самих наших способностей и всего того, что непосредственно служат их развитию и совершенствованию. Можно выделить столько же видов первичных благ, сколько мы насчитали отдельных способностей человека»¹⁴⁹.

Поясняя свою мысль, автор писал: «Так, наименование *здоровье* охватывает тот вид внутренних благ, который соответствует нашим биологическим возможностям; *умение* соотносится с техническими возможностями; *просвещение* – с возможностями разума; *вкус* – с эстетическим чувством; *нравы* – с нравственными способностями; наконец, *культ*, который находится в прямой связи с нашими религиозными чувствами.

Вторичные блага не имеют непосредственного отношения к нашим способностям, но являются необходимым предварительным условием для их сохранения и развития, т. е. без них существование первичных благ делается невозможным. Этот второй разряд благ включает два вида: *безопасность*, без которой нет ни богатства, ни цивилизации, и *досуг*, за неимением которого невозможно воспользоваться ни богатством, ни благами цивилизации ...

Таким образом, *здоровье, умение, просвещение, вкус, нравы и обычаи, культ, безопасность, досуг* – вот, что мы называем *внутренними благами* или *элементами цивилизации*. Трудно вообразить себе нематериальную ценность, которую невозможно было бы подвести под одну из указанных категорий»¹⁵⁰.

По мнению А. Шторха, все эти блага (ценности) тесно связаны с капиталом. Сообразно их квалификации он выделял два вида капитала: материальный и нематериальный. *Материальный капитал* – это вещественный капитал, предназначенный для промышленного производства. Он состоит из внешних (материальных) благ, которые потребляются в процессе этого производства. Напротив, «*нематериальный капитал* состоит только из *первичных благ*, ибо потребление вторичных благ осуществляется слишком быстро для того, чтобы они стали пригодны для накопления. Этот капитал представляет собой точно такое же необходимое предва-

¹⁴⁸ «Человеческий капитал» и образование. / Под ред. В.Н. Черковца, Е.Н. Жильцова, Р.Т. Зяблюк. М., 2009. С. 15.

¹⁴⁹ Шторх А. Курс политической экономии, Или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М., 2008. С. 608.

¹⁵⁰ Там же. С. 608–609.

рительное условие нематериального производства, как и материальный капитал, который является неперенным условием для производства богатств. Вообразите, что народ лишился своего здоровья, умений, просвещения и т. д.; он уже не сможет производить внутренние блага, точно так же как для него будет доказано производство богатств в том случае, если ему будет недовольство продовольствия, материалов и орудий труда»¹⁵¹.

Итак, по А. Шторху, надо различать два вида производства: материальное (вещественное) и нематериальное (невещественное, или духовное). Соответственно предварительным (необходимым) условием первого является материальный капитал, состоящий из вещественных благ, а второго – нематериальный капитал, состоящий из первичных (невещественных, внутренних) благ, ибо потребление вторичных благ такого рода осуществляется слишком быстро, а потому они непригодны для накопления (такowymi могут быть либо материальные блага, либо первичные блага). Концептуальное «новшество» здесь состоит в том, что, наряду с традиционным (вещественным) капиталом, автор выделил другой вид последнего – невестественный.

Согласно автору, способ употребления этих капиталов, по существу, один и тот же. Так, подобно тому, как промысловое разделение труда неизбежно предполагает определенное возрастание материального капитала, или средств производства, разделение нематериального труда обуславливает необходимость увеличения нематериального капитала. Поэтому, «когда величина этого капитала еще не достигла того уровня, при котором становится возможным разделение нематериального труда, все усилия, направленные на его разделение, не дадут никакого результата»¹⁵².

Кроме того, придерживаясь традиционного подхода, А. Шторх считал, что эти разновидности капитала имеют также и другое сходство. Так, непосредственной причиной увеличения материального капитала является бережливость, т. е. ограничение любого непроизводительного потребления его. В этом смысле бережливость выступает одновременно и в качестве непосредственного источника увеличения нематериального капитала. Поэтому «единственным средством для развития цивилизации какого-нибудь народа является употребление внутренних благ таким образом, чтобы при их использовании всегда производились новые внутренние блага, распространение и умножение которых должно компенсировать, да еще и с превышением, утрату тех благ, что уничтожаются вместе со смертью своих владельцев»¹⁵³.

Однако между материальным и нематериальным капиталом можно обнаружить не только сходство; между ними имеются и различия. Суть последних такова. «Материальный капитал складывается из богатств, т. е. из вещей, находящихся вне нас; таким образом, если какой-либо нации не хватает своего материального капитала для развития отечественной промышленности, оно может позаимствовать капитал у других народов. Богатства, предоставленные

¹⁵¹ Там же. С. 646.

¹⁵² Там же. «Например, в стране, где просвещение еще не получило такого распространения, которое позволит осуществиться разделению научного труда, профессиональные ученые будут считаться специалистами во всех областях знания; либо если они будут стремиться к занятиям только одной научной дисциплины, предпочитая ее остальным, они тем не менее не ограничатся изучением одной – единственной отрасли данной науки, но посвятят себя развитию этой области знаний в целом. Если же для поощрения такого разделения правительство учредит профессорские кафедры или академические должности в каких-либо отдельных отраслях научного знания, эти кафедры и должности заполнят поверхностные люди, и разделение труда будет существовать лишь на словах вплоть до того момента, пока совокупность научных знаний не возрастет в достаточной мере для действительного порождения подобного разделения, которое будет иметь под собой прочное основание. Лишь по мере того, как в обществе распространяются и накапливаются внутренние блага, становится возможным разделять и подразделять нематериальный труд. По мере возрастания нематериального капитала профессии, предназначенные для производства внутренних благ, подвергаются разделению; подобное разделение, являясь следствием увеличения нематериального капитала, в свою очередь приумножает этот капитал и доставляет труду новые средства для дальнейшего разделения. Таким образом, мы имеем непрерывное взаимодействие двух данных обстоятельств: возрастание капитала вызывает разделение труда, а последнее способствует увеличению капитала.» / Там же. С. 646–647.

¹⁵³ Там же. С. 647.

ей в качестве ссуды другими нациями, по природе своей всегда смогут найти себе применение в материальном производстве нации-заемщика. Напротив того, нематериальный капитал состоит из внутренних благ, т. е. из неотделимых от человека качеств и способностей; таким образом, когда нации недостает капиталов этого рода, она также может позаимствовать их у других наций, но при этом ей нужно обязательно переселить к себе лиц, которые обладают отсутствующими у нации-заемщика внутренними благами; к тому же блага, принесенные этими переселенцами, как правило, далеко не так ценны – в том, что касается нематериального производства, – как те же самые блага, произведенные самой нацией-заемщицей.»¹⁵⁴

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, игнорируя социальную природу капитала, А. Шторх рассматривал в качестве главного критерия различения двух разновидностей последнего либо материальное (вещественное), либо «человеческое», духовное содержание. В соответствии с этим критерием, с одной стороны, опираясь на вещную концепцию капитала, автор утверждал, что материальный капитал складывается из совокупности богатств, т. е. вещей, находящихся вне человека. В таком виде они составляют средства производства, которые применяются в промышленности. С другой стороны, в отличие от своих предшественников, автор заявлял, что, наряду с материальным, существует и нематериальный капитал. Он состоит из первичных внутренних благ, т. е. из неотделимых от человека качеств (здоровье, умение, просвещение (образование), нравы и др.) и способностей (физических, умственных, нравственных). Эти блага также являются орудиями производства, которые используются в нематериальном (духовном) производстве. Таково новое фетишистское представление о капитале, впервые выдвинутое автором.

В этой связи обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, рассматривая материальный и нематериальный капитал как самостоятельные и относительно обособленные друг от друга, А. Шторх полагал, что каждый из них функционирует в соответствующей сфере производства, игнорируя при этом взаимосвязь между ними. Во-вторых, если А. Смит трактовал «приобретенные и полезные способности всех жителей и членов общества» (не называя, однако, эти способности капиталом) как «неотчуждаемые», «неподвижные», а потому не пригодные к «обращению», т. е. к переходу от одних лиц к другим, то А. Шторх, напротив, считал, что не только материальный, но и нематериальный капитал может перемещаться (в случае потребности в том или ином капитале) от одной нации к другой, сопрягаясь при этом с определенными издержками¹⁵⁵.

Заметим, введенное в политическую экономию А. Шторхом понятие нематериального (по существу, человеческого) капитала было воспринято западными (как, впрочем, и российскими) экономистами по-разному. Одни из них позитивно отнеслись к этому понятию, другие же отвергли его. Как мы видели, Г.Д. Маклеод выделял вещественный и невещественный капитал, подразумевая под последним не только знания и профессиональные навыки, но и иные интеллектуальные (умственные) способности человека. Напротив, Дж. Б. Кларк отрицал сам факт существования человеческого капитала. В целом, однако, данное понятие, если и использовалось в экономической литературе, то, как правило, в сопоставлении с понятием

¹⁵⁴ Там же. С. 647–648. Например, «когда нация испытывает недостаток в определенном сырье, необходимом для ее мануфактур, она может достать это сырье за границей, и оно, быть может, окажется даже лучшего качества, нежели ископаемые, извлекаемые из ее собственной почвы; но когда нации недостает просвещения для распространения у себя образования и когда учителя приглашаются извне, нация не обретает в лице этих чужеземцев столь же полезных работников как те, что были бы выращены в ее собственных недрах. Если пришельцы не владеют языком данной страны, они оказываются лишь посредниками, недостаточными для распространения своей просвещенности; и даже если они будут обладать этим преимуществом в соединении со всеми качествами, требующимися для занятия их ремеслом, им все равно будет не хватать того близкого знакомства с людьми и с гражданами и нравственными обычаями нации, которое столь необходимо для преподавателя». / Там же. С. 648.

¹⁵⁵ Интересно отметить, что, исходя из трактовки капитала как дохода, используемого для производства нового дохода, А. Шторх различал капитал индивида и капитал нации. В этой связи он подверг резкой критике определение последнего, данное А. Смитом. Этот вопрос мы рассмотрим ниже.

вещественного капитала для того, чтобы показать существенные различия между ними. При этом под первым подразумевался, соответственно, вещественный фактор производства, а под вторым – невестественный.

Как известно, ситуация коренным образом изменилась во второй половине XX века (в связи с вышеуказанными обстоятельствами). Именно в этот период «старые» теоретические представления о нематериальном (умственном) капитале обрели свое «второе дыхание» и оформились в виде концепции человеческого капитала.

Пальма первенства в ее разработке принадлежит американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии по экономике Т. Шульцу. По словам М. Блауга, о рождении этой концепции (теории, по автору) Т. Шульц объявил в 1960 году. Однако «само рождение, можно сказать, имело место двумя годами позже, когда в октябре 1962 г. «*Journal of Political Economy*» выпустил дополнительный номер под названием «Инвестиции в людей». Этот номер, кроме нескольких других первопроходческих статей, включал предварительные варианты глав монографии Гэри Беккера «Человеческий капитал» (1964), которая с тех пор является классическим трудом в данной области»¹⁵⁶.

В сжатом, обобщенном виде суть концепции человеческого капитала Т. Шульц изложил в своей нобелевской лекции «Экономика пребывает в бедности» (1979). В ней в качестве отправного пункта выступает тезис, согласно которому большинство населения мира составляют бедняки. Они трудятся, преимущественно, в одной из отсталых отраслей экономики развивающихся стран – сельском хозяйстве (отметим, автор специально занимался изучением этой проблемы, привлекавшей пристальное внимание многих исследователей)¹⁵⁷.

Констатируя этот общеизвестный факт, Т. Шульц утверждал, что уровень бедности людей, занятых в «экономике сельского хозяйства» таких стран, зависит прежде всего от «определяющего фактора производства». Последний, «способствующий улучшению благосостояния бедняков, – это не размеры страны, энергетические мощности или площадь пахотных земель; главное – это повышение качественного уровня населения страны»¹⁵⁸, т. е. человеческого фактора.

Именно введение в «научный» оборот данного фактора произвело «впечатление настоящего взрыва в сфере изучения экономики человеческого капитала и, особенно таких аспектов, как экономика исследовательской деятельности, реакции фермеров на внедрение новых, экономически выгодных методов производства, связь между производством и благосостоянием, экономика семьи»¹⁵⁹.

«Жонглируя» термином «экономика», как «искусный фокусник», и акцентируя внимание на важной роли человеческого фактора в «экономике человеческого капитала» (как «отрасли экономической мысли»), Т. Шульц указывал на две ошибки экономистов. Первая из них (основная) заключается в том, что «стандартная экономическая теория» оказалась не пригодной «для понимания ситуации в странах с низкими доходами», что «для этих целей

¹⁵⁶ Блауг М. Методология экономической науки или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 317.

¹⁵⁷ «Таким образом, знание экономики пребывания в бедности позволило бы нам узнать немало действительно важного об экономике вообще. Большинство бедняков мира зарабатывают себе на жизнь в сельском хозяйстве; таким образом, знание экономики сельского хозяйства позволило бы нам узнать многое относительно экономики пребывания в бедности. Богатым людям трудно понять поведение бедняков. Экономисты в этом плане не составляют исключения, поскольку им также нелегко осознать предпочтения и связанные с дефицитом ограничения, которые предопределяют систему выбора бедняков. Все мы знаем, что большинство населения мира – это бедняки, что они получают за свой труд жалкие гроши, что половина их скудных заработков (и даже большая часть) тратится на продукты питания, что они проживают преимущественно в странах с низким уровнем доходов, и что в основном они зарабатывают на жизнь в сельском хозяйстве. Но многие экономисты не в состоянии понять, что бедняки заинтересованы в улучшении своей участи и будущего своих детей в не меньшей степени, чем богатые люди.» / Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. М., 2004. С. 358.

¹⁵⁸ Там же. С. 358.

¹⁵⁹ Там же. С. 359.

необходимо создание особой теории». Ибо «модели, разрабатываемые для этих целей, первоначально получили широкое признание – пока не выяснилось, что они представляют собой в лучшем случае интеллектуальные курьезы»¹⁶⁰.

Вторая ошибка состоит в отрицании надобности выработки новой экономической теории. Эта ошибка обусловлена прежде всего тем, что классическая экономическая наука создавалась (закладывалась, по терминологии автора) «в те времена, когда население Западной Европы по большей части было очень бедным; люди с трудом добывали свой кусок хлеба, возделывая тощую почву и будучи обреченными на краткую жизнь. Таким образом, классические экономисты имели дело с условиями, аналогичными тем, что сегодня превалируют в странах с низкими доходами»¹⁶¹.

Вскрыв на столь «высоком научно-теоретическом уровне» истоки указанных ошибок экономистов, Т. Шульц сосредоточил свое внимание на тех вопросах, решение которых позволит определить пути преодоления бедности в развивающихся странах. Наиболее важными среди этих вопросов являются следующие.

Во-первых, переоценка экономической значимости земли. По мнению автора, эта переоценка присуща получившей широкое распространение «почвенной» точке зрения. Последняя гласит: «существует в достаточной степени ограниченное количество земельных участков, пригодных для выращивания продуктов питания, и столь же ограничены запасы энергии для обработки этой земли, которая начинает истощаться». Поэтому «невозможно по-прежнему производить достаточное количество продуктов питания для нужд увеличивающегося населения мира»¹⁶².

Наряду с ней, «существует альтернативная – социально-экономическая – точка зрения, согласно которой человек обладает способностями и интеллектом, достаточными для того, чтобы уменьшить свою зависимость от пахотной земли, от традиционного сельскохозяйственного процесса и от истощающихся источников энергии, чтобы снизить фактические затраты на производство продукции питания для увеличивающегося населения мира»¹⁶³.

Интерпретируя, таким образом, известный любому экономисту так называемый «закон убывающего плодородия почвы», и извращая, вместе с тем, суть социально-экономического подхода к трактовке рассматриваемой проблемы, Т. Шульц отмечал, что первая точка зрения не в состоянии объяснить развитие экономики и плохо согласуется с фактами экономической истории, тогда как вторая точка зрения нуждается в более солидном научном обосновании. Последнее сводится, в конечном счете, к «расширению человеческих познаний». Ибо «будущее человечества не предопределяется пространством, энергией или пахотными землями. Его будет определять интеллектуальная эволюция человека»¹⁶⁴.

Согласно автору, уяснение сущности этой эволюции позволяет понять, что различия в плодородии почв сами по себе не могут объяснить, почему люди, живущие в давно заселенных

¹⁶⁰ Там же. Более того, «некоторые экономисты пытались объяснить якобы неудовлетворительную экономическую деятельность стран с низкими доходами, обращаясь к культурным и социальным факторам. Вполне объяснима негативная реакция культурологов и бихевиористов на использование аппарата их науки в такого рода моделях. К счастью, этот интеллектуальный поток повернулся вспять. Все большее число экономистов стало осознать, что стандартная экономическая теория так же применима к проблемам дефицита страны с низкими доходами, как к аналогичным проблемам в странах с высокими доходами». / Там же.

¹⁶¹ Там же. «Следует также отметить недостаточную историчность при восприятии проблем населения. Мы экстраполируем мировую статистику и, интерпретируя эти данные, приходим в ужас – главным образом от того, что бедняки размножаются как лемменги, способствуя самоуничтожению. Однако если мы оглянемся на свое социальное или экономическое прошлое, когда наши предки были бедны, то увидим, что ничего подобного не произошло. Столь же невероятно это предположение и в настоящее время относительно роста численности населения в странах с низкими доходами.» / Там же. С. 360. Иными словами, динамика быстрого роста населения в этих странах остается неизменной

¹⁶² Там же. С. 360.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 361..

частях света (например, в Индии или Африке) пребывают в состоянии бедности на протяжении веков. Подобное объяснение становится подлинно «научным» только в том случае, когда будут учитываться факторы, имеющие основное значение для сельскохозяйственных угодий. К этим факторам относятся «различного рода стимулы и возможности, позволяющие сельскохозяйственным работникам приращивать эффективность земельных участков путем различного рода вложений, в том числе за счет исследовательской работы и повышения квалификации персонала»¹⁶⁵.

Отсюда вытекает «фундаментальное положение, зафиксированное во многих новейших исследованиях», суть которого «состоит в том, что неотъемлемая часть модернизации экономики страны с низкими доходами – это *снижение экономической значимости пахотных земель и повышение значимости человеческого капитала – квалификации и знаний*»¹⁶⁶.

Это «фундаментальное положение» весьма примечательно в двояком отношении. Во-первых, значимость пахотных земель зависит от их естественного и экономического плодородия. Любому студенту экономического вуза (за исключением, по-видимому, нашего нобелевского лауреата) известно, что естественное плодородие земли определяется только природными условиями почвообразования, а потому оно является объективным свойством самой земли, существующим независимо от каких-либо «вложений». Напротив, экономическое плодородие земли определяется не только природными условиями и уровнем развития производительных сил, но и дополнительными капиталовложениями, степенью зрелости общественно-производственных отношений (в данном случае, рыночных), в рамках которых и посредством которых устанавливаются цены на сельскохозяйственные продукты. Поэтому одной из важнейших задач модернизации экономики является не снижение (как считает автор), а наоборот, повышение экономической значимости пахотных земель.

Во-вторых, трактовка «человеческого капитала» как «квалификации и знаний» ничего принципиально нового в себе не содержит (за исключением употребления данного понятия). Ведь такая трактовка воспроизводит, по существу, маклеодовское определение невещественного (умственного) капитала.

Однако подобное определение, используя терминологию А. Смита, характеризует отнюдь не особый вид капитала, а «приобретенные и полезные способности» личного (человеческого) фактора производства, т. е. рабочую силу. Как известно, термин «рабочая сила» был введен в политическую экономию К. Марксом. Если Г.Д. Маклеод не знал этого термина (напомним, его работа «Основания политической экономии» вышла в свет в 1857 году, т. е. за десять лет до появления «Капитала» К. Маркса), то, напротив, Т. Шульц знал, точнее, должен был знать смысл данного термина (поскольку труд последнего получил всемирную известность уже с конца XIX века). Но, увы, наш нобелевский лауреат «не заметил» этого терминологического нововведения. «Не мудрствуя лукаво», он избрал традиционный подход, т. е. стал отождествлять личный фактор производства с «человеческим капиталом». Иными словами, автор реанимировал фетишистское представление об особой разновидности капитала, появившееся в начале XIX века и употреблявшееся в работах отдельных экономистов в течение данного промежутка времени.

В этой связи возникают два вопроса: 1) почему «квалификация и знания» превращаются в «человеческий капитал»?; 2) чем же «человеческий капитал» отличается от других видов капитала? К сожалению, вразумительного ответа на эти вопросы автор не дал (как, впрочем, и его единомышленники). И это не удивительно, поскольку раскрыть экономическую сущность «человеческого капитала», исходя из «естественной и искусственной» природы человека невозможно. Между тем К. Маркс довольно обстоятельно показал, почему личный фактор

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

производства (рабочая сила) в условиях буржуазного общества превращается в переменный капитал и чем последний отличается от постоянного капитала.

В-третьих, недооценка качества человеческого фактора. По мнению автора, «критически важным фактором, определяющим состояние бедности» в странах с низкими доходами, является не природный фактор (земля), а человеческий. Качество последнего определяется прежде всего капиталовложениями в различные мероприятия, которые «могут в значительной мере улучшить экономические перспективы и уровень жизни бедняков»¹⁶⁷.

Действительно, «такого рода капиталовложения в странах с низкими доходами» способствует «улучшению экономических перспектив». Но при наличии существующей системы «общественного порядка» никакие капиталовложения сами по себе не могут искоренить бедность, что должно быть ясно каждому, «искушенному в премудростях экономической науки» (и уж тем более нобелевскому лауреату). Именно поэтому «бедняки в странах с низкими доходами являются узниками закостенелого нищенского равновесия, которое не под силу сломать экономике» (а не наоборот, как считает автор). Более того, в таких странах «существуют непреодолимые силы, сводящие на нет любые экономические усовершенствования (точнее, социально-экономические преобразования. – *Н.С.*) и понуждают бедняков к отказу от экономической (и политической. – *Н.С.*) борьбы» (а не наоборот, как утверждает автор). Поэтому, хотя «в сельском хозяйстве бедняки положительно реагируют на представленные им экономические возможности», тем не менее они не могут изменить сложившуюся ситуацию, о чем свидетельствуют «документальные доказательства»¹⁶⁸.

Но автор занимает иную позицию. По его мнению, для того, чтобы «преодолеть состояние бедности в странах с низкими доходами» необходимо решить в первую очередь такие проблемы, как устранение дискриминационного характера внутренней политики государства по отношению к сельскому хозяйству, проведение интенсивной индустриализации этой отрасли экономики, повышение предпринимательского духа фермерской и исследовательской деятельности¹⁶⁹. Как говорится, «Вашиими устами да мед пить!». Даже при полной реализации подобных мероприятий, «преодолеть состояние бедности» в этих странах невозможно до тех пор, пока в них не изменятся, причем коренным образом, социально-экономические условия.

В-четвертых, успехи в деле повышения качества человеческого капитала, присущего как сельскохозяйственному, так и несельскохозяйственному населению. В данном случае термин «качество» рассматривается применительно к различным формам этого капитала. Необходимость такого рассмотрения обусловлена прежде всего тем, что понятие «человеческий

¹⁶⁷ Там же. С. 362. «Навыки, связанные с уходом за детьми, ведением домашнего хозяйства, трудовой деятельностью, приобретение информации и квалификации в рамках школьной учебы и иных форм обучения – т. е. все то, что определяется капиталовложениями в первую очередь в здравоохранение и образование – может повысить качественный уровень населения.» / Там же. Заметим, столь примитивная трактовка данного вопроса «достойна» какого-нибудь «школяра», но не нобелевского лауреата.

¹⁶⁸ Там же. С. 362.

¹⁶⁹ «Хотя фермеры и обладают различными способностями к восприятию и интерпретации новой информации, а также к принятию на ее основе решений (в силу различий образования, опыта работы, состояния здоровья), все они обладают существенно важным человеческим качеством – способностью к предпринимательству ... Дух предпринимательства важен и в исследовательской деятельности. Любые исследования связаны с риском. Они предполагают распределение ресурсов в условиях их дефицита. Они требуют организованной структуризации. Кто-то должен принимать решения, связанные с распределением ограниченных ресурсов и учитывающие достигнутый на настоящий момент уровень знаний. Сама суть исследовательской деятельности – это скачок в неизвестное и малознаемое. Здесь необходимо наличие средств оргструктуры и компетентных ученых. Но этого недостаточно. Необходим еще и дух предпринимательства, носителем которого может выступать либо ученый, либо иной участник исследовательских работ ... Именно отсутствием стимулов объясняется то, насколько велик нереализованный экономический потенциал сельского хозяйства во многих странах с низкими доходами ... Технические возможности становятся все более и более благоприятными, но экономические стимулы, необходимые фермерам этих стран для реализации своего потенциала, находятся в расстройстве – либо из-за отсутствия релевантной информации, либо из-за искажения системы цен. Из-за отсутствия благоприятных стимулов фермеры не делают необходимых капиталовложений (в частности, не приобретают высококачественные средства производства). Правительственное вмешательство в настоящее время является основной причиной торможения оптимальных экономических стимулов.» / Там же. С. 363, 364, 365.

капитал» и теория капитала в целом имеют «неоднозначное» толкование, например, в моделях экономического роста. Главный недостаток этих моделей состоит в том, что в них капитал трактуется как гомогенный (однородный). Сообразно этому осуществляется его агрегирование. Между тем капиталу имманентны неравенства, связанные с определением коэффициента окупаемости капиталовложений, вне зависимости от того, как подсчитывается агрегирование капитала: с точки зрения факторных издержек или дисконтированной стоимости услуг, оказываемых всеми частями этого капитала в течение всего промежутка времени его функционирования. Поэтому «даже если бы мы были не в состоянии наблюдать эти неравенства, нам бы следовало их придумать, поскольку это – *главная движущая сила экономического роста*. Они являются движущей силой потому, что служат побудительными экономическими сигналами роста. Таким образом, одна из существенно важных составных частей экономического роста вуалируется путем этого агрегирования капитала»¹⁷⁰.

По мнению автора, подобный подход применим и к человеческому капиталу, который неоднороден по своему составу. Наряду с «обычным» существует «дополнительный» человеческий капитал. Стоимость последнего «зависит от дополнительного благосостояния, получаемого за счет этого людьми». Поэтому «человеческий капитал благоприятно воздействует на производительность труда и предпринимательские способности человека»¹⁷¹.

Как видим, игнорируя социальную природу капитала, автор отождествляет «составную часть» последнего – «дополнительный человеческий капитал» соответственно с «дополнительным благосостоянием» самого человека (надо полагать, с материальным положением последнего). Чем выше такое «благосостояние» этого человека, тем большую возможность он имеет для приобретения «дополнительного капитала», стоимость которого, естественно, выше стоимости «обычного капитала». Именно благодаря этому повышается производительность труда и формируются предпринимательские способности человека.

Исходя из этой абстрактной (вульгарной по своей сути) посылки, автор утверждает, что «проблема качества человеческого фактора предполагает отношение к этому качеству как к дефицитному ресурсу». Поскольку «этот ресурс имеет экономическую ценность», то «его приобретение связано с определенными затратами». Подменяя понятие стоимости категорией «экономическая ценность», автор в этой связи выделил главный критерий оценки «человеческого поведения, определяющего тип и количественные характеристики качества, накопленного на протяжении определенного периода времени». Таким критерием является «соотношение между прибылью, получаемой благодаря новому качеству, и затратами, связанными с его приобретением.

Если прибыль превосходит затраты, то запасы качественных свойств населения возрастают. Иными словами, увеличение предложения любых качественных свойств есть реакция на рост соответствующего спроса. Такой подход к политике капиталовложений основан на принципе спроса и предложения, поскольку все качественные свойства рассматриваются в его рамках как дефицитные ресурсы длительного пользования, полезность которых сохраняется на протяжении определенного периода времени»¹⁷².

¹⁷⁰ Там же. С. 365–366.

¹⁷¹ Там же. С. 366. «Названные способности, связанные с распределением ресурсов, существенно важны для сельскохозяйственного и несельскохозяйственного производства и для домохозяйства, и для учебы (в ходе чего учащиеся распределяют свое время и прочие ресурсы). Они важны и для определения направлений миграции с целью получения лучшей работы, и для выбора лучшего места жительства. Они способствуют достижению чувства удовлетворения, являющегося интегральной частью текущего и будущего потребления.» / Там же.

¹⁷² Там же. «Суть моей гипотезы, – поясняет автор, – заключается в том, что прибыль, связанная с повышением качественных свойств, возрастает с течением времени – во многих странах с низкими доходами; увеличивается рента, получаемая предпринимателями благодаря их умению распределять ресурсы, а также увеличивается прибыль, достигнутая благодаря улучшению системы детских, общеобразовательных и медицинских учреждений. Далее, норма прибыли еще больше увеличивается благодаря снижению расходов на содержание названных учреждений. С течением времени такие факторы, как рост

Как известно, под качеством понимается совокупность определенных свойств, указывающих на то, что представляет собой та или иная вещь. Соответственно, под количеством – совокупность определенных свойств, указывающих на размеры этой вещи.

Но в данном случае речь идет не о вещи как таковой, а о человеческом факторе (а, стало быть, и о человеческом капитале, ибо автор отождествляет эти понятия), обладающим своими отличительными «свойствами». Отрывая последние от человека, и опираясь на принципы маржинализма, автор называл эти «свойства» особым, точнее, «дефицитным ресурсом». Как и всякий ресурс, он продается и покупается. Причем приобретение такого «ресурса» зависит от его «экономической ценности». Именно эта «ценность» определяет «тип и качественные характеристики человеческого поведения, накопленного на протяжении определенного промежутка времени». Совершив это «великое открытие» («достойное, по-видимому, Нобелевской премии по экономике»), автор подчеркивал, что эффективность подобного качества как «дефицитного ресурса» определяется соотношением величины прибыли и величиной затрат, пошедшими на его приобретение (при этом, однако, не разъясняется, кто же получает эту прибыль, предприниматель или всякий человек, обладающий таким «ресурсом»). Иными словами, чем выше «капиталоотдача» от «дефицитного ресурса» (качества), т. е. чем больше он приносит прибыли, в сравнении с понесенными затратами, тем выше его эффективность. Вот к чему, в конечном счете, «сводятся эти «умопомрачительные» рассуждения автора о качественных свойствах человеческого фактора (капитала).

Сообразно этому автор акцентировал внимание на двух основных видах капиталовложений, благодаря которым повышается качественный уровень человеческого фактора («капитала»).

Во-первых, в здравоохранение, что позволяет определить (расценивать, по терминологии автора) «состояние здоровья любого человека как некий фонд, или капитал здоровья (т. е. как «физиологический капитал» – *Н.С.*), а вклад этого капитала – как услуги, связанные со здравоохранением. Часть начального запаса этого фонда является унаследованной, а часть – приобретенной. Запас снашивается с течением времени, и темпы снашивания увеличиваются к концу его жизни»¹⁷³.

Во-вторых, в образование, которое, подобно здравоохранению, «способствует повышению качественного уровня человеческого фактора» (капитала). При этом нужно иметь в виду, что «поскольку расходы на образование представляют собой в первую очередь капиталовложения, было бы серьезной ошибкой рассматривать все расходы на образование как текущее потребление. Эта ошибка связана с восприятием образования как потребительского товара. Неоправданным является отнесение государственных расходов на образование к категории расходов на «благосостояние» и рассмотрение их как ресурсов, которые могут оказать воздей-

спроса на качество жизни детей и повышение потребностей некоторой части взрослого населения относительно качества своей жизни, снижает спрос на количество; иными словами, начинается замещение количества качеством, и снижение спроса на количество ведет к уменьшению числа рождаемых и воспитываемых детей ... Такое замещение количества качеством способствует решению «проблемы» перенаселения.» / Там же. С. 366–367. Думается, какие-либо комментарии здесь излишни. Для того, чтобы правильно «уразуметь» экономическую диалектику закона перехода количественных изменений в качественные (в рамках данной гипотезы), нашему нобелевскому лауреату следовало бы повнимательней ознакомиться с «Наукой логики» Г. Гегеля, а не ограничиваться эмпирическим описанием зависимости прибыли, ренты и других доходов от качественных свойств человеческого фактора (капитала), в рамках которой осуществляется «замещение количества качеством».

¹⁷³ Там же. С. 367. «Валовые капиталовложения в этот фонд включают расходы, связанные с приобретением и эксплуатационные расходы. Речь идет о расходах, связанных с рождением и воспитанием детей, затратах на питание, одежду, жилье, медицинское обслуживание, организацию досуга. Поток услуг, получаемых от капитала здоровья, включает «период здоровья», или «период неболезни», что составляет вклад в сферы деятельности человека, связанные с работой, потреблением, досугом ... Дополнительный «капитал здоровья» и другие формы человеческого капитала способствуют повышению производительности труда. Большая длительность жизни означает более продолжительное вхождение в состав рабочей силы, а также способствует сокращению «времени болезни». Улучшение здоровья и жизнеспособности трудящихся, в свою очередь, ведет к повышению производительности на рабочих местах в расчете на человеко-час.» / Там же. С. 367, 368.

ствие на уменьшение «сбережений». Такого же рода ошибка совершается и при рассмотрении расходов на здравоохранение, относимых как на государственный, так и на частный счет»¹⁷⁴.

Подобного рода капиталовложения являются необходимым условием подготовки высококвалифицированных специалистов. Наличие последних играет ведущую роль «при оценке качественного уровня человеческого фактора». Здесь имеется в виду «увеличение численности врачей и прочих медицинских работников, инженеров, администраторов, финансистов, научных работников различной квалификации»¹⁷⁵.

Нетрудно видеть, что автор совершенно справедливо указывает на ключевую роль капиталовложений (инвестиций) в такие важные сферы общественной жизни, как здравоохранение и образование, вне которых повышение «качественного уровня человеческого фактора («капитала») действительно не представляется возможным не только в «странах с низкими доходами», но и в развитых странах, вступивших в эпоху научно-технической революции. Что же касается интерпретации различных форм «человеческого капитала», то она всецело вписывается в логику авторской концепции.

Напомним, сначала автор определил «человеческий капитал» как совокупность «квалификации и знаний» человека. Затем он уточнил это определение: ««человеческий капитал» есть не что иное, как человеческий фактор, или дефицитный ресурс, способный приносить прибыль. Наконец, с точки зрения указанных сфер общественной жизни автор выделил две стороны «человеческого капитала»: 1) «капитал здоровья», или «физиологический капитал», который образует «некий фонд», подразделяющийся, в свою очередь, на две части: «унаследованный запас здоровья» и «приобретенный запас здоровья» (причем, подобно вещественному капиталу, этот «капитальный фонд» снашивается с течением времени, а потому требует своего возмещения за счет новых капиталовложений или инвестиций); 2) «капитал образования», посредством которого осуществляется подготовка высококвалифицированных специалистов.

Но все эти определения свидетельствуют о крайней форме вульгаризации фетишистских представлений о капитале вообще, «человеческом капитале» в особенности. Более того, они преследуют ярко выраженную апологетическую цель. Получается, что любой человек, будь то рабочий или капиталист-предприниматель обладает, естественно, «человеческим капиталом» (разумеется, в той или иной мере). Иными словами, каждый из них является «капиталистом». Но если это так, тогда непонятно, почему рабочий, продавая свою рабочую силу, получает отнюдь не прибыль, а заработную плату, а капиталист-предприниматель, обладая реальным капиталом, присваивает (отчуждает) прибыль, образующуюся за счет реализации товаров, созданных наемными рабочими? Автор сознательно игнорирует этот вопрос. В противном случае ему пришлось бы признать факт наличия социального неравенства «двух разных капиталистов»: рабочего и капиталиста-предпринимателя. Но вследствие этого признания рушится сама основа концепции человеческого капитала, согласно которой всякий располагающий своим «человеческим капиталом», претендует на получение прибыли, в чем пытался убедить нас автор.

¹⁷⁴ Там же. С. 368–369. «Расходы на образование, включая и высшее образование, представляют собой существенную долю национального дохода во многих странах с низкими доходами. Эти расходы велики по традиционным меркам национального счетоводства, сбережений и капиталовложений.» / Там же. С. 369.

¹⁷⁵ Там же. С. 369. «Научно-исследовательский потенциал значительного числа стран с низкими доходами является впечатляющим. Там имеется целый ряд специализированных исследовательских институтов, исследовательских подразделений в правительственных учреждениях, ведется исследовательская работа в промышленности и в системе высшей школы. Специалисты, занимающиеся исследовательской деятельностью, имеют высшее образование, в том числе и полученное за рубежом. К числу основных направлений исследований можно отнести медицину, организации здравоохранения (контроль инфекционных заболеваний, оказание медицинской помощи), диетологию, промышленность, сельское хозяйство и даже ядерную энергетику.» / Там же. Заметим, эти научные исследования не меняют, однако, общего положения «стран с низкими доходами», в которых «человеческий капитал» по степени своей зрелости значительно уступает аналогичному «капиталу» развитых стран.

Обратимся теперь к другому американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии по экономике Г. Беккеру. Он сосредоточил свое внимание на исследовании разных проблем: дискриминации, образования, преступности, брака, семьи и др. Результаты этих исследований воплотились в трех главных работах автора – «Экономика дискриминации» (1957), «Человеческий капитал» (1964), «Трактат о семье» (1981). Как уже отмечалось, вторая из них считается «классическим трудом в данной области» (М. Блауг).

Подобно т. Шульцу, в сжатом, обобщенном виде суть проведенных исследований Г. Беккер изложил в своей нобелевской лекции «Экономический взгляд на жизнь» (1992). Она включает в себя шесть разделов, в которых рассматриваются вышеуказанные проблемы. Наибольший интерес для нас представляет четвертый раздел, посвященный концепции человеческого капитала.

В основу этой концепции (как, впрочем, и всех научных исследований автора) положен принципиально «новый», а именно, «экономический подход к анализу проблем», выходящий «за рамки традиционного предмета экономики»¹⁷⁶. Таким образом, «новизна» данного подхода состоит в том, что его автор смешивает объект (предмет, по терминологии самого автора) экономической науки с самой наукой.

Демонстрируя свое полное невежество в области истории экономической мысли, наш нобелевский лауреат пишет: «Используемый мною экономический подход, в отличие от марксистского, не предполагает, что поведение индивидов определяется исключительно эгоизмом или жадной наживы. Это – *метод* анализа, а не предпосылка о мотивах поведения. Вместе со своими единомышленниками я пытался доказать экономистам, что в основе поведения личности лежит не узкий эгоизм, а более широкий спектр ценностей и предпочтений»¹⁷⁷.

Отсюда видно, что автор отождествляет смитианство с марксизмом. Ведь любому студенту экономического факультета вуза хорошо известно, что принцип «эгоизма или жадной наживы» образует исходный пункт теоретической системы А. Смита. Что же касается К. Маркса, то он исследовал отнюдь не «поведение индивидов», а общественно-производственные, или социально-экономические отношения, которые складываются между различными классами капиталистического общества. Эти отношения находят свое конкретное выражение в противоположных экономических интересах, в основе которых лежат не «узкий эгоизм» и не «более широкий спектр человеческих ценностей и индивидуальных предпочтений», а отношения собственности на условия и результаты производства.

Сознательно извращая марксистскую методологию политико-экономического исследования, Г. Беккер противопоставил ей методологию американского прагматизма, опирающуюся на один из важнейших постулатов маржинализма – рациональный индивидуализм. Именно последний определяет суть предложенного автором экономического подхода, согласно которому «люди максимизируют то, что они воспринимают как богатство, независимо от того, эгоисты они или альтруисты, садисты или мазохисты. Их поступки продуманы и согласованы во времени. Так, они пытаются как можно точнее предугадать неизвестные последствия своих действий. Корни их предусмотрительности, однако, могут лежать в прошлом, ибо прошлое накладывает глубокий отпечаток на мировоззрение и ценности человека.

Свобода действий человека ограничивается его доходом, временем, несовершенством памяти и вычислительных способностей и другими ограниченными ресурсами, а также возможностями, которые предоставляет ему экономика. Широта этих возможностей определяется действиями других индивидов и их организаций»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Там же. С. 688.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

Иными словами, поведение каждого человека определяется его рациональным стремлением к максимизации богатства, независимо от того, каких убеждений он придерживается. Это есть не что иное, как «философия жизни» данного человека, всецело соответствующая идеалу «американской мечты». Именно эта мечта лежит в основе «предугадывания» его поступков и их последствий, которые «продуманы и согласованы во времени». Более того, она «накладывает глубокий отпечаток на мировоззрение и ценности» этого «разумного человека».

Однако «свобода действий» последнего «ограничивается» рядом факторов: денежным (доход), временным (время – деньги), интеллектуальным (несовершенство памяти и умственных (вычислительных, по терминологии автора) способностей и других ограниченных ресурсов) и сопутствующих им «возможностей, которые предоставляет ему экономика». Эти «возможности» зависят также от «действий других индивидов и их организаций»¹⁷⁹.

Нетрудно видеть, что здесь Г. Беккер характеризует главный мотив жизнедеятельности обычного и вместе с тем весьма прагматичного американца, стремящегося к личному обогащению, невзирая на ограниченность своего «интеллектуального (умственного) кругозора». По-видимому, в этом заключается одна из важнейших причин повышенного интереса автора к концепции человеческого капитала (ибо, как будет показано ниже, «чрезмерный импорт чужих мозгов» создает угрозу национальной безопасности США).

Подчеркнем, «теоретический вклад» Г. Беккера в разработку этой концепции довольно скромнен (более того, если вообще о таком «вкладе» может идти речь). Дело в том, что автор заимствовал ее ключевые положения из «теоретического арсенала» Т. Шульца. Причем это заимствование осуществлялось по двум основным направлениям.

Во-первых, опираясь на фетишистское представление о «человеческом капитале», выработанное Т. Шульцем, Г. Беккер определяет категориальную сущность этого «капитала» с точки зрения «естественной и искусственной» природы человека. Так, если Т. Шульц отождествляет «человеческий капитал» (подразумевая под ним «квалификацию и знания») с человеческим фактором, или дефицитным ресурсом, обеспечивающим получение прибыли, то Г. Беккер (трактуя его как некую совокупность «навыков и знаний») – с различными видами человеческой способности к труду, т. е. рабочей силой, не объясняя при этом, почему она становится таким «капиталом» (но и в том, и в другом случае речь, по существу, идет о личном факторе производства). Будучи «малоосведомленным» в области истории экономической мысли, прежде всего, ее марксистского направления, автор утверждает, что «до 1950-х гг. экономисты обычно предполагали, что рабочая сила есть нечто заданное и неизменное»¹⁸⁰. Между тем, как известно, К. Маркс не только ввел в политическую экономию понятие рабочей силы, но и установил факторы, определяющие изменение стоимости последней, включая «исторический и социальный ее компоненты».

Во-вторых, «развивая» концепцию человеческого капитала Т. Шульца (положившей «начало исследованиям воздействия инвестиций в человеческий капитал на экономический рост и т. п.»¹⁸¹), Г. Беккер заявляет, что она «раскрывает связи между производительностью

¹⁷⁹ При этом «самым важным из всех ограничений» является не социально-экономический фактор, а временной, т. е. время как таковое. Ибо «прогресс экономики и медицины, значительно увеличивающий продолжительность жизни, оказался бессильным что-либо сделать с потоком времени, который всегда ограничивает человека 24 часами в сутки. Таким образом, хотя объем товаров и услуг в богатых странах возрос в громадной степени, объем времени остался неизменным. Поэтому желания остаются не удовлетворенными и в богатых, и в бедных странах. Хотя растущее изобилие благ снижает ценность дополнительного блага, время становится все более ценным по мере того, как блага – все более изобильными. Максимизация полезности в утопическом обществе, где все потребности полностью удовлетворены, бессмысленна, но неизменность временного потока делает такую утопию невозможной». / Там же. С. 688–689. Коренной порок всех этих «глубоких» рассуждений заключается в их абстрактности, оторванности от социально-экономических условий современного общества, в рамках которых решаются отнюдь не утопические, а реальные проблемы.

¹⁸⁰ Там же. С. 693.

¹⁸¹ Там же.

труда и инвестициями в образование, обретение навыков и знаний»¹⁸². Поскольку эти «навыки и знания» образуют «человеческий капитал», то подобного рода «инвестиции в образование» служат исходным пунктом профессиональной подготовки работников, а следовательно, и роста их производительности труда». Последняя зависит также и от «инвестиций в здравоохранение». Поэтому «индивиды выбирают образование, профессиональную подготовку, медицинскую помощь и другие способы улучшения своих знаний и здоровья, сопоставляют их выгоды и издержки»¹⁸³.

Заметим, в отличие от Т. Шульца, определяющего эффективность качества «дефицитного ресурса» посредством соотношения прибыли и величины затрат, пошедших на его приобретение, Г. Беккер трактует эту эффективность применительно к «человеческому капиталу», исходя из ее результатов, обусловленных «инвестициями в сферы образования и здравоохранения», причем весьма широко. По мнению автора, «выгоды предстают в виде культурных и других материальных ценностей наряду с повышением доходов и получением более престижной работы, а издержки определяются главным образом альтернативной стоимостью этих инвестиций»¹⁸⁴. Но такое толкование эффективности «человеческого капитала» не раскрывает прежде всего его сущности, ибо не ясно, какую «капитальную функцию» выполняют указанные «инвестиции, из каких частей состоят «доходы», какое отношение имеют к данному «капиталу» эти «культурные и другие материальные ценности наряду с повышенными доходами и полученной более престижной работой».

«Зайдя по части теории человеческого капитала в тупик», Г. Беккер стал опираться на эмпирические обобщения, полагая, что с помощью последних можно раскрыть ее «эвристическую ценность». Например, определить «частные и общественные выгоды» для всех слоев населения: мужчин, женщин, негров и т. д. (в зависимости «от инвестиций в образование различных степеней»), осуществить «разделение знаний на специфические и общие» (первые «могут быть полезны только одной фирме», вторые «применимы во всех других фирмах»). Кроме того, подобного рода обобщения являются отправным пунктом создания «более общей теории человеческого капитала». Ибо она может применяться в различных областях экономической жизни общества: при разработке государственной политики «по стимулированию экономического роста и производительности труда», определении способов распределения «ренты, которая является результатом специфичных инвестиций фирмы и которая должна быть поделена между работодателями и работниками»¹⁸⁵ и др. По-видимому, именно за такой «выдающийся вклад» в разработку данной «теории», в основе которой лежит «новый экономический взгляд на жизнь», и получил Г. Беккер свою Нобелевскую премию по экономике.

Между тем главный недостаток «теории человеческого капитала», прокламируемой Г. Беккером, состоит в том, что он, как и его соотечественник (Т. Шульц), игнорируя социальную природу «человеческого капитала» (как, впрочем и «капитала вообще») и не объясняя, кому принадлежит этот «капитал», выводит сущность последнего, говоря словами А. Смита, из «приобретенных и полезных способностей» человека, т. е. рабочей силы. В действительности же, как установил К. Маркс, рабочая сила превращается в капитал лишь при наличии капиталистического отношения, вне которого она представляет собой личный фактор всякого производства, независимо от его общественной формы. Разумеется, такое толкование «человеческого капитала» обусловлено, в конечном счете, апологетико-идеологическими соображениями нобелевских лауреатов, посредством которых предпринимается попытка затушевать

¹⁸² Там же. С. 689.

¹⁸³ Там же. С. 693–694.

¹⁸⁴ Там же. С. 694.

¹⁸⁵ См.: Там же. С. 694–695.

реальное отношение социального неравенства, складывающегося между наемным рабочим и капиталистом-предпринимателем в современном («постиндустриальном») обществе.

Нужно, однако, отметить, что подобный подход к трактовке «человеческого капитала» можно обнаружить и в учебной литературе. Так, американские авторы известного учебника «Экономика» (довольно объемного по своему содержанию, составляющему 829 крупноформатных страниц), опираясь на концептуальные идеи А. Смита, вводят понятие «человеческий капитал» в связи с «определением средней заработной платы». Напомним, анализируя структуру заработной платы квалифицированного рабочего, А. Смит считал, что она должна возместить, во-первых, обычную заработную плату за простой (необученный) труд; во-вторых, все расходы, затраченные на обучение (эти расходы должен нести сам рабочий или его родители, другие родственники); в-третьих, обычную (среднюю) прибыль на капитал. Источником этого возмещения трех компонентов заработной платы является более производительный труд данного рабочего.

Имея в виду, преимущественно, второй компонент такой структуры заработной платы, и полагая, что она представляет собой «равновесную цену труда», авторы этого учебника констатируют лишь общеизвестный факт: «Производительность труда зависит также от квалификации рабочей силы. Если уровень квалификации работников высок, то высок и предельный продукт труда, и предприятия идут на увеличение оплаты труда работников». Исходя из этого факта, заключают: «Экономисты называют уровень квалификации рабочих *человеческим капиталом* рабочей силы ... Увеличение человеческого капитала по прошествии десятилетий также влияет на увеличение реальной заработной платы»¹⁸⁶.

Как видим, сущность «человеческого капитала» здесь непосредственно выводится из «квалификации рабочих», качества их «рабочей силы», т. е. из совокупности «природных и приобретенных способностей» человека. Но при этом опять-таки игнорируется главный вопрос: кому принадлежит этот «капитал»? Если последний принадлежит рабочему, то почему он получает заработную плату (величина которой зависит от степени его квалификации), а не прибыль на свой «капитал», которым обладает этот рабочий? Если же последний принадлежит капиталисту-предпринимателю, получающему прибыль, тогда почему этим «капиталом» распоряжается рабочий? Вразумительного ответа на эти вопросы авторы не дают, всячески избегая самую возможность их постановки. Как и в предыдущем случае, здесь на первый план выходят на научные, а апологетико-идеологические соображения¹⁸⁷.

Именно поэтому, следуя укоренившемуся в западной литературе концептуальному подходу, авторы дают более развернутое определение «человеческого капитала. По их мнению, «человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход.

¹⁸⁶ Фишер С., Дорбузи Р., Шмалензи Р. Экономика. М., 1993. С. 295.

¹⁸⁷ «Если судить по этому лаконичному, четкому определению («человеческого капитала». — Н.С.) и предположить, что им руководствуются авторы данного солидного произведения, то под человеческим капиталом однозначно предполагается понимать *качество рабочей силы* (природные данные работника, физическое состояние, приобретенные навыки, уровень квалификации, образованность, мастерство и т. д.), то, что классики политической экономии, в том числе К. Маркс, называли способностью к труду, иногда смешивая это качество с трудом. Но поскольку в вышеприведенном определении говорится о капитале, то, естественно, возникает вопрос: чей это капитал, кому он принадлежит? Наемный рабочий при капитализме, в отличие от крепостного и раба, — юридически свободная личность, и его рабочая сила, его личные качества принадлежат ему самому. Следовательно, собственником «человеческого капитала», согласно приведенному определению, является работник. Тогда почему его естественные и приобретенные способности оказываются *капиталом*? Ответ один: только потому, что они могут приносить и приносят дополнительный *доход*, и этот доход интерпретируется как «прибыль», «продукт» или даже «рента» — в общем, как некая прибавка, маржа, являющаяся эмпирическим свидетельством возрастания способностей работника, его «капитала». А инвестиции в рост этого «капитала» могут идти от самого работника, фирмы, государства (общества). Здесь, конечно, работают аналогии с действительным капиталом, но они незаметно подводят к представлению о том, что и наемный работник — тоже капиталист с той только разницей, что в его собственности не средства производства и денежные ресурсы, а его способность трудиться. Невелика, мол, разница, коль скоро все принадлежит к одному социальному классу ...» / «Человеческий капитал» и образование. С. 26–27.

Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию»¹⁸⁸.

Здесь обращает на себя внимание алогичность этого определения, свидетельствующая о весьма слабой философской подготовке его авторов.

Во-первых, «человеческий капитал» трактуется как «мера воплощенной в человеке способности приносить доход». Как известно, согласно гегелевской «Науки логики», «мера» есть «качественное количество», т. е. «единство качества и количества». Поэтому анализу «меры» предшествует анализ сначала «качества», а затем «количества». Именно вследствие этого «мера» предстает как «истина качества и количества». Будучи неосведомленными в области диалектической логики, авторы сразу «берут быка за рога», характеризуя «человеческий капитал» как «меру» лишь «качественной» определенности этого «капитала», игнорируя вместе с тем его «количественную» определенность. При этом не разъясняется, каким образом указанные «способности человека приносят доход», и что представляет собой этот «доход».

Во-вторых, углубляя «качественный» анализ «человеческого капитала», авторы определяют последний, с одной стороны, как совокупность «врожденных способностей и таланта»; с другой стороны, как наличие «образования и приобретенной квалификации», имманентных человеку. Однако и в этом случае не разъясняется, почему эти «врожденные и приобретенные способности» последнего становятся «человеческим капиталом», кому он принадлежит, какой «капитальный» доход он приносит.

Воспроизводя фетишистское представление о «капитале вообще» и отрицая его социальную природу, авторы пишут: «Обычно, когда мы говорим о капитале, мы подразумеваем активы (оборудование, дома, промышленные здания), обладающие двумя признаками: они являются результатом инвестиций и генерируют на протяжении определенного периода времени поток дохода»¹⁸⁹.

Нетрудно видеть, что здесь речь идет о вещественном («физическом») капитале, первый признак которого отсутствует в определении «человеческого капитала». Поэтому последнему «нет места в ряду капиталов, поскольку он не обладает первым признаком (он не указан) и его нельзя вставить в ряд перечисленных элементов вещественного (физического) капитала. Если он обладает только вторым (по Фишеру) общим признаком капитала (приносит доход), то «человеческий капитал» не подводится под общее определение капитала и он, по правилам элементарной логики, не может характеризоваться как капитал или же рушится общее определение семейства капиталов. Видимо, чувствуя здесь логическую несообразность, авторы книги совершают обходной маневр, подсказанный А. Смитом, применяют (не упоминая «первопроходца») ту же пресловутую аналогию с основным капиталом и вспоминают об инвестиционном происхождении «человеческого капитала»¹⁹⁰.

В этой связи авторы далее пишут: «Сходным образом человеческий капитал создается тогда, когда человек (возможно, с помощью своих родителей) инвестирует в самого себя, оплачивая образование и приобретение квалификации. Инвестиции в человеческий капитал со временем окупаются, давая отдачу в виде более высокой заработной платы или способности выполнять работу, приносящую большее удовлетворение»¹⁹¹.

Будучи «не в ладах» не только с диалектической, но даже и с формальной логикой, авторы акцентируют здесь внимание на инвестициях, которые «создают человеческий капитал». В результате первоначальное («метафизическое») определение данного капитала замещается «созидательным». Но инвестиции характеризуют не его природу, а затраты, которые

¹⁸⁸ Фишер С., Дорнбуш Р. Шмалези Р. Указ. соч. С. 303.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ «Человеческий капитал» и образование. С. 28.

¹⁹¹ Фишер С., Дорнбуш Р. Шмалези Р. Указ. соч. С. 303.

должны «окупаться». Если он является «капиталом» (пусть и «человеческим»), то его «окупаемость», как и всякого капитала, определяется величиной прибыли, приносимой им. Из приведенного выше определения «человеческого капитала» следует, что вложенные в него инвестиции «окупаются» в виде увеличения дохода рабочего – «более высокой заработной платы», которая сама по себе никакого отношения не имеет не только к «человеческому», но и к «капиталу вообще». Если же ее рассматривать как «способность выполнять работу, приносящую большее удовлетворение», то в таком случае тем более нет никаких оснований трактовать эту «способность» как «человеческий капитал», а рабочего как владельца этого «капитала», поскольку последний таковым не является¹⁹². Он есть весьма элегантная метафора, используемая западными экономистами в апологетико-идеологических целях.

Для достижения таких целей все средства приемлемы, в том числе и употребление в экономических исследованиях этой метафоры. Но если отвлечься от нее, то обнаружится, что в центре внимания вышеуказанных авторов находится проблема человеческого фактора, или рабочей силы, т. е. совокупность профессиональных способностей работника, играющих ключевую роль в условиях современной НТР. Поэтому в проводимых ими исследованиях акцент делается на изыскании оптимальных путей повышения образовательного уровня данного работника, рационального обеспечения его «физического» здоровья.

Именно в таком контексте рассматривает значимость «теории человеческого капитала» упомянутый выше М. Блауг – крупный «методолог» в области экономической науки. По его мнению, основоположником этой «теории» является А. Смит. Ибо «в состав основного капитала», по определению последнего, «включаются не только орудия труда и постройки», но и «человеческий капитал» – капитализированная ценность «приобретенных и полезных способностей всех жителей и членов общества». Это правомерно следует из того, что капитал представляет собой «произведенные средства производства»: приобретенные способности рабочих к труду, безусловно, «произведены» при использовании вещественных ресурсов¹⁹³.

Софизм этих высказываний состоит в том, что их автор сознательно извращает (причем самым вульгарным образом) позицию А. Смита по данному вопросу. Во-первых, А. Смит никогда не употреблял понятие «человеческий капитал». Во-вторых, как мы видели, «уточнив» определение «основного капитала» рабочего, А. Смит относил к нему отнюдь не «приобретенные и полезные способности» этого рабочего, а действительные издержки, связанные с приобретением таких способностей. Последние он не смешивал с «произведенными средствами производства», а проводил различие между ними, полагая, вместе с тем, что профессиональные способности рабочего можно сравнить с «машинами и орудиями производства», которые также «требуют известных расходов» и которые «возмещают эти расходы вместе с прибылью».

Заметим, М. Блауг не считает нужным подвергать специальному анализу теоретические постулаты «человеческого капитала». И это не случайно, поскольку такие постулаты не были

¹⁹² «Может быть, незаметно для самих авторов акцент в определении «человеческого капитала» здесь перемещается на инвестиции, что вступает в противоречие с первоначальным определением. Но дело не только в этом. Дотошный читатель не может не заметить и то, что эффектом (отдачей) затрат на образование и повышение квалификации наряду с прибавкой заработной платы (увеличением дохода) признается вовсе не доход в рыночном смысле, а реализация более высокой *потребности в самом труде*. Однако труд как самоцель, а не средство к жизни, понятно, не превращает инвестиции (в этой части) в капитал, выводит нас, напротив, вообще за рамки экономических категорий рыночно-капиталистической системы, а Фишера и его коллег представляет в таком суждении чуть ли не сторонниками ... коммунистической идеи. В том же случае, когда говорится о приращении дохода на инвестиции, почему-то забывается тот вариант, когда затраты на подготовку и переподготовку работника, вложения «не в себя», а в других делает капиталист (фирма). Но тогда он и является собственником «человеческого капитала» в форме инвестиций, на которые прирастает прибыль. Конечно, возникает вопрос: можно ли в таком случае работника, приобретшего новые качества своей рабочей силы и получающего вследствие этого более высокую заработную плату за свой труд, назвать собственником «человеческого капитала»? На этот, как и на ряд других вопросов мы не найдем вразумительного ответа ни в «Экономике» С. Фишера, ни в других «Экономикс», в том числе в их российских дубликатах.» / «Человеческий капитал» и образование. С. 28–29.

¹⁹³ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 47–48.

выработаны ни нобелевскими лауреатами, ни другими западными экономистами менее «крупного ранга», занимавшихся разработкой «теории человеческого капитала». В результате сложилась парадоксальная ситуация, ибо обнаружилось, что эта «теория» вообще не имеет никакой теории.

Как показано выше, «теория человеческого капитала» базируется на эмпирических обобщениях, касающихся таких явлений, как образование, обучение, профессиональная подготовка, здоровье и т. п. Вот почему, опираясь на эти обобщения, М. Блауг определяет «человеческий капитал» как «капитал», «воплощенный в квалифицированном труде»¹⁹⁴.

Исходя из этой посылки, М. Блауг дает оценку «теории человеческого капитала» в соответствии с трехуровневой структурой исследовательской программы, разработанной И. Лакатошем – известным специалистом в области философии науки. Он выделяет следующие уровни этой программы.

Во-первых, «*твердое ядро*», состоящее из исходных метафизических (философских, методологических) предпосылок, которые в рамках данной исследовательской программы считаются неопровержимыми.

Во-вторых, «*негативную эвристику*», или «*защитный пояс*» ядра программы, который служит для устранения противоречий с аномальными фактами посредством вспомогательных допущений и гипотез.

В-третьих, «*позитивную эвристику*», которая указывает рациональный путь для изменения и развития «опровержимых вариантов программы», вследствие чего эта программа выступает не как изолированная теория, а как серия модифицированных теорий, причем их основой служат единые принципы¹⁹⁵.

Руководствуясь этими положениями, М. Блауг выделяет соответственно три уровня исследовательской программы «человеческого капитала».

Первый уровень: «твердое ядро» данной программы, т. е. «набор чисто метафизических убеждений, отказ от которых равносителен отказу от самой программы»¹⁹⁶. Констатируя суть этого «ядра», автор, однако, сознательно уходит от анализа «метафизических убеждений», положенных в основу последней, поскольку она таких «убеждений» не имеет.

Но это обстоятельство не мешает М. Блаугу сделать громоподобное заявление, согласно которому так называемая «теория человеческого капитала» на самом деле является прекрасным примером исследовательской программы: ее нельзя свести к единственной теории, к простому применению стандартной теории капитала к определенным экономическим явлениям; и в то же время она сама выступает в качестве подпрограммы в рамках более широкой неоклассической исследовательской программы в той мере, в которой является просто применением стандартных неоклассических концепций к феноменам, прежде не рассматривавшимся экономистами-неоклассиками»¹⁹⁷.

Иными словами, исследовательская программа «человеческого капитала», как особая теория капитала, не существует, поскольку она не имеет (вопреки заявлениям автора) «твердого ядра», т. е. метафизических (философских, методологических) оснований. Поэтому «теория человеческого капитала» по своей сути, «выступает в качестве подпрограммы более широкой неоклассической (точнее, неонеклассической – *Н.С.*) исследовательской программы», ориентированной на изучение не сущности экономических явлений, а описание поверхностных слоев этих явлений. Именно с такого рода описанием имеют дело «неоклассиче-

¹⁹⁴ Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. С. 290.

¹⁹⁵ См.: Лакатош (правильнее Лакатош) И. Методология научных исследовательских программ. / Вопросы философии. 1995. № 4. С.135.

¹⁹⁶ Блауг М. Указ. соч. С. 318.

¹⁹⁷ Там же.

ские» (неонеклассические) концепции, покоящиеся на принципах методологического индивидуализма и рационального поведения людей в условиях рыночной экономики.

Сообразно этому «концепция человеческого капитала», или «твердое ядро» исследовательской программы человеческого капитала, заключается «в идее, что люди тратят на себя ресурсы различным образом – не только для удовлетворения текущих потребностей, но и ради будущих денежных и неденежных доходов. Они могут инвестировать в свое здоровье; могут добровольно приобретать дополнительное образование; могут тратить время на поиск работы с максимально возможной оплатой вместо того, чтобы соглашаться на первое же попавшееся предложение; могут покупать информацию о вакансиях; могут мигрировать, чтобы воспользоваться лучшими возможностями для занятости; наконец, они могут выбирать низкооплачиваемую работу с более широкими возможностями для обучения вместо высокооплачиваемой работы без каких-либо перспектив развития. Все эти явления – здоровье, образование, поиск работы, получение информации, миграция и обучение на работе – могут рассматриваться в терминах инвестиций, нежели потребления, независимо от того, предпринимаются ли инвестиции индивидами самостоятельно или обществом, выступающим в их интересах. Все эти явления связывают воедино не вопрос, кто и какие действия предпринимает, а тот факт, что принимающий решение агент, кем бы он ни был, обосновывает свои действия в настоящем соображениями будущего»¹⁹⁸.

Итак, суть приведенных высказываний автора сводится к следующим положениям.

Во-первых, «концепция человеческого капитала», или «твердое ядро» исследовательской программы «человеческого капитала» не имеет теоретико-методологической основы, поскольку эта «концепция», или это «ядро» базируется на исходном постулате «неоклассической» (неонеклассической) доктрины маржиналистского толка. В соответствии с этим постулатом данная программа ориентируется на описание прикладных аспектов рыночного поведения людей, стремящихся не только к удовлетворению своих «текущих потребностей», но и к максимизации «будущих денежных и неденежных доходов».

Во-вторых, для достижения этих целей люди рациональным образом используют свои ресурсы, т. е. они инвестируют последние в «человеческий капитал». Вследствие этого каждый инвестор может «увеличить» свой «капитал», т. е. укрепить здоровье, получить образование, приобрести необходимую информацию о вакансиях, решить проблему трудоустройства, пройти курс обучения на работе. Решение о таких инвестициях могут приниматься как отдельными индивидами, так и обществом в целом, «выступающим в их интересах». Все эти явления, обогащающие «человеческий капитал», взаимосвязаны друг с другом. Причем главную роль здесь играет не тот или иной субъект, принимающий решение о вложении инвестиций в этот «капитал», а тот агент, который «обосновывает свои действия в настоящем соображении будущего», т. е. любой субъект, обладающий стратегическим мышлением, позволяющее ему оценить настоящее и предвидеть будущее.

Второй уровень: «опровержения», с какими она (исследовательская программа «человеческого капитала») «встречалась в своем «защитном поясе» и как ее защитники реагировали на эти опровержения»¹⁹⁹. По мнению автора, эта программа «продемонстрировала поистине удивительную плодовитость, породив новые исследовательские проекты (прикладного характера – Н.С.) в каждом направлении экономической теории». Однако «обзор ее достижений на сегодняшний день показывает, что программа не слишком хорошо «корробирована» в попперовском смысле»²⁰⁰. И это неудивительно. Ведь главная цель концепции К. Поппера заключа-

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С. 326.

ется в *теоретическом* объяснении изучаемых явлений, тогда как рассматриваемая программа такого объяснения предложить не может.

Несмотря на этот весьма существенный недостаток нет особой «причины отказываться от данной исследовательской программы». Ибо, если верить, что такого рода программы «отбрасываются при первом опровержении», то это «означает становится жертвой наивного фальсификационизма». Для того, чтобы отказаться от научно-исследовательской программы требуется, во-первых, неоднократные опровержения, во-вторых, сбивающее с толку размножение корректировок *ad hoc*, призванных избежать этих опровержений, и, в-третьих, конкурирующая программа, которая претендует на объяснение тех же фактов с помощью другой, но не менее мощной теоретической схемы»²⁰¹.

Согласно автору, в качестве альтернативы этой программы выступает *гипотеза скрининга*, или *креденциализма*, суть которой заключается в установлении «фундаментальной корреляции между образованием и свойствами, характеризующими обучаемость»²⁰². Но эта гипотеза «явно гораздо менее амбициозна, чем исследовательская программа человеческого капитала: она ничего не говорит о вопросах здравоохранения и межрегиональной миграции»²⁰³.

Что же касается оценки данной программы, то она «никогда не может быть абсолютной», поскольку подобного рода «исследовательские программы могут оцениваться только в сравнении с конкурирующими программами, претендующими на объяснение схожего круга явлений. Исследовательская программа человеческого капитала, однако, не имеет настоящих соперников, обладающих хотя бы приблизительно схожей областью применения»²⁰⁴.

Как видим, автор фокусирует свое внимание на прикладных направлениях рассматриваемой программы, где она действительно продвинулась вперед, в сравнении с другими теориями, изучающими указанную проблематику. И все-же автор лукавит, определяя, например, различного рода концепции человеческого поведения как адекватные «теории» не имеющих, как известно, солидной теоретической основы. Будучи неосведомленным о марксистской исследовательской программе «оплаты труда», длительное время разрабатывавшейся советскими обществоведами, он дает искаженное представление об этой проблеме.

Третий уровень: «является ли исследовательская программа человеческого капитала «прогрессивной» или «деградирующей», что почти эквивалентно вопросу, возросло или уменьшилось со временем эмпирическое содержание программы?»²⁰⁵.

Отвечая на этот вопрос, автор, с одной стороны, воздает должное исследовательской программе «человеческого капитала», указывая на ее достоинства: она «решительно ушла от некоторых своих ранних наивных формулировок и дерзко атаковала некоторые традиционно игнорируемые темы в экономической теории, такие как распределение личного дохода во времени. Более того, она никогда не теряла из виду своей исходной цели – показать, что обширный ряд

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. С. 328.

²⁰³ Там же. С. 330.

²⁰⁴ Там же. С. 332. «Стандартные, вневременные теории поведения потребителей и максимизирующих прибыль фирм дают некоторое объяснение таким явлениям, как набор в школы и обучение без отрыва от производства, но они бессильны объяснить распределение издержек обучения между нанимателями и работниками. Классическая социология определенно дает альтернативные объяснения корреляции между образованием и заработками, а квазисоциологические теории двойных, или сегментированных рынков труда, несомненно, вторгаются на территорию, размеченную теоретиками человеческого капитала. Их слабое место заключается в недостатке точности при формулировании гипотез и, в особенности, в недостаточной приверженности новым опровержимым гипотезам, лежащим вне границ исследовательской программы человеческого капитала. С гипотезой скрининга затруднения те же, поскольку ее защитники, похоже, удовлетворены тем, что представляют иные причинные объяснения фактов, открытых исследовательской программой человеческого капитала. Марксистская исследовательская программа, с другой стороны, едва приступила к вопросу о различиях в оплате труда, и, следовательно, фактически не может соревноваться с теорией человеческого капитала на ее поле.» / Там же. С. 332–333.

²⁰⁵ Там же. С. 318.

кажущихся несвязанными друг с другом событий в реальном мире является результатом определенной схемы индивидуальных решений, для которых характерно жертвование текущими выгодами ради будущих»²⁰⁶.

С другой стороны, утверждает, что эта программа «сейчас находится в состоянии, напоминающем «кризис». Однако она «никогда не умрет, но будет постепенно угасать, пока ее не поглотит новая теория ...», «гипотеза скрининга знаменовала поворотную точку в «революции инвестиций в человека в экономической мысли», поворот к более богатому и широкому видению последовательных выборов, осуществляемых индивидом на протяжении жизненного цикла». Но в целом «исследовательская программа человеческого капитала в 1980-е годы продолжала деградировать, бесконечно перерабатывая все тот же материал без продвижения в понимании проблем образования и обучения; одним словом, не произошло ничего нового, и сам предмет уже «зачерствел» ... Даже гипотеза скрининга сегодня находится приблизительно там же, где была в 1975 г. Дальнейшие проверки ее выводов с помощью данных о тех, кто работает не по найму, или о занятости в государственном секторе против занятости в частном секторе оказались совершенно неубедительными»²⁰⁷.

Такой «отрицательный вердикт» М. Блауга представляется вполне правомерным. Ибо, по его словам, «эмпирическое содержание» концепции «человеческого капитала» по существу не изменилось, а теории как таковой сторонники этой концепции так и не смогли выработать. Постепенно «деградируя», она приходит в упадок, а потому перспективы ее дальнейшего «плодотворного» развития являются весьма сомнительными, что совершенно справедливо подчеркивает автор.

Завершая рассмотрение товарно-фетишистских представлений о капитале, остановимся на эклектической концепции капитала, выдвинутой французским экономистом Т. Пикетти. Наиболее обстоятельно она изложена в его солидной монографии «Капитал в XXI веке», вышедшей в свет в 2013 году²⁰⁸.

Резюмируя свои размышления о капитале, Т. Пикетти акцентирует свое внимание на следующих положениях.

Во-первых, в масштабе не только отдельного предприятия, но и страны в целом или даже всей планеты производство и доходы, получаемые от него, можно представить в виде суммы доходов с капитала и от трудовой деятельности. Именно поэтому национальный доход = доходы с капитала + трудовые доходы²⁰⁹.

Во-вторых, когда речь идет о капитале (без каких-либо дополнительных уточнений), то «из него всегда будет изыматься то, что экономисты часто – и, на наш взгляд, неверно – называют «человеческим капиталом», т. е. рабочая сила, навыки, образование, личные способности» (заметим, мимоходом, три последних компонента суть неотъемлемые атрибуты рабочей силы. – Н.С.). Поэтому в данной монографии «под капиталом понимается совокупность не человеческих активов, которыми можно владеть и которые можно обменивать на рынке. Капитал включает в себя всю совокупность недвижимого капитала (здания, дома), используемого

²⁰⁶ Там же. С. 334. Заметим, это «азбука» классической экономической теории, которую автор должен знать, будучи историком экономической мысли.

²⁰⁷ Там же. С. 333. 334, 335.

²⁰⁸ Заметим, публикация этой монографии получила широкую рекламу в зарубежной экономической литературе. В ней утверждается, что Т. Пикетти является «новой звездой мировой экономической науки», «рок-звездой экономики» и т. п. Более того, его имя ставится в один ряд с именем Маркса («современный Карл Маркс»). Как известно подобные (столь лестные) высказывания имели место и в прошлом (например, в отношении произведений австрийского экономиста О. Бем-Баверка), но, увы, они не выдерживали проверку временем. Это в полной мере относится и к данной монографии, которая в строго теоретическом отношении не представляет какой-либо научной ценности, поскольку ее автор никакой новой теории не выработал. Пожалуй, единственно достоинство рассматриваемой монографии состоит в том, что в ней предпринята попытка систематического обобщения весьма обширного статистического материала, касающегося проблемы несправедливого распределения богатства и в силу этого наличия бедности в различных странах.

²⁰⁹ См.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М., 2016. С. 60.

для жилья, и финансового и профессионального капитала (строения, оборудование, машины, патенты и т. д.), используемого предприятиями и управленческим аппаратом»²¹⁰.

В-третьих, не входя в состав вещного (физического) капитала, человеческий капитал вместе с тем есть просто капитал. Однако не он «объединяет все формы богатства, которыми априори могут обладать индивиды (или группы индивидов) и которые могут передаваться или обмениваться на рынке на постоянной основе. На практике капиталом могут владеть как частные лица (тогда речь идет о частном капитале), так и государство или государственные учреждения (тогда речь идет о государственном капитале). Существуют также промежуточные формы (виды. – *Н.С.*) коллективной собственности, которая принадлежит юридическим лицам, преследующим специфические цели (фонды, церкви и т. д.). ... Само собой разумеется, что граница между тем, что может и не может принадлежать частным лицам, сильно варьируется во времени и в пространстве, как это показывает в крайних формах пример рабства. То же касается воздуха, моря, гор, исторических монументов, знаний. Некоторые частные лица хотели бы ими владеть, мотивируя свои желания соображениями эффективности, а не только личным интересом. Но совсем не факт, что это соответствует интересам общественным. Капитал не является незыблемым понятием – он отражает уровень развития данного общества и характер сложившихся в нем отношений»²¹¹.

В-четвертых, термины «капитал» и «имущество» суть взаимозаменяемые понятия, т. е. полные синонимы. «Отсюда проистекает определение термина «капитал» в двух взаимосвязанных аспектах.

1. В том плане, что его употребление нужно ограничить различными видами (формами, по автору) имущества, созданными человеком (строения, машины, оборудование и т. д.) и исключить из него землю и иные природные ресурсы, которые человечество получило, не прилагая при этом никаких усилий. Но «с этой точки зрения земля является частью имущества, а не капитала. Сложность состоит в том, что не всегда можно отделить стоимость строений от стоимости земельного участка, на котором они возведены»²¹².

2. В том плане, что его можно применять только по отношению к тому имуществу, которое непосредственно используется в процессе производства. «Например, золото следует считать частью имущества, а не частью капитала, потому что золото служит лишь средством накопления. Однако и в этом случае нам кажется, что подобное исключение нежелательно, да и неверно: золото иногда используется как фактор производства, например, в ювелирном деле,

²¹⁰ Там же. С. 61. Поясняя свою мысль, автор далее пишет: «Есть множество причин, по которым мы исключаем человеческий капитал из нашего определения капитала. Наиболее очевидная из них состоит в том, что человеческим капиталом не может владеть другое лицо, им нельзя обмениваться на рынке. В этом заключается его кардинальное отличие от прочих форм (точнее, видов – *Н.С.*) капитала. Можно, конечно, одалживать свои услуги в соответствии с трудовым договором. Однако во всех современных юридических системах это можно делать только в течение ограниченного периода времени и на определенных условиях использования – за исключением, разумеется, рабовладельческих обществ, где разрешается полноправное обладание человеческим капиталом другого лица и даже его потомков. В таких обществах рабов можно продавать на рынке и передавать по наследству, а добавление стоимости рабов к прочим формам (точнее, видам. – *Н.С.*) имущества является обычным делом. Мы увидим это, когда будем исследовать структуру частного капитала на юге Соединенных Штатов до 1865 года. Однако помимо этих очень специфических и уже отживших примеров нет особого смысла в присовокуплении стоимости человеческого капитала к стоимости остального капитала. На всем протяжении истории эти две формы богатства имели фундаментальное и взаимодополняющее значение в процессе экономического роста и развития – так будет и в XXI веке. Однако, чтобы понять этот процесс и структуру неравенства, им порожаемого, необходимо их различать и рассматривать по отдельности». / Там же.

²¹¹ Там же. С. 61–62.

²¹² Там же. С. 62. «Как мы увидим ниже, – поясняет автор, – еще труднее отделить стоимость «девственных» земель (в том виде, в котором они были открыты человеком сотни или тысячи лет назад) от стоимости множества осуществленных человеком сельскохозяйственных улучшений – дренажа, орошения, оставления под паром и т. д. Та же проблема касается и природных ресурсов – нефти, газа, редкоземельных металлов и т. д., чью стоимость часто трудно отделить от стоимости инвестиций, благодаря которым стало возможным обнаружение месторождений и их эксплуатация. Поэтому все эти формы (виды. – *Н.С.*) богатства мы включим в понятие капитала; разумеется, это не избавит нас от необходимости подробно исследовать истоки имущества и особенно границы между тем, что создается путем накопления, и тем, что создается путем присвоения.» / Там же.

в электронике или в нанотехнологиях. Все формы (виды. – *Н.С.*) капитала всегда выполняют важную роль: с одной стороны, они являются средством накопления; с другой – фактором производства. Поэтому мы решили, что будет проще не проводить строгого различия между понятиями имущества и капитала»²¹³.

Исходя из вышеизложенного, автор делает вывод, согласно которому под национальным имуществом, или национальным капиталом, следует понимать выраженную в рыночных ценах общую стоимость всего того, чем обладают жители и правительство данной страны в данный момент времени и в силу этого то, что можно обменять на рынке. Речь, таким образом, здесь идет о сумме нефинансовых активов (жилья, земельных участков, движимого имущества, строений, машин, оборудования, патентов и других профессиональных активов, находящихся в непосредственном владении) и финансовых активов (банковских счетов, сбережений, облигаций, акций и других видов долевого участия в компаниях, различных инвестиций, договоров о страховании жизни, пенсионных фондов и т. д.), из которой вычтены финансовые пассивы (т. е. все долги). Поэтому «если мы ограничимся активами и пассивами, которыми обладают частные лица, то получим частное имущество, или частный капитал. Если мы будем рассматривать активы и пассивы, которыми владеет государство и различные государственные органы (местного самоуправления, социального обеспечения и т. д.), то получим государственное имущество, или государственный капитал. По определению национальное имущество представляет собой сумму этих двух понятий: национальное имущество = частное имущество + государственное имущество.

В настоящее время в большинстве развитых стран государственное имущество очень невелико (а то и вовсе измеряется отрицательными величинами, когда государственные долги превышают государственные активы), а частное имущество, как мы увидим, повсюду представляет собой основную часть национального имущества. Но так было не всегда, поэтому эти два понятия нужно различать»²¹⁴.

Уточняя исходный тезис своей концепции, Т. Пикетти подчеркивает, что используемое в ней понятие капитала исключает человеческий капитал (ибо он не может обмениваться на рынке, по крайней мере, в нерабовладельческих обществах), тем не менее оно охватывает не только физический капитал (т. е. земельные участки, строения, оборудование и другие материальные предметы), но и нематериальный капитал, например, в виде патентов и других прав интеллектуальной собственности, которые учитываются двояким образом: 1) как нефинансовые активы (в том случае, если индивиды непосредственно владеют патентами); 2) как финансовые активы (в том случае, если частные лица владеют акциями компаний, обладающих патентами), – второй вариант встречается гораздо чаще. «В целом многие формы (виды. – *Н.С.*) нематериального капитала учитываются посредством биржевой капитализации компаний. Например, рыночная стоимость компании часто зависит от ее репутации и от имиджа ее брендов, от ее систем информации и методов организации, от материальных и нематериальных инвестиций, осуществляемых для повышения привлекательности ее продуктов и услуг, от

²¹³ Там же. «В то же время нам кажется не вполне обоснованным исключать из определения капитала жилую недвижимость на том основании, что это недвижимое имущество «непроизводительно», в отличие от «производительного капитала», используемого предприятиями и управленческим аппаратом, как то: зданий, предназначенных для профессионального использования, служебных помещений, машин, оборудования и т. д. На самом деле все эти формы (виды. – *Н.С.*) имущества полезны и производительны и соответствуют двум основным экономическим функциям. Если забыть на мгновение о его роли как средства сбережения, то капитал полезен, с одной стороны, для проживания (т. е. для производства «жилищных услуг», чья стоимость измеряется наемной стоимостью жилья), а с другой стороны, как фактор производства для предприятий и управленческого аппарата, производящих другие товары и услуги (и нуждающихся в строениях, служебных помещениях, машинах, оборудовании и прочем для их производства). Ниже мы увидим, что в начале XXI века на каждую из этих двух основных функций приходится приблизительно по половине объема капитала развитых стран.» / Там же. С. 62–63.

²¹⁴ Там же. С. 63–64.

расходов на исследования и развитие и т. д. Все это учитывается в цене акций и других формах участия в капитале компаний, а значит, и в стоимости национального имущества»²¹⁵.

В этой связи автор внес второе уточнение, согласно которому в каждой стране национальное имущество может разделяться на внутренний и иностранный капитал, т. е. национальное имущество = национальный капитал = внутренний капитал + чистый иностранный капитал. При этом «внутренний капитал выражает стоимость объема капитала (недвижимость, предприятия и т. д.), размещенного на территории данной страны. Чистый иностранный капитал – или чистые иностранные активы – выражает имущественное положение страны по отношению к остальному миру, т. е. разницу между активами, которыми владеют жители страны в остальном мире, и активами, которыми остальной мир владеет в данной стране»²¹⁶.

Мы сознательно изложили столь подробным образом ключевые положения рассматриваемой концепции, чтобы читатель мог убедиться в том, что в теоретическом отношении она, действительно, никакой эвристической ценности не представляет, а потому ее автор вряд ли может именоваться «новой звездой мировой экономической науки» и уж тем более «современным Карлом Марксом», о чем вещают зарубежные экономисты, некоторые из которых являются лауреатами Нобелевской премии по экономике. Главный недостаток этой концепции заключается в том, что она базируется на вульгарной методологии описательного эмпиризма (с вкраплением отдельных элементов современного макроанализа), восходящей к одному из основоположников неклассического направления политической экономии – французскому экономисту Ж.Б. Сэю. Именно в соответствии с этой методологией дается эклектическая трактовка капитала, суть которой предопределяется, в свою очередь, тремя главными критериями.

Первый критерий: разграничение материального (вещественного) и нематериального (невещественного) состава капитала. Не определяя сущность последнего (в строго категориальном аспекте) автор, во-первых, исключает из этого состава человеческий капитал, который, однако, называется просто капиталом и под которым понимается рабочая сила, т. е. совокупность физических и умственных способностей человека; во-вторых, относит к физическому капиталу различные материальные активы (земельные участки, строения, машины, оборудование и т. п.), а к нематериальному капиталу различного рода финансовые активы (акции, облигации, патенты и т. п.), игнорируя тем самым социальную природу капитала как исторически определенного общественного явления.

Второй критерий: характер принадлежности определенных видов богатства тем или иным субъектам (исключительно в юридическом смысле). Сообразно этому различаются частный и государственный капитал. Хотя при этом автор справедливо подчеркивает, что сам по себе капитал не есть незыблемое понятие, поскольку оно отражает достигнутый уровень развития данного общества и характер сложившихся в нем отношений, тем не менее этот послед-

²¹⁵ Там же. С. 64. «Конечно, – поясняет в этой связи автор, – в той цене, которую финансовые рынки определяют в данный момент для материального капитала отдельной компании или целой отрасли, есть большая доля произвольности и неточности, – это подтверждают и пузырь интернет-компаний, лопнувший в 2000 году, и продолжающийся по сей день финансовый кризис, разразившийся в 2007–2008 годах, и в целом огромная волатильность, царящая на биржах. Однако уже сейчас важно понимать, что эта характеристика относится к капиталу в целом, а не только к его нематериальным формам (видам. – Н.С.). Идет ли речь о здании или о предприятии, о промышленной компании или о фирме, представляющей услуги, – цену капитала всегда очень трудно определить. И тем не менее, мы увидим, что в общем и целом национальное имущество в масштабах отдельной страны, а не на уровне того или иного актива, следует определенному набору правил и закономерностей.» / Там же.

²¹⁶ Там же. С. 64–65. Так, например, накануне Первой мировой войны Великобритания и Франция располагали значительными чистыми иностранными активами в остальном мире. Мы увидим, что одна из черт финансовой глобализации, начавшейся в 1980 – 1990-е годы, заключается в том, что многие страны могут иметь чистое имущественное положение, близкое к равновесию, но при этом их валовые имущественные показатели очень высоки. Иными словами, игра взаимного финансового участия между компаниями приводит к тому, что каждая страна владеет значительной частью капитала других стран, но в то же время чистые позиции между странами не очень велики. Разумеется, в мировом масштабе все чистые позиции уравниваются, вследствие чего мировое имущество сводится ко внутреннему капиталу всей планеты». / Там же С. 65.

ний аспект опять-таки игнорируется в указанных дефинициях, что, впрочем, всецело соответствует используемой при этом методологии.

Третий критерий: капитал и имущество суть взаимозаменяемые понятия, полные синонимы. Опираясь на такое вульгарно-фетишистское представление о капитале, автор прилагает неимоверные усилия для того, чтобы определить, какие предметы входят в состав капитала, а какие – в состав имущества (заметим, мимоходом, деление капитала на основной и оборотный остается вне поля зрения автора). Подобного рода трудности неизбежно возникают в том случае, когда натурально-вещественная форма капитала отождествляется с его стоимостной формой, что характерно для авторской концепции.

Подведем краткие итоги. Анализ вышеуказанных концепций показал, что, базируясь на товарно-фетишистских представлениях о капитале, они имеют три главных недостатка, которые свидетельствуют о научной несостоятельности этих концепций.

В них, во-первых, капитал рассматривается как внеисторическое (зачастую, вечное) явление, имманентное всем ступеням развития экономики и общества; во-вторых, капитал отождествляется с деньгами, со средствами производства, с естественными и приобретенными способностями человека, с материальными и нематериальными активами; в-третьих, игнорируется социальная природа капитала, его общественная форма.

Все эти недостатки были устранены в рамках второго направления исследования капитала, где он трактуется, с одной стороны, как историческое явление, присущее определенной ступени социально-экономического развития; с другой стороны, как общественно-производственное отношение, складывающееся между капиталистом и наемным рабочим. Это направление связано с учением К. Маркса, выработавшим социально-экономическую теорию капитала. К более подробному ее рассмотрению мы и переходим.

Глава 5

Социально-экономическая теория капитала к. Маркса

§ 1. Формирование марксистской теории капитала

Впервые проблема капитала была поставлена К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Как известно, они образуют исходный пункт становления марксистской политической экономии.

В этих рукописях представлены обширные выписки, сделанные К. Марксом из заинтересовавших его работ известных экономистов: Ж.Б. Сэя, Ф. Скарбека, А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Милля, Д. Мак-Куллоха и др. Тщательно отбирая и группируя собранный материал, К. Маркс уделил особое внимание анализу трех источников доходов, в том числе и прибыли на капитал.

Стремясь, прежде всего, осмыслить сущность капитала, К. Маркс указывал на связь последнего с частной собственностью. Отсюда вопрос: «На чем зиждется *капитал*, т. е. частная собственность на продукты чужого труда?»²¹⁷

Поскольку К. Маркс только приступил к изучению политической экономии и в силу этого не имел еще четкого ответа на данный вопрос, он обратился к своим предшественникам. По мнению Ж.Б. Сэя, «если даже капитал не восходит к грабежу или мошенничеству, то все же необходима помощь законодательства, чтобы освятить наследование»²¹⁸.

В этой связи возникают, в свою очередь, другие вопросы. «Как человек становится собственником производительных фондов? Как он становится собственником продуктов, про-

²¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Из ранних произведений. М., 1956. С. 534.

²¹⁸ Там же.

изводимых с помощью этих фондов?» Согласно Ж.Б. Сэю, «на основании *положительного права*»²¹⁹.

Но «что приобретают люди вместе с капиталом, например, с наследованием крупного состояния?» Ответ А. Смита: «Человек, наследующий крупное состояние, непосредственно не приобретает тем самым политической власти. Та сила, которая непосредственно и прямо переходит к нему с этим владением, есть *сила покупательная*, право распоряжаться всем трудом других или всем продуктом их труда, имеющимся в данное время на рынке»²²⁰.

«Итак, – подчеркивал К. Маркс, – капитал есть *командная власть* над трудом и его продуктами. Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как *собственник* капитала. Его сила есть *покупательная* сила его капитала, против которой ничто не может устоять.»²²¹

Но «что такое капитал?» По А. Смигу, это «определенное количество *накопленного* и отложенного про запас *труда*», т. е. резюмировал К. Маркс, «капитал есть *накопленный труд*»²²².

Однако капитал есть не всякий накопленный труд, а прежде всего накопленный *чужой* труд. Это прошлый, овеществленный труд, который представляет собой *производительный фонд*, т. е. «любое накопление продуктов земли и промышленного труда». Такой фонд становится *капиталом* только в том случае, когда «он приносит своему владельцу доход, или прибыль»²²³.

Отсюда вытекает *противоположность* между капиталом и трудом, капиталистом и рабочим. Ибо «в лице рабочего субъективно существует то, что капитал есть полностью потерявший себя человек, подобно тому, как в лице капитала объективно существует то, что труд есть человек, потерявший самого себя»²²⁴.

Но эта противоположность между ними предполагает одновременно их единство, поскольку они не могут существовать друг без друга. «Рабочий производит капитал, капитал производит рабочего, следовательно, рабочий производит самого себя, и продуктом всего этого движения является человек как *рабочий*, как *товар*»²²⁵.

В основе подобной взаимосвязи между рабочим и капиталистом лежит «отношение частной собственности», которое «содержит в себе в скрытом виде отношение частной собственности как *труда* и ее отношение как *капитала*, а также обоюдное *взаимоотношение* того и другого»²²⁶.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. С. 573.

²²⁵ Там же. «Человек есть уже только *рабочий*, и в качестве рабочего он обладает лишь теми человеческими свойствами, которые нужны *чужому* для него капиталу. А так как капитал и рабочий друг другу чужды и потому находятся в безразличных, внешних и случайных взаимоотношениях, то эта отчужденность должна выступать также и *реально*. Поэтому, как только капиталу вздумается – в силу необходимости или произвола – перестать существовать для рабочего, сам рабочий перестает существовать для себя: у него *нет* работы, а потому *нет* и заработной платы, и так как он обладает существованием не как человек, а как *рабочий*, то его преспокойно можно похоронить, дать ему умереть с голоду и т. д. Рабочий только тогда существует как рабочий, когда он является *для себя* капиталом, и он только тогда является капиталом, когда *для него* имеется налицо какой-нибудь *капитал*. Существование капитала есть *его* существование, его *жизнь*, подобно тому, как оно определяет содержание его жизни безразличным для него способом. Поэтому политическая экономия не знает незнающего рабочего, не знает человека труда, поскольку он оказывается вне этой сферы трудовых отношений.» / Там же.

²²⁶ Там же. С. 575. «С одной стороны – производство человеческой деятельности как *труда*, т. е. деятельности, совершенно чуждой себе, совершенно чуждой человеку и природе и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, *абстрактное* существование человека как исключительно лишь *человека труда*, который в силу этого ежедневно может быть низвергнут из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и, потому действительное небытие. С другой стороны – производство предмета человеческой деятельности как *капитала*, где *изгладилась* всякая природная

Это взаимоотношение между трудом и капиталом «таково:

Во-первых, – непосредственное или опосредованное единство обоих.

Вначале капитал и труд еще объединены; затем они хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как *положительные условия*.

[Во-вторых] – противоположность обоих по отношению друг к другу: они исключают друг друга; рабочий видит в капиталисте (и обратно) свое собственное небытие; каждый из них стремится отнять у другого его существование.

[В-третьих] – противоположность каждого по отношению к самому себе. Капитал=накопленному труду=труду. В качестве такового он распадается на *самого себя* и на свои *проценты*, а последние, в свою очередь, распадаются на *проценты* и прибыль ...

Труд распадается на *самого себя* и *заработную плату*. Сам рабочий есть капитал, товар. *Враждебная взаимная противоположность*»²²⁷.

Сказанное свидетельствует о том, что в рассматриваемых рукописях капитал трактовался К. Марксом в двух взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, он опирался на теоретические представления о капитале, содержащиеся в работах А. Смита и Ж.Б. Сэя. С другой стороны, используя философскую терминологию, он акцентировал свое внимание на социальной природе капитала, стремясь осмыслить взаимосвязь последнего с трудом, их противоположность, которая возникает на основе частной собственности и в этом контексте неизбежность ее гибели (заметим, при этом автор ошибочно считал, что товаром является не рабочая сила, а рабочий, который противостоит капиталисту).

Важным этапом на пути формирования теории капитала К. Маркса были лекции, прочитанные им в Немецком рабочем обществе в 1847 г. в Брюсселе, опубликованные два года спустя под названием «Наемный труд и капитал». Здесь впервые дано определение капитала как исторической и социально-экономической категории.

В качестве отправного пункта такого определения капитала выступает выдвинутое К. Марксом положение, согласно которому *экономические отношения* составляют «материальную основу современной классовой и национальной борьбы»²²⁸. Именно на этих отношениях «основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих»²²⁹.

Переходя к анализу капитала, К. Маркс указывал на две главные ошибки буржуазных экономистов. Они, во-первых, абсолютизировали материально-вещественное содержание капитала. Последний, по их мнению, «состоит из сырья, орудий труда и разного рода жизненных средств, которые употребляются на производство нового сырья, новых орудий труда и новых жизненных средств. Все эти составные части капитала представляют собой произведения труда, продукты труда, *накопленный труд*. Накопленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал»²³⁰.

Во-вторых, игнорировали социальную природу капитала, его общественную форму. «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится *рабом*. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она

и общественная определенность предмета и где частная собственность утратила свои природные и общественные качества (стало быть, утратила все политические и социальные иллюзии и не переплетается ни с какими хотя бы *с виду* человеческими отношениями): *один и тот же* капитал в самых разнообразных формах природного и общественного существования остается *одним и тем же*, совершенно безразличным к своему *действительному* содержанию Эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения частной собственности.» / Там же.

²²⁷ Там же. С. 579–580.

²²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 428.

²²⁹ Там же. С. 429.

²³⁰ Там же. С. 441.

становится *капиталом*. Выхваченная из этих отношений, она также не является капиталом, как *золото* само по себе не является *деньгами* или сахар – *ценой сахара*»²³¹.

Поэтому капитал есть прежде всего «общественное производственное отношение. *Это – буржуазное производственное отношение*, производственное отношение буржуазного общества. Жизненные средства, орудия труда, сырье из которых состоит капитал, – разве все это не произведено и накоплено не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются для нового производства не при данных общественных условиях, не в рамках определенных общественных отношений? И разве не этот именно определенный общественный характер превращает продукты, служащие для нового производства, в *капитал*?»²³².

Таким образом, по К. Марксу, средства производства (орудия труда, сырье) и жизненные средства сами по себе капиталом не являются. Они становятся капиталом лишь в исторически определенных общественных условиях, в рамках исторически определенных общественных отношений. Именно только эти условия и эти отношения превращают продукты, предназначенные для нового производства, в капитал. Однако «капитал состоит не только из жизненных средств, орудий труда и сырья, не только из материальных продуктов; он состоит вместе с тем из *меновых стоимостей*. Все продукты, из которых он состоит, представляют собой *товары*. Следовательно, капитал есть не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, *общественных величин*»²³³.

Как видим, указывая на внешнюю сторону существования капитала в буржуазном обществе, К. Маркс определял его как совокупность товаров – продуктов и меновых стоимостей (заметим, такое определение свидетельствует о том, что автор еще четко не выделял два фактора товара: потребительную стоимость и стоимость). Первые характеризуют материальную сторону капитала, вторые – общественную, поскольку они измеряют величину самого капитала. Поэтому независимо от того, какой продукт выступает в качестве капитала (орудие производства или жизненное средство), величина последнего будет измеряться не натуральным содержанием этого продукта, а его меновой стоимостью²³⁴.

При этом надо иметь в виду, что «если всякий капитал есть сумма товаров, т. е. меновых стоимостей, то далеко не всякая сумма товаров, меновых стоимостей, есть капитал»²³⁵.

Эта сумма товаров, меновых стоимостей становится капиталом не благодаря тому, что производимые продукты могут обмениваться друг на друга как товары. «Она становится капиталом благодаря тому, что она, как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества*, сохраняется и умножается *путем обмена на непосредственный, живой труд (на непосредственную, живую рабочую силу)*. – Ред.»²³⁶. Существование класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеществленного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

²³¹ Там же.

²³² Там же. С. 442.

²³³ Там же.

²³⁴ «Возьмем ли мы вместо шерсти – хлопок, вместо хлопка – рис, вместо железных дорог – пароходы, капитал останется тем же капиталом, если только хлопок, рис, пароходы – плоть капитала – имеют ту же меновую стоимость, ту же цену, что шерсть, хлеб, железные дороги, в которых он воплощался прежде. Плоть капитала может постоянно меняться, не вызывая ни малейшего изменения капитала.» / Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. С. 443. Заметим, в этих лекциях К. Маркс полагал, что рабочий продает, а капиталист покупает не рабочую силу, а труд. Это ошибочное положение было преодолено, по словам Ф. Энгельса, в работах, написанных К. Марксом после 1859 г. Именно Ф. Энгельс внес необходимое изменение в первоначальный текст данного произведения в 1891 г. Поэтому здесь и далее в скобках указывается такое изменение, т. е. вместо понятия «труд» употребляется понятие «рабочая сила»

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости»²³⁷.

В этих высказываниях К. Маркса содержатся два чрезвычайно важных положения.

Во-первых, капитал как самостоятельная общественная сила воспроизводится (сохраняется и умножается, по терминологии автора) лишь посредством взаимодействия (обмена, по терминологии автора) с непосредственной, живой рабочей силой, т. е. способностью к труду, которая является необходимой предпосылкой существования капитала.

Во-вторых, в буржуазном обществе накопленный, прошлый, овеществленный труд превращается в капитал благодаря господству этого труда над непосредственным, живым трудом. При этом именно последний служит средством сохранения капитала, т. е. увеличения его меновой стоимости.

Возникает вопрос: что же происходит в процессе обмена между капиталом и наемным трудом?

Ответ К. Маркса гласит: «В обмене на свой труд (рабочую силу. – Ред.) рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и *придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде* (курсив наш – Н.С.). Рабочий получает от капиталиста часть имеющихся налицо жизненных средств. Для чего служат ему эти жизненные средства? Для непосредственного потребления»²³⁸.

Далее, на конкретном примере, К. Маркс раскрывает, по существу, эксплуататорскую природу отношения, складывающегося между фермером и поденщиком. Первый выплачивает второму 5 зильбергрошей в день. Однако поденщик, трудясь в течение дня на поле, обеспечивает фермеру доход в 10 зильбергрошей. Последний не только получает возмещение тех стоимостей, которые он дает поденщику, но и удваивает их. Израсходованные им 5 зильбергрошей, переданных поденщику, он применил, потребил, стало быть, довольно плодотворным, производительным образом. Иными словами, на эти 5 зильбергрошей фермер купил рабочую силу поденщика, который производит сельскохозяйственные продукты двойной стоимости, превращая тем самым 5 зильбергрошей в 10. В свою очередь поденщик, уступивший свою рабочую силу фермеру, получает за ее производительное потребление 5 зильбергрошей, которые он обменивает на жизненные средства. Последние употребляются им непроизводительно быстро или медленно. «Следовательно, эти 5 зильбергрошей потреблены двояким образом: *производительно* для капитала, так как он обменял их на рабочую силу, которая доставила 10 зильбергрошей, и *непроизводительно* для рабочего, так как он обменял их на жизненные средства, которые навсегда исчезли и стоимость которых он может снова получить лишь при том условии, если повторит тот же самый обмен с фермером. *Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга*»²³⁹.

²³⁷ Там же. С. 443.

²³⁸ Там же. С. 443–444. «Но раз я потребил данные жизненные средства, они для меня безвозвратно потеряны, если только временем, в продолжение которого эти средства поддерживали мою жизнь, я не воспользовался для того, чтобы произвести новые жизненные средства и за время потребления при помощи своего труда создать новые стоимости в возмещение стоимостей, исчезнувших в результате потребления. Но как раз эту-то благородную, воспроизводящую силу рабочий и уступает капиталу в обмен на полученные жизненные средства. Следовательно, для него самого она потеряна.» / Там же. С. 444. Нужно, однако отметить, что в действительности рабочий не обменивает непосредственно свою рабочую силу на жизненные средства, а продает ее на определенный срок, в форме временного найма на работу капиталисту. Последний выплачивает ему заработную плату за производительное потребление этой рабочей силы. Получив заработную плату, рабочий приобретает нужные ему жизненные средства. Этот вывод будет обоснован автором ниже.

²³⁹ Там же. С. 444.

Подчеркивая эту противоположность, К. Маркс поставил очередной вопрос: что, например, производит рабочий на хлопчатобумажной фабрике, только ли хлопчатобумажные ткани? Отнюдь нет, рабочий производит прежде всего *капитал*, т. е. «стоимости, которые снова служат для того, чтобы господствовать над его трудом и посредством последнего создавать новые стоимости».

Капитал может увеличиваться, лишь обменивая на труд (рабочую силу. – Ред.), лишь вызывая к жизни наемный труд. Наемный труд (рабочая сила наемного рабочего. – Ред.) может обмениваться на капитал лишь при том условии, если он (она. – Ред.) увеличивает капитал, усиливает ту самую власть, рабом которой он (она. – Ред.) является. *Поэтому увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса*»²⁴⁰.

Отсюда видно, К. Маркс вплотную подошел к пониманию *капитала как самовозрастающей стоимости*. Ее источником служит труд наемного рабочего. Последний «обменивает этот труд (рабочую силу. – Ред.) на капитал». Именно на этой основе воспроизводятся условия существования двух классов буржуазного общества. Причем по мере увеличения капитала увеличивается и пролетариат, т. е. рабочий класс.

Однако интересы этих классов отнюдь *не одни и те же*, хотя буржуазные экономисты утверждают обратное. Дело в том, что рабочий непосредственно зависит от капиталиста. Если последний не дает рабочему определенную работу, то он погибает. Но и капиталист погибает, если он не эксплуатирует рабочую силу. А чтобы эксплуатировать эту рабочую силу, он должен ее купить. Поэтому «чем быстрее увеличивается предназначенный для производства капитал, производительный капитал, тем больше, следовательно, процветает промышленность, чем больше обогащается буржуазия, тем лучше идут дела, – тем больше рабочих требуется капиталисту, тем дороже продает себя рабочий».

Выходит, что неперменным условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является *возможно более быстрый рост производительного капитала*»²⁴¹.

Но что означает такой рост производительного капитала? Прежде всего, «это – рост власти накопленного труда над живым трудом. Это – рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства занятости [Beschäftigungsmittel], т. е. средства к жизни, под тем условием, что он снова сделается частью капитала, рычагом, снова бросающим капитал в ускоренное движение роста».

Утверждение, что интересы капитала и интересы труда (рабочих. – Ред.) одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд – это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот.

Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая сущность интересов рабочего и капиталиста»²⁴².

Вышеизложенное свидетельствует о том, что даже в данном произведении К. Маркс преодолел товарно-фетишистское представление о капитале, которое безраздельно господствовало в буржуазной политической экономии (заметим, даже Д. Рикардо занимал противоречивую позицию по данному вопросу, поскольку наряду с социальным подходом к трактовке капитала, он одновременно придерживался и вещной концепции капитала, восходящей к А. Смиту). Как известно, не только классики, но и неклассики отождествляли капитал со средствами производства (а их предшественники – меркантилисты – с деньгами).

²⁴⁰ Там же. С. 445.

²⁴¹ Там же. С. 445.

²⁴² Там же.

В противоположность этому представлению К. Маркс трактовал капитал не как монетарное явление, не как вещь, употребляемую для нового производства, а как общественно-производственное отношение, складывающееся между капиталистом и наемным рабочим. Именно такая трактовка капитала получила всестороннее научное обоснование в более зрелых работах К. Маркса, в том числе, разумеется, в его фундаментальном труде – «Капитале».

Так, в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», критикуя буржуазных экономистов, К. Маркс отмечал, что «капитал есть, между прочим, также и орудие производства, также и прошлый, объективированный труд. Стало быть [закljučают современные экономисты], капитал есть всеобщее, вечное, естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает «орудие производства», «накопленный труд» капиталом»²⁴³.

Характеризуя это специфическое отношение, К. Маркс дал свое знаменитое, классическое определение капитала в третьем томе «Капитала» (в седьмом отделе, посвященном анализу доходов и их источников) «... Капитал – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал, – пояснял далее автор, – это не просто сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал – это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе – деньгами»²⁴⁴.

Будучи исторически определенным общественно-производственным отношением, «капитал – это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества». Поэтому «он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности»²⁴⁵ (не случайно автор назвал свой главный труд «Капиталом»).

На поверхности буржуазного общества эта «господствующая над всем экономическая сила» выступает прежде всего в денежной форме. Ибо движение всякого капитала начинается с определенной суммы денег, посредством которых осуществляется товарное обращение. Анализ последнего позволяет выяснить, как деньги превращаются в капитал. В этой связи К. Маркс рассматривает три основных вопроса.

§ 2. Превращение денег в капитал. Всеобщая формула капитала

Переходя к ее анализу, К. Маркс отмечал, что «товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля (рынок. – Н.С.). Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»²⁴⁶.

По словам К. Маркса, если отвлечься от существенного содержания товарного обращения, процесс обмена различных потребительных стоимостей, и рассматривать лишь экономические формы этого процесса, то можно обнаружить двуединую закономерность. Во-первых, деньги представляют собой последний продукт товарного обращения. Во-вторых, деньги вместе с тем выступают в качестве первой формы проявления капитала.

Именно эта закономерность характеризует переход от простого товарного обращения к капиталистическому. Согласно К. Марксу, в данном случае логическая и историческая последовательность категорий совпадают²⁴⁷. Имея в виду это обстоятельство, он подчеркивал, что

²⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 21.

²⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 380–381.

²⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 733.

²⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 157.

²⁴⁷ Суть данного вопроса К. Маркс пояснял в письме к Ф. Энгельсу (от 2 апреля 1858 г.) следующим образом: «В деньгах,

«исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал». Поэтому «нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрывается на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, – денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал»²⁴⁸.

В этой связи К. Маркс выделил две различные формы денег: 1) деньги как деньги и 2) деньги как капитал. Первые имманентны простому товарному обращению, вторые, соответственно, – капиталистическому.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этих форм денег, нужно, судя по тексту второго отдела первого тома «Капитала», указать на следующие методологические предпосылки, из которых исходил автор (заметим, кстати, они присущи не только данному отделу, но и первому, и второму томам этого произведения в целом).

1. Продажа товаров по стоимости. Это означает, что К. Маркс абстрагировался от колебаний рыночных цен, которые отклоняются от стоимости обращающихся товаров.

2. Опираясь на это предположение, К. Маркс пояснял суть рассматриваемых вопросов посредством конкретных иллюстраций (примеров), в рамках которых величина стоимости данных товаров выражается не в часах рабочего времени, затраченного на их производство, а в денежных единицах.

3. Эта методологическая предпосылка обусловлена тем, что, как установил К. Маркс, стоимость обычных товаров не может быть выражена непосредственно в часах рабочего времени. Напротив, она выражается опосредованным образом, т. е. через потребительную стоимость особого товара – денег, с помощью которых измеряется величина стоимости этих товаров.

4. При этом предполагается, что 1 час общественно необходимого рабочего времени выражается в 1 денежной единице, в данном случае, в 1 фунте стерлингов.

Именно эти предпосылки лежат в основе Марксова анализа двух выделенных им форм денег. По его мнению, они «сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения»²⁴⁹.

Первая, или непосредственная, форма товарного обращения осуществляется по формуле $T - D - T$. Она включает в себя две противоположные фазы: $T - D$, т. е. превращение товара в деньги и $D - T$, т. е. обратное превращение денег в товар, характеризуя продажу ради купли.

Напротив, вторая форма товарного обращения осуществляется, естественно, по другой формуле, а именно $D - T - D$. Как и первая, она также включает в себя две противоположные фазы: $D - T$, т. е. превращение денег в товар и $T - D$, т. е. обратное превращение товара в деньги, характеризуя куплю ради продажи. В этой последней фазе деньги «превращаются в капитал, становятся капиталом и уже по своему назначению представляют собой капитал»²⁵⁰.

Рассмотрим повнимательнее формулу $D - T - D$. В ней единство двух противоположных фаз (купли и продажи) «составляет совокупное движение, в котором деньги обмениваются на товар и потом этот самый товар обменивается опять на деньги, товар покупается ради продажи,

как показывает развитие их определений, заложено требование существования стоимости, вступающей в обращение, сохраняющейся в нем и в то же время предполагающей само это обращение, то есть – существования *капитала*. Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действительного капитала из денег или купеческого капитала, овладевающего производством». / Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 259. И в другом месте: «В ходе исторического развития обнаруживается, как само обращение приводит к буржуазному, т. е. полагающему меновые стоимости, производству и создает себе базис, отличный от того, из которого это обращение непосредственно исходило». / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 462–463.

²⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 157.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же. С. 158.

или, если оставить в стороне формальные различия между куплей и продажей, на деньги покупается товар и на товар – деньги. Результат, в котором угасает весь процесс, есть обмен денег на деньги, $D - D$ ²⁵¹. Например, если некий индивид на 100 ф. ст. покупает 2 000 ф. хлопка и снова продает эти 2 000 ф. хлопка за 110 ф. ст., то в конечном счете он обменял 100 ф. ст. на 110 ф. ст., т. е. деньги на деньги, точнее, меньшую сумму денег на большую.

Здесь очевидно, прежде всего, что процесс обращения $D - T - D$ был бы по своей сути нелепым и бессодержательным, если бы он сводился, в конечном счете, к обмену данной денежной стоимости на ту же самую денежную стоимость, например, 100 ф. ст. на 100 ф. ст. В этом случае проще и надежнее прибегнуть к методу собирателя сокровищ, который хранит у себя свои 100 ф. ст., вместо того, чтобы подвергать их опасностям обращения, связанными с определенными рисками. Иначе обстоит дело, когда купец продает приобретенный им за 100 ф. ст. хлопок. В этом случае независимо от того, выручает ли он при этом 110 ф. ст., или 100 ф. ст., или даже 50 ф. ст., его деньги совершают своеобразный и оригинальный путь, совершенно отличный от простого товарного обращения, когда, например, крестьянин продает свой хлеб для того, чтобы на вырученные деньги купить себе одежду. Отсюда вытекает «формальное различие между кругооборотами $D - T - D$ и $T - D - T$. Вместе с тем обнаруживается и различие по существу, скрывающееся за этими формальными различиями»²⁵².

Но сначала нужно выяснить, что общего в обеих этих формах кругооборота.

Оба кругооборота распадаются на одни и те же, но противоположные фазы: $T - D$ (продажа) и $D - T$ (купля). В каждой из этих фаз противостоят друг другу одни и те же два вещных элемента – товар и деньги, а также два одинаковых субъекта, олицетворяющих покупателя и продавца. При этом «каждый из обоих кругооборотов представляет собой единство одних и тех же противоположных фаз, и оба раза это единство осуществляется при посредстве трех контрагентов, из которых один только продает, другой только покупает, а третий попеременно покупает и продает»²⁵³.

Однако кругообороты $T - D - T$ и $D - T - D$ имеют не только общие черты, но и существенные различия.

Во-первых, в этих кругооборотах осуществляется обратная последовательность одних и тех же противоположных фаз обращения. Если простое товарное обращение начинается продажей и заканчивается куплей, то обращение денег как капитала начинается куплей и заканчивается продажей.

Во-вторых, если в первой форме обращения товар образует исходный и заключительный пункт движения, то во второй форме обращения, наоборот, – деньги.

В-третьих, роль посредника в первой форме обращения играют деньги, во второй форме обращения – товар.

В-четвертых, в обращении $T - D - T$ деньги превращаются в товар, который служит потребительной стоимостью. Они затрачиваются окончательно и не возвращаются к их владельцу. Напротив, в обращении $D - T - D$ покупатель затрачивает деньги для того, чтобы получить деньги в качестве продавца. Здесь деньги возвращаются к их владельцу, они не расходуются окончательно, а лишь авансируются.

В-пятых, в обращении $T - D - T$ всякий раз продается новый товар. Напротив, в обращении $D - T - D$ деньги извлекаются путем продажи одного и того же товара.

В-шестых, в обращении $T - D - T$ одни и те же деньги дважды меняют свое место. Продавец получает их от покупателя ($T - D$) и уплачивает их другому продавцу ($D - T$). В целом этот процесс начинается с получения денег за товар и заканчивается отдачей денег за новый

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С. 159.

товар. Этот процесс протекает в обратной форме в $D - T - D$. Здесь не одни и те же деньги, а наоборот, один и тот же товар два раза меняет свое место. Покупатель получает его из рук продавца ($D - T$) и снова передает его в руки другого покупателя ($T - D$). «Как в простом товарном обращении двукратное перемещение одних и тех же товаров вызывает их окончательный переход из одних рук в другие, так и здесь двукратная перемена места одним и тем же товаром приводит деньги обратно к их исходному пункту.

Обратный приток денег к их исходному пункту не зависит от того, продается ли товар дороже, чем он был куплен, или нет. Это обстоятельство влияет лишь на величину притекающей обратно денежной суммы. Самое явление обратного притока имеет место, поскольку купленный товар снова продается, т. е. поскольку описывается полностью кругооборотом $D - T - D$. Следовательно, здесь мы находим чувственно воспринимаемую разницу между обращением денег как капитала и их обращением просто как денег»²⁵⁴.

В-седьмых, кругооборот $T - D - T$ завершен, как только на деньги, вырученные от продажи одного товара, уплачены посредством купли другого товара. Обратный приток денег к исходному пункту здесь становится возможным лишь благодаря возобновлению или повторению всего этого процесса²⁵⁵. Напротив, в кругообороте $D - T - D$ обратный приток денег обусловливается самим характером их затраты, авансированием²⁵⁶.

В-восьмых, в качестве исходного пункта кругооборота $T - D - T$ выступает один товар, а конечного пункта – другой товар, который из обращения и поступает в потребление. Поэтому конечной целью такого кругооборота является потребление, удовлетворение потребностей, а стало быть, потребительная стоимость. Напротив, в качестве исходного и конечного пункта кругооборота $D - T - D$ выступают деньги. Поэтому его движущим мотивом, определяющей (конечной) целью является сама меновая стоимость.

В-девярых, в обращении $T - D - T$ оба крайних пункта имеют одну и ту же экономическую форму. Оба они – товары, равные по стоимости, но качественно различные по их потребительной стоимости (например, хлеб и платье). Обмен этих товаров осуществляется в соответствии с содержащимся в них общественным трудом. Совершенно иначе обстоит дело в обращении $D - T - D$. На первый взгляд такое обращение представляется бессодержательным вследствие его тавтологичности. Ведь оба крайних пункта имеют здесь одну и ту же экономическую форму. Оба они – деньги, а потому не являются качественно различными потребительными стоимостями. Ибо деньги есть всеобщий товар, в котором погашены все особенные потребительные стоимости обычных товаров. Если 100 ф. ст. обмениваются на хлопок, а затем этот хлопок снова обменивается на 100 ф. ст., т. е. окольным путем одна денежная сумма обменивается на ту же самую денежную сумму, то такая операция является столь же бесцельной, сколь и нелепой по своей сути.

Совершенно очевидно, что одна денежная сумма может отличаться от другой денежной суммы только по определенной величине. В силу этого процесс $D - T - D$, по своему содержанию, имеет не качественное различие между его крайними пунктами, поскольку оба они деньги, а лишь их количественную разницу. Именно в результате такого процесса из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было авансировано в него. Например, хлопок, купленный за 100 ф. ст., снова продается, но уже за 100 + 10 ф. ст., или за 110 фунтов

²⁵⁴ Там же. С. 159–160.

²⁵⁵ «Если я продаю квартал хлеба за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня эти 3 ф. ст. истрачены окончательно. Я уже не имею к ним более никакого отношения. Они принадлежат торговцу платьями. Если бы я продал второй квартал пшеницы, то деньги вернулись бы ко мне обратно, но не вследствие первой сделки, а лишь вследствие ее повторения. Деньги снова удаляются от меня, если я доведу эту сделку до конца, совершив новую куплю. Следовательно, в обращении $T - D - T$ затрата денег не имеет никакого отношения к их обратному притоку.» / Там же. С. 160.

²⁵⁶ «Без этого обратного притока всю операцию надо признать неудавшейся или процесс прерванным и еще незаконченным, так как недостает его второй фазы – продажи, дополняющей и завершающей куплю.» / Там же.

стерлингов. Поэтому полная форма данного процесса выражается теперь так: $D - T - D'$, где $D' = D + \Delta D$, т. е. равно первоначальной авансированной денежной сумме плюс некоторое приращение. Это приращение или избыток над первоначальной стоимостью, К. Маркс назвал прибавочной стоимостью. «Таким образом, первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал»²⁵⁷.

В-десятых, правда, возможно, что в обращении $T - D - T$ оба его крайних пункта $T - T$ (например, хлеб и платье) являются количественно различными стоимостями. Так, крестьянин может продать свой хлеб выше его стоимости или, наоборот, купить платье ниже стоимости. Может, однако, сложиться и иная ситуация. Торговец платьем обманет крестьянина, продав ему свой товар выше его стоимости. Но для простой формы обращения такие различия в стоимости товаров представляют собой чисто случайное явление. Ибо «эта форма обращения, в противоположность $D - T - D$, ничуть не утрачивает своего смысла и значения, если оба крайние пункты, например, хлеб и платье, эквивалентны друг другу. Более того, равенство их стоимостей представляет здесь собой условие нормального процесса.

Повторение, или возобновление продажи ради купли, так же как и самый этот процесс находят меру и смысл в лежащей вне этого процесса конечной цели, – в потреблении, в удовлетворении определенных потребностей»²⁵⁸.

Напротив, в обращении $D - T - D'$, т. е. купле ради продажи, исходный и конечный пункты представляют собой одно и то же, а именно деньги, меновую стоимость, и уже вследствие этого данное движение бесконечно. Ведь как бы то ни было, но из D получилось, в конечном итоге, $D + \Delta D$; из 100 ф. ст. – 100+10 фунтов стерлингов. Рассматриваемые только с качественной стороны, 110 ф. ст. есть то же самое, что 100 ф. ст. И с количественной стороны 110 ф. ст. – это такая же ограниченная сумма стоимости, как и 100 ф. ст. Но «если бы эти 110 ф. ст. были израсходованы как деньги, они вышли бы из своей роли. Они перестали бы тогда быть капиталом. Извлеченные из обращения, они окаменевают в сокровище, и здесь уж ни один фартинг не нарастает на них, хотя бы они лежали до второго пришествия»²⁵⁹.

Но подобное извлечение не соответствует цели обращения денег как капитала. Они должны постоянно находиться в движении. Здесь конечный пункт каждого отдельного кругооборота, в котором купля совершается ради продажи, образует исходный пункт нового кругооборота. «Простое товарное обращение – продажа ради купли – служат средством для достижения конечной цели, лежащей вне обращения, – для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, так как возрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ.»²⁶⁰

В-одиннадцатых, если в обращении $T - D - T$ сознательным носителем этого движения является товаропроизводитель, то в обращении $D - T - D'$ – капиталист. Сообразно объективному содержанию второй формы обращения, возрастание стоимости есть субъективная цель этого капиталиста; растущее присвоение абстрактного богатства (точнее, прибавочной

²⁵⁷ Там же. С. 161.

²⁵⁸ Там же. С. 162.

²⁵⁹ Там же. «Следовательно, раз дело идет о возрастании стоимости, потребность в таком возрастании присуща 110 ф. ст. так же, как и 100 ф. ст., потому что обе эти суммы представляют собой ограниченные выражения меновой стоимости, и, следовательно, они имеют одно и то же призвание приближаться к абсолютному богатству путем увеличения своих размеров. Правда, на один момент первоначально авансированная стоимость в 100 ф. ст. отличается от 10 ф. ст. прибавочной стоимости, выросшей на нее в обращении, но это различие тотчас же расплывается снова. В итоге процесса получается не так, что на одной стороне имеется первоначальная стоимость в 100 ф. ст., а на другой – прибавочная стоимость в 10 фунтов стерлингов. Получается единая стоимость в 110 фунтов стерлингов. Последняя имеет форму столь же пригодную для того, чтобы снова начать процесс возрастания, как и первоначальные 100 фунтов стерлингов.» / Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 163.

стоимости) составляет единственный движущий мотив его деятельности, «поскольку – и лишь постольку – он функционирует как капиталист. Поэтому потребительную стоимость никогда нельзя рассматривать как непосредственную цель капиталиста. Равным образом не получение единичной прибыли является его целью, а ее неустанное движение»²⁶¹.

Причем «это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью являются общими и для капиталиста, и для собирателя сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая деньги от обращения, более проницательный капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение»²⁶².

В-двенадцатых, самостоятельные формы – денежные формы, – которые стоимость товаров принимает в процессе простого обращения, только опосредствуют движение обмениваемых товаров и исчезают в конечном пункте этого движения. Напротив, в обращении Д – Т – Д' и товар, и деньги функционируют лишь как различные способы существования стоимости: деньги – как всеобщий товар, а стало быть, как особенный или скрытый способ ее существования. Здесь осуществляется непрерывный переход стоимости из одной формы в другую. Если рассматривать отдельные формы проявления, которые возрастающая стоимость попеременно принимает в этом кругообороте, то получаются следующие определения: капитал есть деньги, капитал есть товар. Однако на самом деле стоимость становится здесь субъектом данного кругооборота, в котором она, постоянно меняя денежную форму на товарную, сама изменяет свою величину. Отталкивая себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости, она самовозрастает. «Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца.

Как активный субъект этого процесса, в котором она то принимает, то сбрасывает с себя денежную и товарную формы и в то же время неизменно сохраняется и возрастает в этих превращениях, стоимость нуждается прежде всего в самостоятельной форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. Деньги образуют поэтому исходный и заключительный пункт всякого процесса возрастания. Она была равно 100 ф. ст., теперь она равна 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги играют здесь роль одной из форм стоимости, потому что их здесь две. Не приняв товарную форму, деньги не могут стать капиталом. Таким образом, здесь деньги не выступают против товаров полемически, как при накоплении сокровищ. Капиталист знает, что всякие товары, какими бы обильными они ни выглядели, как бы скверно они ни пахли, суть деньги в духе и истине, евреи внутреннего обрезания, и к тому же чудотворное средство из денег делать большее количество денег.»²⁶³

В-тринадцатых, если в обращении Т – Д – Т стоимость товаров, в противоположность их потребительной стоимости, получает в лучшем случае самостоятельную форму денег, то в обращении Д – Т – Д' она внезапно выступает как самовозрастающая, как самодвижущаяся субстанция, для которой товар и деньги суть только формы ее бытия.» Вместо того, чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь «вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе.

Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного

²⁶¹ Там же. С. 164.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же. С. 165.

возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов.

Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая, она – капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее. Сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот. Д – Д', деньги порождающие деньги, – money wich begets money, – таково описание капитала в устах его первых истолкователей, меркантилистов»²⁶⁴.

Именно они провозгласили главный принцип обогащения нации: купить дешевле, продать дороже, т. е. формулу Д – Т – Д'. На первый взгляд, она имманентна лишь одному виду капитала – купеческому капиталу. Но это только видимость! В действительности же дело обстоит иначе. Ибо промышленный капитал начинает свое движение с денег, которые превращаются в товар, а после продажи этого товара они обратно превращаются в большее количество денег. Те экономические акты, которые совершаются вне сферы обращения, т. е. в промежутке между куплей и продажей, несколько не изменяют этой формы движения. Наконец, в ростовщическом капитале, или в капитале, приносящем проценты, обращение Д – Т – Д' представлено в сокращенном виде в своем результате без опосредствующего звена, т. е. как Д – Д', как деньги, которые равны большему количеству денег как стоимость, которая превышает свою величину, больше самой себя.

«Таким образом, Д – Т – Д' есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения»²⁶⁵.

Подчеркнем, анализ этой сферы позволил К. Марксу определить сущность капитала в трех взаимосвязанных аспектах: 1) это самовозрастающая стоимость (сжатое, концентрированное определение капитала); 2) это авансированная стоимость, приносящая в процессе своего самодвижения прибавочную стоимость, которую присваивает (отчуждает) капиталист (лаконичное, специфическое определение капитала); 3) это стоимость, которая авансируется, движется, возрастает в процессе производства, сохраняется в сфере обращения и приносит прибавочную стоимость, превышающую первоначально авансированную стоимость (развернутое определение капитала).

§ 3. Противоречия всеобщей формулы капитала

Согласно К. Марксу, эти определения капитала и имманентный ему атрибут – прибавочная стоимость, движущаяся в обращении Д – Т – Д' в виде «денежной куколки», противоречат «всем развитым раньше (в первом отделе «Капитала». – Н.С.) законом относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения»²⁶⁶. Ведь оно отличается от простого товарного обращения лишь обратной последовательностью тех же самых двух противоположных актов, т. е. продажи и купли. Возникает вопрос: «каким чудом чисто формальное различие может преобразовать самое природу данного процесса?»²⁶⁷

Для того, чтобы уяснить это различие, К. Маркс провел сравнительный анализ сделок, совершаемых в обращении Д – Т – Д' и в обращении Т – Д – Т. В результате он пришел к выводу, согласно которому, если даже акты, связанные с продажей и куплей товаров рассматривать в такой последовательности, то мы тем не менее не выйдем из сферы простого товарного обращения. Ибо и в том, и в другом случае ее основными контрагентами являются продавцы и

²⁶⁴ Там же. С. 165–166.

²⁶⁵ Там же. С. 166.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же.

покупатели, независимо от того выступают ли они здесь в качестве капиталистов или обычных товаровладельцев. Поэтому нужно «посмотреть, допускает ли природа самой этой сферы (*простого товарного обращения*. – Н.С.) возрастание входящих в нее стоимостей, а следовательно, образование прибавочной стоимости»²⁶⁸.

По К. Марксу, она имеет место во всех тех случаях, когда два товаровладельца покупают друг у друга товары и с наступлением срока платежа сводят баланс взаимных денежных обязательств, обусловленных кредитными отношениями. «Деньги служат здесь счетными деньгами; они выражают стоимости товаров в их ценах, но не противостоят самим товаром телесно»²⁶⁹.

Поскольку конечной целью такого рода сделок является потребительная стоимость, то «в выигрыше могут оказаться оба обменивающегося лица». Ибо эти лица «отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются»²⁷⁰. Следовательно, с точки зрения потребительной стоимости, обмен есть такая «сделка, в которой выигрывают обе стороны»²⁷¹.

Иначе обстоит дело, если этот обмен рассматривать с точки зрения меновой стоимости, а стало быть, и стоимости. Суть его не изменится от того, что между товарами становятся деньги в качестве средства обращения, и что акт купли реально отделяется от акта продажи. Ведь стоимость товаров выражается в их ценах раньше того, как они вступают в обращение. Следовательно, стоимость есть предпосылка этого обращения, а не его результат.

Если рассматривать данный процесс абстрактно, т. е. отвлечься от обстоятельств, которые не вытекают непосредственно из имманентных законов простого товарного обращения, то можно обнаружить, что здесь, наряду с замещением одной потребительной стоимости другой, совершается только товарный метаморфоз, т. е. простое изменение формы товара. Ибо «одна и та же стоимость, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда, находится в руках одного и того же товаровладельца сначала в форме товара, потом в форме денег, в которые товар превратился, наконец, опять в форме товара, в которые обратно превратились деньги. Такое превращение формы не включает в себе изменения величины стоимости. Изменение, претерпеваемое в этом процессе самой стоимостью товара, ограничивается изменением ее денежной формы»²⁷².

В самом деле, в процессе такого обращения стоимость товара сначала существует в виде цены этого товара, предлагаемого к продаже, затем в виде денежной суммы, которая, однако, уже ранее была выражена в данной цене, наконец, в виде денег – эквивалентного товара. Такая смена форм сама по себе не изменяет величины стоимости товара, как, например, размен пятифунтового билета на соверены, полусоверены и шиллинги.

Таким образом, результат обращения товара обуславливает лишь изменение формы его стоимости, если рассматривать это обращение в чистом виде, т. е. как обмен эквивалентов.

«Даже вульгарная политическая экономия, несмотря на полное непонимание того, что такое стоимость, всякий раз, когда пытается на свой лад рассматривать явление в чистом виде, предполагает, что спрос и предложение взаимно покрываются, т. е. что влияние их вообще уничтожается (подчеркнем, это в полной мере относится и к авторам современных курсов экономики, в которых равенство (равновесие) спроса и предложения выступает в качестве исходной

²⁶⁸ Там же. С. 167.

²⁶⁹ Там же. С. 167–168.

²⁷⁰ Там же. С. 168.

²⁷¹ Там же. «Но выгодность сделки может даже не ограничиваться этим. Возможно, что А, продающий вино и покупающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше вина, чем мог бы произвести его в течение того же самого рабочего времени возделыватель хлеба В, и наоборот: В, возделывающий хлеб, производит в течение данного рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести винодел А. Таким образом, А получает за ту же самую меновую стоимость (точнее, стоимость. – Н.С.) больше хлеба, В больше вина, чем получил бы каждый из них, если бы они вынуждены были производить для себя и вино и хлеб, не прибегая к обмену.» / Там же.

²⁷² Там же. С. 168–169.

предпосылки анализа рассматриваемых вопросов – *Н.С.*). Следовательно, если в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости (стоимости. – *Н.С.*) они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды». Хотя товары и могут быть проданы по ценам, отклоняющимся от их стоимости, но такое отклонение является нарушением законов товарообмена. В своем чистом виде он есть обмен эквивалентов и, следовательно, не может быть средством увеличения стоимости»²⁷³.

По К. Марксу, главная ошибка буржуазных экономистов, рассматривавших обращение товаров как источник образования прибавочной стоимости, заключается в том, что они смешивали потребительную стоимость и меновую стоимость (стоимость).

Вот, что писал в этой связи Э. Кондильяк: «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей ... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают, или, по крайней мере, должны получать выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношении к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и обратно ... Нельзя же предполагать, что мы будем продавать вещи, необходимые для нашего естественного потребления ... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньше взамен большего ... Совершенно естественно было прийти к заключению, что в обмене равную стоимость дают за равную стоимость, раз стоимость каждой из обмениваемых вещей равна одному и тому же количеству денег ... Нам необходимо принять во внимание и другую сторону дела; спрашивается: не избыток ли мы оба обмениваем на необходимый для каждого из нас предмет?»²⁷⁴.

Как заметил К. Маркс, Э. Кондильяк не только смешивал потребительную стоимость и меновую стоимость (стоимость), но и с чисто детской наивностью, подменял общество с развитым товарным производством таким экономическим строем, при котором каждый производитель самостоятельно производит средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток произведенных им продуктов, остающихся у него после удовлетворения собственных потребностей. Иными словами, Э. Кондильяк смешивал также капиталистическое производство и простое товарное производство, полагая, что прибавочная стоимость возникает в сфере обращения.

Этот последний «аргумент Кондильяка часто повторяется современными экономистами, а именно в тех случаях, когда требуется представить развитую форму товарообмена, торговлю, источником прибавочной стоимости»²⁷⁵. Так, например, С. Ньюмен писал: «Торговля присоединяет стоимость к продуктам, так как те же самые продукты имеют больше стоимость в руках потребителя, чем в руках производителя, и потому торговля должна в буквальном смысле слова (strictly) рассматриваться как акт производства»²⁷⁶.

Однако, подчеркивал в этой связи К. Маркс, товары отнюдь не оплачивают дважды: один раз их потребительную стоимость, а другой раз их стоимость. Суть дела в том, что если потребительная стоимость товара полезнее для покупателя, чем для продавца, то денежная форма этого товара, наоборот, полезнее для продавца, чем для покупателя. В противном случае он не стал бы продавать свой товар. Поэтому мы можем «с таким же правом сказать, что покупатель

²⁷³ Там же. С. 169.

²⁷⁴ Цит. по: там же. С. 169–170.

²⁷⁵ Там же. С. 170.

²⁷⁶ Цит. по: там же.

в буквальном смысле (strictly) совершает «акт производства», когда он, например, чулки купца превращает в деньги»²⁷⁷.

Причем, если обмениваются товары и деньги равной стоимости, т. е. как эквиваленты, то совершенно очевидно, никто не сможет извлечь из обращения большей стоимости, чем пускает в него. Но в таком случае здесь не происходит образования прибавочной стоимости. В своей чистой форме процесс обращения товаров представляет собой обмен эквивалентов. Однако в действительности такие процессы не совершаются в чистом виде. Поэтому предположим, что обмениваются не эквиваленты.

Во всяком случае понятно, что «на товарном рынке только товаровладелец противостоит товаровладельцу, и та власть, которой обладают эти лица один по отношению к другому, есть лишь власть их товаров. Вещественное различие товаров есть вещественное основание обмена, оно обуславливает взаимную зависимость товаровладельцев, так как ни один из них не владеет предметом своего собственного потребления и каждый из них владеет предметом потребления другого. Помимо этого вещественного различия потребительных стоимостей товаров, между последними существует лишь одно различие: различие между натуральной формой и их превращенной формой, между товарами и деньгами. Таким образом, товаровладельцы различаются между собой лишь как продавцы, владельцы товара, и как покупатели, владельцы денег»²⁷⁸.

Предположим, что продавец обладает какой-то необъяснимой привилегией продавать свои товары выше их стоимости, например, за 110 ф. ст., несмотря на то, что на самом деле они стоят 100 ф. ст., т. е. с надбавкой к цене в 10 %. В результате продавец получает прибавочную стоимость, равную 10 ф. ст. Но в условиях простого товарного обращения он является не только продавцом, но и покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец, который, в свою очередь, также обладает подобной привилегией продавать свой товар на 10 % дороже его стоимости. Вследствие этого наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10 ф. ст., чтобы потерять в качестве покупателя те же самые 10 ф. ст. «В общем дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10 % дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимости. Такая всеобщая номинальная надбавка к цене товаров имеет такое же значение, как, например, измерение товарных стоимостей в серебре вместо золота. Денежные названия, то есть цены товаров возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными»²⁷⁹.

Предположим, наоборот, что покупатель обладает указанной привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Но будучи покупателем, он одновременно является и продавцом. Прежде чем стать покупателем, он был уже продавцом. В качестве продавца он уже потерял 10 % своего товара, прежде чем выиграл 10 % в качестве покупателя чужого товара. Иными словами, в его положении ничего не изменилось.

Таким образом, «образование прибавочной стоимости, а потому и превращение денег в капитал, не может быть объяснено ни тем, что продавцы продают свои товары выше их стоимости, ни тем, что покупатели покупают их ниже стоимости»²⁸⁰.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 171.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. С. 172. Далее автор пояснял: «В обращении производители и потребители противостоят друг другу лишь как продавцы и покупатели. Утверждать, что прибавочная стоимость возникает для производителей вследствие того, что потребители оплачивают товары выше их стоимости, значит только повторять в замаскированном виде простое положение, будто товаровладелец, как продавец, обладает привилегией продавать товары по завышенной цене. Продавец сам произвел свой товар или является представителем его производителей, но равным образом и покупатель сам произвел товары, выраженные в его деньгах, или является представителем их производителей. Следовательно, производитель противостоит производителю. Их различает лишь то, что один покупает, в то время как другой продает. Мы не подвинемся ни на шаг далее, если допустим, что товаровладелец под именем производителя продает свой товар выше стоимости, а под именем потребителя он же покупает

Именно «поэтому последовательные сторонники иллюзии, будто прибавочная стоимость возникает из номинальной надбавки к цене, или из привилегии продавцов продавать товары слишком дорого, предполагают существование класса, который только покупает не продавая, следовательно, только потребляет не производя. Существование такого класса с той точки зрения, которой мы пока достигли, с точки зрения простого обращения, еще не может быть объяснено»²⁸¹.

Наконец, предположим, что какой-нибудь товаровладелец А может быть настолько ловким плутом (мошенником), что всегда надувает (обманывает) других товаровладельцев, допустим, В и С, в то время как эти последние, при всем их желании, не в состоянии взять реванш. В частности, А продает В вино стоимостью в 40 ф. ст. и приобретает, в свою очередь, у последнего пшеницу в 50 ф. ст., сделав тем самым из меньшего количества денег большее их количество и благодаря этому превратил свой товар в капитал.

Присмотримся, однако, к этой сделке повнимательнее. До обмена в наличии имелось на 40 ф. ст. вина в руках А и на 50 ф. ст. пшеницы в руках В, а всего, следовательно, на 90 ф. ст. После обмена имеет место та же самая общая стоимость в 90 фунтов стерлингов, Иными словами, находящаяся в обращении стоимость не увеличилась, она осталась прежней; изменилось лишь ее распределение между А и В. То, что для одного лица является здесь прибавочной стоимостью, для другого представляет недостающую стоимость. Тот же самый результат получился бы в том случае, если бы А, не прибегая к обмену, прямо украл у В 10 ф. ст. «Очевидно, сумму, находящуюся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении, подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла своей страны, если продаст фартинг времен королевы Анны за гинею. Весь класс капиталистов данной страны не может наживаться за счет самого себя.

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение, или товарообмен, не создает никакой стоимости»²⁸².

Это фундаментальное положение имеет непосредственное отношение ко всем «допотопным» видам капитала. Так, в собственно торговом капитале форма Д – Т – Д' характеризует, с одной стороны, известный (меркантилистский) принцип: купить дешевле, продать дороже, суть которого здесь проявляется в наиболее чистом виде; с другой стороны, движение этого капитала протекает лишь в пределах сферы обращения. Но поскольку из нее самой по себе невозможно объяснить образование прибавочной стоимости, то торговый капитал как таковой, представляется невозможным, ибо в этой сфере обмениваются эквиваленты. Более того, само его существование может быть выведено только как результат неэквивалентного, зачастую, грабительского товарного обмена, связанного с двусторонним надувательством покупающих и продающих товаропроизводителей паразитически внедряющимся в сферу обращения международным купцом²⁸³.

товары выше их стоимости». / Там же.

²⁸¹ Там же. С. 173. «Но забежим вперед. Деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны, очевидно, постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или насилия. Продавать представителям такого класса товары выше стоимости – значит только возвращать себе часть даром отданных денег. Так, например, города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань. На эти деньги Рим покупал у них товары, и покупал по завышенным ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей посредством торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им во всяком случае платили их же собственными деньгами. Это отнюдь не метод обогащения или создания прибавочной стоимости.» / Там же.

²⁸² Там же. С. 174.

²⁸³ «Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, которые здесь, где единственной нашей предпосылкой является товарное обращение и его простые моменты, пока еще совершенно отсутствуют.» / Там же. С. 175.

Сказанное в еще больше степени применимо к ростовщическому капиталу. В нем обоим крайним пунктам, – деньги, поступающие на рынок, и возросшие деньги, извлекаемые с рынка, – связаны, в конечном счете, посредством купли и продажи, а потому опосредованы сферой обращения. Поскольку в ростовщическом капитале форма $D - T - D'$ сокращена до $D - D'$, где деньги обмениваются на большее количество денег, то такая форма, противоречащая самой природе денег, необъяснима с точки зрения простого товарного обращения²⁸⁴.

Итак, прибавочная стоимость не может возникнуть из сферы обращения. Однако для того, чтобы она возникла вне этой сферы должно произойти нечто такое, которое не представлено в ней. Но может ли прибавочная стоимость возникнуть, минуя сферу обращения? Ведь она есть не что иное, как совокупность меновых отношений, складывающихся между товаро-владельцами. За пределами этой сферы каждый из них сохраняет отношение лишь к своему собственному товару. Поскольку последний имеет стоимость, то это отношение ограничивается тем, что он содержит известное количество труда данного производителя, измеряемого согласно законам товарного производства²⁸⁵. Поэтому «товаровладелец может создавать своим трудом стоимость, но не возрастающие стоимости. Он может повысить стоимость товара, присоединяя к наличной стоимости новую стоимость посредством нового труда, например, изготавливая из кожи сапоги»²⁸⁶. Но и в том, и в другом случае этот товаровладелец должен выйти на рынок со своим товаром и тем самым вступить в отношение с другими товаро-владельцами.

Таким образом, капитал, как самовозрастающая стоимость, не может возникнуть из сферы обращения и в то же время он не может возникнуть вне сферы обращения. В этом заключается противоречие всеобщей формулы капитала, т. е. противоречие между процессом возникновения прибавочной стоимости и эквивалентным характером товарного обмена, вытекающим из закона стоимости, исключающим самую возможность возникновения прибавочной стоимости.

Характеризуя суть этого противоречия, К. Маркс писал: «Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов²⁸⁷. Наш владе-

²⁸⁴ В этой связи К. Маркс привел следующее высказывание Аристотеля: «Существует двоякого рода хрематистика: одна относится к торговле, другая к экономике; последняя необходима и достойна похвалы, первая основана на обращении и потому справедливо порицается (ибо она покоится не на природе вещей, а на взаимном надувательстве). Таким образом, ростовщичество справедливо ненавидимо всеми, ибо здесь сами деньги являются источником приобретения и употребляются не для того, для чего они были изобретены. Ведь они возникли для товарного обмена, между тем процент делает из денег новые деньги. Отсюда и его название («τοκος» – «процент» и «порожденное»). Ибо порожденное подобно породившему. Но процент есть деньги от денег, так что из всех отраслей приобретения эта – наиболее противна природе». / Цит. по: Там же. В ходе нашего исследования мы обнаружим, что и капитал, приносящий проценты, подобно торговому капиталу, является производной формой (от промышленного капитала. – Н.С.), а вместе с тем увидим, почему исторически оба они возникли раньше современной основной формы капитала». / Там же.

²⁸⁵ «Это количество труда выражается в количестве стоимости его товара, а так как величина стоимости выражается в счетных деньгах, то оно выражается в цене товара, например, в 10 фунтов стерлингов. Но его труд не выражается в стоимости товара плюс некоторое ее превышение, не выражается в цене, равной 10 и в то же время равной 11, не выражается в стоимости, которая больше самой себя.» / Там же. С. 176.

²⁸⁶ Там же. «То же самое вещество имеет теперь больше стоимости, так как заключает в себе большее количество труда. Сапоги имеют поэтому большую стоимость, чем кожа, но стоимость кожи осталась тем, чем она была. Она не возросла, не присоединила к себе прибавочной стоимости во время производства сапог. Следовательно, товаропроизводитель не может увеличить стоимость и тем самым превратить деньги или товар в капитал вне сферы обращения, не вступая в соприкосновение с другими товаро-владельцами.» / Там же.

²⁸⁷ «После всего вышеизложенного читатель понимает, конечно, что это означает лишь одно: образование капитала должно оказаться возможным и в том случае, когда цены товаров равны их стоимости. Его нельзя объяснить из отклонений товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собой в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса. Известно, впрочем, что такое сведение отнюдь не является одним только научным методологическим приемом. Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, ком-

лец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»²⁸⁸.

§ 4. Купля и продажа рабочей силы

Как мы видели, проведенный К. Марксом анализ всеобщей формулы капитала $D - T - D'$ показал, что прибавочная стоимость не может возникнуть в сфере обращения, поскольку здесь совершается эквивалентный обмен товаров посредством денег. В процессе этого обмена денежная форма стоимости превращается в товарную, а последняя – снова в денежную. Совершенно очевидно, прибавочная стоимость не может также возникнуть и из самих денег, находящихся либо в первом акте обращения ($D - T$), либо во втором ($T - D'$). В итоге К. Маркс установил, что источник ее возникновения следует искать на стороне товара (T), приобретаемого в первом акте ($D - T$).

Причем этот источник связан непосредственно не со стоимостью данного товара, так как на рынке обмениваются эквиваленты, а с его потребительной стоимостью как таковой, т. е. только с его потреблением. Но извлечь прибавочную стоимость из потребления приобретенного «товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду, или рабочая сила»²⁸⁹.

Как известно, под рабочей силой, или способностью к труду, К. Маркс понимал совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает человек и которые используются им для производства тех или иных потребительных стоимостей²⁹⁰.

Рабочая сила – это особый, так сказать, «живой» товар, воплощенный в человеческом организме, живой личности человека. Для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке этот товар, необходимы определенные условия. Ибо обмен товаров, сам по себе, не создает никаких иных отношений зависимости товаровладельцев друг от друга, кроме тех, которые вытекают из его собственной природы.

Рабочая сила становится товаром лишь при наличии двух существенных условий.

Во-первых, как товар, рабочая сила может появиться на рынке лишь тогда, когда она выносится на этот рынок или продается ее собственным владельцем. Но чтобы последний мог продавать свою рабочую силу, он должен иметь возможность распоряжаться ею, а следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности.

пенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней (равновесной, по современной терминологии. – Н.С.) цене, как к своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было бы вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т. е. в конечном счете стоимостью товара? Я говорю «в конечном счете», потому что средние цены прямо не совпадают с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т. д.» / Там же. С. 176–177 (прим.). Поясним, что имел в виду К. Маркс под выражением «в конечном счете». Нужно различать средние цены, рыночную (общественную) стоимость и индивидуальные стоимости товаров. Если со второй первые совпадают, то с последними они, как правило, не совпадают.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 177–178.

²⁹⁰ См.: Там же. С. 178.

Именно поэтому владелец рабочей силы и владелец денег встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы – юридически равные лица, различающиеся лишь тем, что один продает свою рабочую силу, а другой покупает ее.

Для сохранения этого отношения необходимо, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно, причем на определенное время, в форме свободного найма на работу, потому что, если бы он продавал ее целиком, как неотъемлемый атрибут своей личности, то он продал бы вместе с тем и самого себя, т. е. он превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в обычный товар. Иными словами, «как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как своей собственности, а потому как своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно, поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее»²⁹¹.

Во-вторых, необходимо, чтобы владелец рабочей силы был лишен возможности продавать на рынке товары, в которых овеществлен его труд. Напротив, он должен быть вынужден постоянно продавать как товар свою рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

Ведь для того, чтобы иметь возможность продавать обычные, отличные от его рабочей силы, товары, работник должен обладать средствами производства (орудие труда, сырье и т. п.). Кроме того, ему нужны также и жизненные средства, вне которых он существовать не может. Но ни тех, ни других у него нет, а потому он не может производить продукты, которые становятся товарами на рынке²⁹².

Как мы увидим ниже, рассматриваемые условия возникли в процессе первоначального накопления капитала. Суть этого процесса заключается в отделении рабочего от собственности на условия его труда, – процесса, который превращает, с одной стороны, деньги, средства производства и жизненные средства в капитал; с другой стороны, непосредственных производителей в наемных рабочих. Именно на этой основе сформировался особый рынок, на котором «два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт – с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двояком смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т. д., но и средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство и т. д.; напротив, они свободны от средств производства, освобождены от них, лишены их. Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства»²⁹³.

²⁹¹ Там же. С. 178.

²⁹² «Никто, даже мечтатель, созидаящий «музыку» будущего, не может жить продуктами будущего, не может жить за счет потребительных стоимостей, производство которых еще не закончено; с первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты производятся как товары, то после того как закончено их производство, они должны быть проданы и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Ко времени необходимому для производства, присоединяется время, необходимое для продажи.» / Там же. С. 179.

²⁹³ Там же. С. 726. «Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодом. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.» / Там же. С. 180

Следовательно, «капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие заключает в себе целую мировую историю. Поэтому капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства»²⁹⁴.

Именно в эту эпоху утвердилось «вся система капиталистического производства», которая «основывается на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар»²⁹⁵. Подобно другим товарам, он обладает потребительной стоимостью и стоимостью.

Анализ этих факторов товара рабочая сила К. Маркс начинает со стоимости. Последняя, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства и воспроизводства этого предмета купли-продажи. Иными словами, в стоимости рабочей силы представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда.

Рабочая сила как способность к труду неотделима от ее носителя – живого индивидуума. Вследствие этого производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для ее поддержания он нуждается в известной сумме жизненных средств. «Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Это усиленная затрата, усиленное возмещение»²⁹⁶.

Нетрудно видеть, что здесь содержатся два весьма важных положения, которые имеют ключевое значение для политической экономии.

1. Стоимость рабочей силы определяется не прямо, т. е. непосредственно затратами общественно необходимого рабочего времени, а косвенно, т. е. окольным путем – через рабочее время, общественно необходимое для производства и воспроизводства жизненных средств, предназначенных для поддержания жизни владельца рабочей силы, или стоимостью этих жизненных средств.

2. Рабочая сила и труд – это взаимосвязанные, но не тождественные явления, как считали буржуазные экономисты (заметим, такая точка зрения доминирует и в современной западной литературе). Ибо труд есть функция рабочей силы, т. е. процесс производительного потребления последней. В процессе труда владелец рабочей силы затрачивает определенное количество своих внутренних сил: мускулов, нервов, мозга и т. д. Уже отсюда видно, что здесь речь идет не о конкретном, а об абстрактном труде, который выступает в качестве источника стоимости жизненных средств, потребляемых рабочим, а стало быть, и стоимости рабочей силы. Естественно, усиленная затрата абстрактного труда предполагает усиленное возмещение этой затраты труда.

Подобное возмещение требует известной суммы жизненных средств, которая должна быть достаточной, во-первых, для поддержания жизни и здоровья собственника рабочей силы, чтобы он был в состоянии ежедневно трудиться, т. е. осуществлять тот же самый процесс. Для обеспечения такого состояния трудящийся индивидуум должен постоянно удовлетворять свои естественные потребности, как-то: в пище, одежде, топливе, жилище и т. д. Эти потребности

²⁹⁴ Там же. С. 181. «Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда. С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продукта труда приобретает всеобщий характер.» / Там же (прим.). Поэтому товарное производство при капитализме становится всеобщим.

²⁹⁵ Там же. С. 440–441.

²⁹⁶ Там же. С. 181–182.

различаются в зависимости от климатических и прочих природных особенностей той или иной страны. С другой стороны, объем общественно необходимых потребностей и способы их удовлетворения представляют собой продукт исторического развития и зависят в большей мере от культурного уровня страны, образа жизни, в рамках которого сформировался класс наемных рабочих. Поэтому «в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная»²⁹⁷.

Во-вторых, для содержания семьи рабочего, его детей, которые должны стать новыми продавцами рабочей силы, вследствие изнашивания и смерти данного рабочего, именно «таким путем увековечивается на товарном рынке раса этих своеобразных товаровладельцев»²⁹⁸.

В-третьих, для возмещения издержек, связанных с образованием, обучением, профессиональной подготовкой рабочего²⁹⁹. Разумеется, они «различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки – совершенно ничтожные для обычной рабочей силы – входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство»³⁰⁰.

Таким образом, «стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы жизненных средств. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих жизненных средств, т. е. с изменением рабочего времени, необходимого для их производства»³⁰¹.

При этом часть жизненных средств, например, продукты питания, топливо и т. д., потребляется рабочими ежедневно и потому должна возмещаться ежедневно. Напротив, другие жизненные средства, как-то: платье, мебель и т. д., потребляются рабочими в течение более или менее продолжительного времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении этого времени. Отсюда следует, что одни товары покупаются или оплачиваются рабочими ежедневно, другие еженедельно, ежемесячно и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, например, года, она должна быть покрыта из средних доходов, получаемых рабочими. Если масса товаров, ежедневно необходимая для производства и воспроизводства рабочей силы, равна А, соответственно, еженедельно – В, ежемесячно – С, ежеквартально – Д, каждое полугодие – Е, каждый год – К, то ежедневное среднее количество этих товаров равно

$$\frac{365A + 52B + 12C + 4D + 2E + 1K}{365}$$

Предположим, что в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда, хотя капиталист, покупая рабочую силу, может заставить ее владельца – рабочего – трудиться, например, 12 часов. В этом случае в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется лишь половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы данного рабочего. Именно «это

²⁹⁷ Там же. С. 182.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ «Для того, чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь. Стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов.» / Там же. С. 182–183.

³⁰⁰ Там же. С. 183.

³⁰¹ Там же.

количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы»³⁰².

В свете вышеизложенного, становится очевидно, что дневная стоимость рабочей силы может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от стоимости необходимых жизненных средств, которые рабочий покупает на свой ежедневный доход, и которые поступают в непосредственное потребление этого рабочего и членов его семьи. «Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физических необходимых жизненных средств»³⁰³.

Это означает, что в таком случае дневная стоимость рабочей силы падает до стоимости физически необходимого прожиточного минимума, т. е. известной стоимости набора определенных жизненных средств (потребительской корзины, по современной терминологии), уменьшение величины которого подвергло бы опасности саму жизнь рабочего и членов его семьи. Поэтому «если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества»³⁰⁴. Следовательно, стоимость данного физически необходимого прожиточного минимума жизненных средств меньше стоимости рабочей силы, включающей в себя стоимость средств, предназначенных для образования, обучения и профессиональной подготовки рабочего.

Производство и воспроизводство рабочей силы нормального качества требует возмещения этой стоимости. Последняя определяется разнообразными факторами. Причем одни из них обуславливают повышение стоимости рабочей силы (рост объема общественных потребностей, сложности и интенсивности труда), другие. Напротив, обуславливают ее понижение (рост производительной силы общественного труда в отраслях, производящих средства существования рабочих, а также в отраслях, производящих средства производства для производства необходимых жизненных средств; распространение женского и детского труда (труда иммигрантов, в современных условиях); снижение издержек обучения и профессиональной подготовки рабочих).

Обратимся теперь к другому фактору специфического товара рабочей силы – потребительной стоимости. Как уже отмечалось, последняя обладает оригинальным свойством быть источником прибавочной стоимости, извлекаемой из потребления данного товара. Именно эту цель преследует капиталист, покупая рабочую силу. Для того, чтобы получить прибавочную стоимость, он потребляет рабочую силу в производстве, т. е. способность к труду наемного капитала. Но эта способность «еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи. Для того, чтобы мог состояться этот последний процесс, недостаточно, как известно, иметь хороший желудок. Кто говорит о способности к труду, тот не отвлекается от жизненных средств, необходимых для ее поддержания. Стоимость ее как раз и выражает собой стоимость этих жизненных средств. Если способность к труду не может быть продана, рабочему от нее нет никакой пользы. Более того, в этом случае он воспринимает как жестокую естественную необходимость тот факт, что его способность к труду потребовала определенного количества жизненных средств для своего

³⁰² Там же. Так, например, «если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шиллинга, или в один талер, то талер есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за один талер, то ее продажная цена равна ее стоимости, и по нашему предположению владелец денег, снедаемый желанием превратить свой талер в капитал, действительно уплачивает эту стоимость». / Там же.

³⁰³ Там же. С. 183–184.

³⁰⁴ Там же. С. 184.

производства и все снова и снова требует их для своего воспроизводства»³⁰⁵. Следовательно, рабочий продает, а капиталист покупает не труд, а рабочую силу, т. е. способность к труду.

Своеобразная природа товара рабочая сила состоит в том, что по заключении контракта между покупателем (капиталистом) и продавцом (рабочим) ее потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки капиталиста. Между тем стоимость этого товара, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественно необходимого труда уже было затрачено на производство рабочей силы. Иначе обстоит дело с ее потребительной стоимостью, которая должна проявить себя в потреблении, т. е. в труде, и которая должна оплачиваться лишь по истечении определенного срока ее функционирования³⁰⁶. Вследствие этого рабочая сила продается в кредит, а потому между капиталистом и рабочим складываются кредитные отношения. Причем здесь «рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом – везде рабочий кредитует капиталиста»³⁰⁷.

Именно эти отношения являются исходной предпосылкой реализации потребительной стоимости рабочей силы, т. е. способности рабочего к труду. Однако труд рабочего в условиях товарно-капиталистического производства имеет двойственную природу. Он выступает, с одной стороны, как конкретный труд, который создает потребительные стоимости, а с другой стороны, как абстрактный труд, который образует стоимость товаров.

Возникает вопрос: будучи внешней формой проявления процесса реализации потребительной стоимости рабочей силы, какая же из этих сторон труда рабочего, т. е. конкретный или абстрактный труд, представляет специфическую полезность для капитала?

Подчеркнем, уже из подобной постановки вопроса становится очевидно, что поскольку целью функционирования капитала является обогащение, извлечение прибавочной стоимости, то специфическая полезность потребительной стоимости рабочей силы для капитала сводится к ее способности быть источником прибавочной стоимости, а потому она обусловлена прежде всего изменениями, происходящими на стороне абстрактного труда рабочего. Хотя потребительная стоимость рабочей силы, как и потребительная стоимость обычных товаров, создается полезной формой труда, т. е. конкретным трудом, затраченным на производство и воспроизводство этого особого товара, тем не менее специфическая потребительная стоимость последнего для капитала состоит в способности рабочей силы создавать стоимость, превышающую стоимость самой рабочей силы, т. е. прибавочную стоимость. Ее образует прибавочный абстрактный труд. Следовательно, специфическая потребительная стоимость рабочей силы для капитала обусловлена не конкретным, а прибавочным абстрактным трудом.

Имея в виду это обстоятельство, К. Маркс писал: «Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставля-

³⁰⁵ Там же. С. 184.

³⁰⁶ «Таким образом, отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. наличное бытие в качестве потребительной стоимости, отделяется друг от друга во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых определяется во времени от ее фактической передачи покупателю, деньги покупателя функционируют обыкновенно как средство платежа. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например, в конце каждой недели.» / Там же. С. 185.

³⁰⁷ Там же. «Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста, но и целый ряд факторов, оказывающих более продолжительное влияние (последствия этого влияния иллюстрируются К. Марксом на примере с лондонскими булочниками. – Н.С.). Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы установлена при заключении контракта, хотя реализуется, подобно квартирной плате, лишь впоследствии. Рабочая сила уже продана, хотя плата за нее будет получена лишь позднее. Но для того, чтобы исследовать данное отношение в его чистом виде, полезно предположить на время, что владелец рабочей силы одновременно с ее продажей получает всегда и обусловленную контрактом цену.» / Там же. С. 185–186.

ется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства. Труд доставляется, конечно, в той *определенной форме*, которая присуща ему как особому полезному труду – как прядению, ткачеству и т. д. Но этот конкретный характер труда, который вообще делает его способным выражать себя в товаре, не составляет его *специфическую потребительную стоимость* для капитала. Для капитала эта потребительная стоимость труда состоит в том его количестве, которое он доставляет как труд вообще (абстрактный труд. – Н.С.), и в избытке количества выполняемого труда *над* тем его количеством, которое составляет его оплату»³⁰⁸.

Но если специфическая потребительная стоимость рабочей силы состоит в ее способности к прибавочному абстрактному труду, то, приобретая эту потребительную стоимость в качестве товара, капиталист покупает именно труд. Однако капиталист покупает не непосредственно труд как товар, а опосредованно – через товар рабочая сила, а оплачивает, как и при всякой товарной (в данном случае, кредитной) сделке не потребительную стоимость товара, т. е. не труд как таковой, а стоимость рабочей силы. В процессе производства носитель рабочей силы – наемный рабочий создает своим прибавочным абстрактным трудом большую стоимость, чем стоимость самой рабочей силы. Эта разница между вновь созданной стоимостью и стоимостью рабочей силы и составляет прибавочную стоимость.

Характеризуя акт купли-продажи рабочей силы как своеобразного товара и процесс создания прибавочной стоимости, К. Маркс отмечал, что «фактически, в результате, здесь покупается труд, хотя это и опосредовано обменом на рабочую силу, а не прямо на труд», что в товарах, производимых рабочим, содержится добавочное количество труда, которое «образует прибавочную стоимость»³⁰⁹.

Итак, вышеприведенный анализ показал, как определяется стоимость рабочей силы, уплачиваемая владельцем денег (капиталистом) владельцу этого своеобразного товара (рабочему), что ее потребительная стоимость, которую приобретает капиталист при данной (кредитной) сделке, обнаруживается лишь в процессе действительного использования, т. е. потребления самой рабочей силы. При этом предполагается, что все необходимые для такого процесса вещи, как орудия труда, сырой материал и т. п., капиталист покупает на товарном рынке по цене, совпадающей с их стоимостью

Но «процесс потребления рабочей силы есть в то же время процесс производства товара и прибавочной стоимости. Потребление рабочей силы, как и всякого другого товара, совершается за пределами рынка, или сферы обращения. Оставим поэтому эту шумную сферу, где все происходит на поверхности и на глазах у всех людей, и вместе с владельцем денег и владельцем рабочей силы спустимся в сокровенные недра производства, у входа в которые начертано: No admittance except on business [Посторонним вход воспрещается]. Здесь мы познакомимся не только с тем, как капитал производит, но и с тем как его самого производят. Тайна добывания прибыли должна, наконец, раскрыться перед нами.

Сфера обращения, или обмена товаров, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы, есть настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение. Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это –

³⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 409.

³⁰⁹ Там же. С. 62.

стремление каждого к своей выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о самом себе и никто не заботится о другом, все они в силу установленной гармонии вещей и благодаря всехитрейшему провидению осуществляют лишь дело взаимной выгоды, общей пользы, общего интереса.

Покидая эту сферу простого обращения, или обмена товаров, из которой фритредер *vulgaris* черпает все свои взгляды, понятия, масштаб всех своих суждений об обществе капитала и наемного труда, – покидая эту сферу, мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *dramatis personae* [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»³¹⁰.

Резюмируем вышеизложенное в интересующем нас аспекте. Рассматривая отношение, складывающееся в сфере обращения между двумя юридически свободными товаровладельцами – капиталистом и наемным рабочим, К. Маркс установил, что в совершаемой им кредитной сделке объектом купли-продажи является своеобразный товар: не труд как таковой, а способность к труду, т. е. рабочая сила. Покупая рабочую силу, капиталист оплачивает ее полную стоимость (в противном случае она деградирует и даже утрачивает свое качество быть личным фактором производства), а использует ее потребительную стоимость. Последняя по своей природе уникальна. Ибо рабочая сила представляет собой единственный вид товара, потребительная стоимость которого состоит в ее способности создавать прибавочную стоимость. Именно благодаря этой способности, она превращается в специфическую потребительную стоимость для капитала. Поскольку потребление рабочей силы осуществляется в сфере производства, то капитал по своей сущности есть исторически определенное общественно-производственное отношение по поводу присвоения (отчуждения) прибавочной стоимости. Акцентируя внимание на этой сфере, К. Маркс дал весьма обстоятельный, развернутый анализ процесса производства капитала в двух диалектически взаимосвязанных аспектах: 1) как прибавочная стоимость порождается капиталом; 2) как капитал возникает из прибавочной стоимости (заметим, эти вопросы рассматриваются в 3–7 отделах первого тома «Капитала» К. Маркса).

³¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 186–187.

Раздел третий

Производство абсолютной прибавочной стоимости

Глава 6

Процесс труда и процесс увеличения стоимости

§ 1. Процесс труда

Как отмечено выше, труд есть потребление рабочей силы. Само же потребление осуществляет покупатель рабочей силы, заставляя работать ее продавца. Вследствие этого последний приводит в движение свою рабочую силу, становится на деле рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь потенциально. Для того чтобы его труд воплотился в товарах, этот труд должен прежде всего воплотиться в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат удовлетворению тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего производить какую-либо особую потребительную стоимость, какую-либо определенную вещь. То обстоятельство, что производство такой потребительной стоимости, или блага, совершается для капиталиста и под его непосредственным контролем, несколько не изменяет общей природы этого производства. Именно «поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы»³¹¹.

Сообразно этому методологическому подходу, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³¹². Изменяя ее, человек вместе с тем изменяет и свою собственную природу, развивает присущие ей силы³¹³.

Подобная деятельность человека в процессе труда всегда осуществляется сознательно и подчинена строго определенной цели. Показывая коренное отличие этой деятельности от инстинктивных действий животного, К. Маркс указывал именно на данную черту – осознанность и целесообразность трудовых операций. В этой связи К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей – архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем больше, чем меньше труд

³¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188.

³¹² Там же.

³¹³ «Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти.»/ Там же. С. 188–189.

увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил»³¹⁴.

Согласно К. Марксу, простые моменты процесса труда включают в себя целесообразную деятельность человека, или самый труд, предмет труда и средства труда. В этом процессе человек воздействует с помощью средств труда на предмет труда, преобразуя его в готовый продукт. Последний есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к удовлетворению человеческих потребностей. Рассматриваемые с точки зрения конечного результата – данного продукта, средства труда и предметы труда выступают как средство производства, а сам труд – как производительный труд. При этом человек, будучи носителем рабочей силы, предстает как личный фактор производства, а средства производства – как вещественный фактор.

По К. Марксу, процесс труда есть процесс производительного потребления средств производства и рабочей силы. Оно отличается от индивидуального (личного) потребления, в котором продукты потребляются как жизненные средства трудящегося индивидуума. «Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производительного потребления – продукт, отличный от потребителя.

Поскольку средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами, труд потребляет продукты для производства продуктов или пользуется продуктами как средствами производства продуктов. Но подобно тому, как первоначально процесс труда совершается лишь между человеком и землей, существующей без содействия, так и теперь в процессе труда все еще принимают участие средства производства, которые даны природой и не представляют собой соединения вещества природы с человеческим трудом.»³¹⁵

С точки зрения этих простых моментов процесс труда есть целесообразная человеческая деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение (отчуждение) данного природой предмета для удовлетворения человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, а потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково имманентен всем ее общественным формам. «Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой – этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста, совершает ли его цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя.»³¹⁶

Возвратимся, однако, к нашему капиталисту. Приобретя на товарном рынке все факторы, необходимые для процесса труда, т. е. средства производства и рабочую силу, он приступает к их использованию на своем особом предприятии: прядильне, обувной фабрике и т. д. При этом капиталист заставляет носителя рабочей силы – рабочего потреблять посредством своего труда средства производства. Разумеется, общий характер процесса труда не изменяется от того, что рабочий осуществляет этот процесс для капиталиста, а не для самого себя. Да и определенный способ, каким, например, изготавливаются сапоги или прядется пряжа, тоже не может сразу измениться вследствие вмешательства капиталиста. Последний должен на первых порах нанять рабочую силу такой, какой он находит ее на рынке, а следовательно и труд использовать таким, каким он существовал в тот период, когда еще не было капиталистов. Ибо изменение самого

³¹⁴ Там же. С. 189.

³¹⁵ Там же. С. 195.

³¹⁶ Там же.

способа производства вследствие подчинения труда капиталу совершается на более поздней ступени, а потому и рассмотрению подлежит позднее.

Процесс труда, как процесс потребления рабочей силы капиталистом, характеризуется двумя своеобразными особенностями.

Во-первых, рабочий работает под непосредственным контролем капиталиста (или его представителя), которому принадлежит труд этого рабочего. Капиталист наблюдает за тем, чтобы этот труд совершался в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно, а стало быть, чтобы сырой материал не растрачивался понапрасну и чтобы с орудиями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требует их употребление в процессе труда.

Во-вторых, продукт труда есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя, т. е. не рабочего. Так как капиталист оплачивает, например, дневную стоимость рабочей силы, то ее потребление принадлежит ему. Ведь «покупателю товара принадлежит потребление товара, а владелец рабочей силы, отдавая свой труд, фактически отдает лишь проданную им потребительную стоимость. С того момента, как он вступает в мастерскую капиталиста, потребительная стоимость его рабочей силы, т. е. ее потребление, труд, принадлежат капиталисту. Куплей рабочей силы капиталист присоединяет самый труд как живой фермент к мертвым, принадлежащим ему же элементам образования продукта. С его точки зрения процесс труда есть лишь потребление купленного им товара при том условии, если присоединит к ней средства производства. Процесс труда есть процесс между вещами, который купил капиталист, между принадлежащими ему вещами. Поэтому продукт этого процесса принадлежит ему в той же мере, как продукт процесса брожения в его винном погребе»³¹⁷.

§ 2. Процесс увеличения стоимости

Будучи собственностью капиталиста, произведенный продукт есть известная потребительная стоимость: пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, например, по словам К. Маркса, образуют основу общественного прогресса и хотя наш капиталист – решительный сторонник этого прогресса, он тем не менее занимается производством сапог не ради них самих. Ибо потребительные стоимости как таковые при товарном производстве вообще и капиталистическом производстве в особенности, производятся лишь потому и постольку, поскольку они являются носителями меновой стоимости, а стало быть, и стоимости. Вследствие этого «наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость»³¹⁸.

В самом деле, так как речь здесь идет о товарном производстве, то, совершенно очевидно, нельзя ограничиваться рассмотрением только одной стороны последнего – процесса труда, в ходе которого создаются потребительные стоимости. Нужно также рассмотреть и другую сторону товарного производства – процесс создания стоимости. Ибо, «как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости»³¹⁹. Эта двойственная природа товара

³¹⁷ Там же. С. 196–197.

³¹⁸ Там же. С. 197.

³¹⁹ Там же.

и процесса его производства обусловлена двойственным характером труда, т. е. конкретным трудом, который создает потребительную стоимость, и абстрактным трудом, который образует стоимость товара.

Переходя к рассмотрению процесса образования стоимости товара, К. Маркс отмечал, что она определяется количеством труда материализованного, или овеществленного, в потребительной стоимости этого товара, рабочим временем, общественным необходимым для его производства. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда и который становится товаром на рынке. Следовательно, нужно прежде всего вычислить стоимость этого товарного продукта, т. е. труд, овеществленный в нем.

Пусть таким продуктом будет, например, пряжа. Для ее производства необходим, прежде всего, соответствующий сырой материал, например, 10 фунтов хлопка. Очевидно, здесь нет никакой необходимости вычислять стоимость потребляемого хлопка, ибо она известна: капиталист купил данный товар на рынке по его стоимости, например, за 10 шиллингов. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил денежное выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что потребляемые при переработке хлопка средства труда – веретена имеют стоимость в 2 шиллинга. Если количество золота в 12 шиллингов есть денежное выражение стоимости продукта, произведенного в течение 24 рабочих часов, или двух рабочих дней, то из этого следует, что в пряже овеществлен труд, затраченный соответственно в течение 2 рабочих дней.

То обстоятельство, что хлопок изменил свою натуральную форму (он превратился в пряжу) и что определенная (потребленная) часть веретен совершенно исчезла, не должно вводить в заблуждение при рассмотрении сути данного вопроса. Так, например, если стоимость 40 ф. пряжи равна стоимости 40 ф. хлопка плюс стоимость потребленного веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для производства этих товаров, то, согласно общему закону стоимости, они представляют собой эквиваленты, т. е. стоимость 10 ф. пряжи равна стоимости 10 ф. хлопка и стоимости $\frac{1}{4}$ веретена. «В этом случае одно и то же рабочее время воплощено один раз в потребительной стоимости пряжи, другой раз – в потребительных стоимостях хлопка и веретена. Следовательно, для стоимости совершенно безразлично, проявляется ли она в пряже, веретене или хлопке. То обстоятельство, что веретено и хлопок, вместо того чтобы спокойно лежать одно подле другого, в процессе прядения вступают в соединение, изменяющее их потребительные формы и превращающее их в пряжу, точно так же не влияет на их стоимость, как если бы они были посредством простого обмена заменены эквивалентным количеством пряжи.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для производства пряжи (хлопок является ее сырым материалом), а потому оно заключено в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без снашивания или потребления которого хлопок не может быть превращен в пряжу.»³²⁰

³²⁰ Там же. С. 198–199. «Итак, – пояснял далее автор, – поскольку имеется в виду стоимость пряжи, т. е. рабочее время, необходимое для производства последней, постольку различные особые, отделенные друг от друга во времени и в пространстве процессы труда, которые должны быть проделаны для того, чтобы произвести самый хлопок и потребленные веретена, а потом из хлопка и веретен произвести пряжу, мы можем рассматривать как различные последовательные фазы одного и того же процесса труда. Весь заключающийся в пряже труд есть прошлый (овеществленный. – *Н.С.*) труд. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства элементов созидания пряжи, уже миновало и относится к давно прошедшему времени, между тем как труд непосредственно затраченный на заключительный процесс, на прядение, ближе к настоящему, является просто прошедшим временем, не имеет решительно никакого значения. Если на постройку дома необходимо определенное количество труда, например, 30 рабочих дней, то общее количество рабочего времени, воплощенного в доме, не изменится то того, что 30-й день труда вступил в производство через 29 дней после первого. И потому рабочее время, заключающееся в материале труда и средствах труда, мы можем рассматривать совершенно таким же образом, как если бы оно было затрачено просто на более ранней стадии процесса прядения до того труда, который был присоединен в конце, в форме прядения.» / Там же. С. 199.

Итак, стоимости средств производства, т. е. хлопка и веретен, выраженные в цене 12 шиллингов, образуют составные части стоимости произведенного продукта, или стоимости пряжи.

Этот процесс образования стоимости последней предполагает наличие двух основных условий. Во-первых, хлопок и веретена должны послужить на самом деле предметом труда и средствами труда для производства известной потребительной стоимости, в данном случае, пряжи. При этом обнаруживается, что для стоимости вообще безразлично, какая потребительная стоимость служит ее носителем, но таким носителем стоимости во всяком случае должна служить какая-нибудь потребительная стоимость. Во-вторых, здесь затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства пряжи как особой потребительной стоимости. Следовательно, если бы, например, необходим был только 1 ф. хлопка для того, чтобы выпрясть 1 ф. пряжи, то соответственно на производство этого 1 ф. пряжи может быть потреблен только 1 ф. хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришла в голову безумная мысль о применении золотых веретен вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы, тем не менее, лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен, поскольку именно они используются в качестве средств труда в данном производстве.

Таким образом, нам известно, какую часть стоимости пряжи образуют стоимости средств производства, т. е. хлопка и веретен. Она равняется 12 шиллингам, или представляет собой материализацию двух рабочих дней. Следовательно, здесь речь идет о той части стоимости, которую труд рабочего (прядильщика) присоединяет к стоимости хлопка.

Однако этот труд нужно теперь рассмотреть с совершенно иной стороны, отличной от процесса труда. С точки зрения этого процесса труд есть целесообразная деятельность, в ходе которой хлопок превращается в пряжу посредством веретен. Разумеется, чем более целесообразен такой труд, тем, при прочих равных условиях, лучше производимая им пряжа.

Нетрудно видеть, что здесь труд прядильщика выступает как конкретный труд, который специфичен и качественно отличается от других видов подобного (производительного) труда. Это качественное отличие проявляется субъективно и объективно в особой цели прядения, особом характере его операций, особой потребительной стоимости его продукта. Поэтому хлопок и веретена необходимы лишь для прядельного труда, но при их помощи нельзя, например произвести пушки.

Напротив, поскольку абстрактный труд прядильщика создает стоимость, а потому является ее источником, «он нисколько не отличается от труда оружейника или, что в данном случае ближе для нас, от труда хлопководы и производителя веретен, воплощенного в средствах производства пряжи. Только благодаря этой тождественности возделывание хлопка, производство веретен и прядение могут образовать части одной и той же общей стоимости пряжи, отличающиеся одна от другой лишь количественно. Здесь дело идет уже не о качестве, не о свойствах и содержании труда, а только о его количестве. Последнее легко учесть. Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд»³²¹.

Как мы видели, во время процесса труда самый труд постепенно переходит из одной формы конкретной деятельности в другую, из формы движения в форму предметности. Но по окончании одного часа это движение, характеризующее результат прядения, выражается в известном количестве пряжи, и следовательно, определенное количество труда, один рабочий час оказывается овеществленным в хлопке. Иными словами, здесь речь идет не о специфической затрате рабочей силы прядильщика, т. е. не о конкретном труде, а о затрате жизненной силы этого прядильщика в течение одного часа, т. е. об абстрактном труде.

При этом решающее значение имеет то обстоятельство, чтобы в ходе данного процесса, т. е. во время превращения хлопка в пряжу, затрачивалось только общественно необходимое

³²¹ Там же. С. 200.

рабочее время. Так, «если при нормальных, т. е. средних общественных условиях производства а фунтов хлопка за один рабочий час должны быть превращены в b фунтов пряжи, то, значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который а фунтов хлопка х на 12 превращает b фунтов пряжи х 12. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет при образовании стоимости.

Как самый труд, так и сырой материал и продукт являются здесь в совершенно ином свете, чем с точки зрения собственно процесса труда. Сырой материал имеет здесь значение лишь как нечто впитывающее определенное количество труда. Посредством этого впитывания он действительно превращается в пряжу, потому что рабочая сила была затрачена и присоединена к нему в форме прядения. Продукт же, пряжа, служит теперь только мерилom труда, впитанного хлопком. Если в течение одного часа переработана $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка, или превращено в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то 10 фунтов пряжи указывают на 6 впитанных рабочих часов. Определенные, устанавливаемые опытом количества продукта представляют теперь только определенные количества труда, определенные массы застывшего рабочего времени. Они – только материализация одного часа, двух часов, одного дня общественного труда»³²².

Кроме того, при купле-продаже рабочей силы предполагается, что ее дневная стоимость равна 3 шиллингам, что в них воплощено 6 рабочих часов и что, следовательно, именно это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму жизненных средств рабочего, достаточную на один рабочий день. Если, например, прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1\frac{2}{3}$ ф. хлопка в $1\frac{2}{3}$ ф. пряжи, то за 6 часов он превратит 10 ф. хлопка в 10 ф. пряжи. Следовательно, а процессе прядения, осуществляемым рабочим, хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в определенном количестве денег (золота), т. е. в цене, равной 3 шиллингам. Таким образом, самим процессом прядения к стоимости хлопка присоединяется стоимость в 3 шиллинга (напомним, в данном случае цена хлопка совпадает с его стоимостью).

Какова же общая стоимость произведенного продукта – этих 10 ф. пряжи? В них овеществлено $2\frac{1}{2}$ рабочих дня: 2 дня содержатся в хлопке и веретенах, $\frac{1}{2}$ рабочего дня впитана во время процесса прядения. Это же самое рабочее время выражается в известном количестве денег (золота) в 15 шиллингов. Следовательно, цена этих 10 ф. пряжи, совпадающая с их стоимостью, составляет 15 шиллингов, а цена 1 ф. пряжи – 1 шиллинг и 6 пенсов.

Говоря современным языком, такой бизнес неприемлем для нашего капиталиста, поскольку он не обеспечивает получение прибыли. В самом деле, стоимость произведенного продукта равна стоимости авансированного капитала. Вследствие этого авансированная стоимость не возросла, а потому деньги не превратились в капитал. Ведь цена 10 ф. пряжи равна 15 шиллингам, и 15 же шиллингов были израсходованы на приобретение элементов производства данного продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шиллингов на хлопок, 2 шиллинга на потребленное количество веретен и 3 шиллинга на рабочую силу³²³.

³²² Там же. С. 201. Причем «то обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его – хлопок, а продукт – пряжа, здесь не имеет значения точно так же, как и то обстоятельство, самый предмет труда уже есть продукт, следовательно – сырой материал. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда, уголь, был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество добытого из залежей угля, например один центнер, предоставляло бы определенное количество впитанного труда». / Там же.

³²³ Но «от разбухшей стоимости пряжи нет никакого проку, потому что эта стоимость представляет собой просто сумму стоимостей, которые раньше распределялись между хлопком, веретенами и рабочей силой, а ведь из такого простого сложения существующих стоимостей никогда не может возникнуть прибавочная стоимость. Все эти стоимости сконцентрированы теперь в одной вещи, но они были сконцентрированы таким же образом и в денежной сумме в 15 шилл., прежде чем она раздроблялась вследствие купли трех товаров. Сам по себе этот результат не удивителен. Стоимость одного фунта пряжи 1 шилл. 6 пенсов, и потому за 10 ф. пряжи наш капиталист должен был бы уплатить на товарном рынке 15 шиллингов. Купит ли он дом для себя готовым на рынке или же будет строить его сам, ни одна из этих операций не увеличит количество денег, затраченных на приобретение дома». / Там же. С. 202. Иными словами, прибавочная стоимость не может возникнуть в сфере обращения вследствие приобретения различных товаров и суммирования их стоимости

Как заметил К. Маркс, наш капиталист, который кое-что смыслит в вульгарной политической экономии, скажет, быть может, что он авансировал деньги с тем намерением, чтобы получить из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена благими намерениями, а потому у капиталиста точно так же могло бы появиться вполне определенное намерение: добывать деньги, ничего не производя. Поэтому «он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его братья-капиталисты поступят точно так же – где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается а поучения. Следует-де принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 шиллингов. Вместо того он потребил их производителью и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Ему совсем не приличествует сбиваться на роль собирателя сокровищ, который демонстрировал нам, что может получиться при аскетизме. Кроме того, на нет и суда нет. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить это отречение, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Успокоиться бы ему на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо этого капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он произвел ее для продажи. Ну, что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления – рецепт, который однажды уже прописал ему его домашний врач Мак-Куллох, как испытанное средство и против эпидемии перепроизводства. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Разве рабочий создает продукты только при помощи своих рук, разве он создает товары из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами, неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он кроме того снабдил еще жизненными средствами? Но разве рабочий, с своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, труда ли. Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 шиллинга. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 шилл., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш приятель, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает неприятный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свое прежнее выражение лица. Он просто дурачил нас всеми своими причитаниями. Все это не стоит и гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые собственно за это и оплачиваются. Сам же он – практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере»³²⁴.

Присмотримся к его бизнесу повнимательнее. Дневная стоимость рабочей силы, потребляемая капиталистом, составляет 3 шиллинга, потому что в ней самой овеществлена лишь половина рабочего дня, т. е. именно потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, а стало быть, существования рабочего, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который затрачен на воспроизводство рабочей силы и живой труд, который она может выполнять, т. е. ежедневные издержки по ее сохранению и ее еже-

³²⁴ Там же. С. 203–204.

дневная затрата – это две совершенно различные величины. Первая определяет меновую стоимость, а следовательно и стоимость рабочей силы, вторая составляет потребительную стоимость последней. То известное обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего (как, впрочем, и членов его семьи) в течение 24 часов вполне достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Поэтому стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду прежде всего различие этих двух стоимостей. Полезное свойство рабочей силы, ее способность производить, например, пряжу или сапоги, является здесь только необходимым условием, потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме, т. е. конкретный труд. Но решающее значение в этом процессе имела специфическая потребительная стоимость рабочей силы – особого товара, его оригинальное свойство быть источником стоимости, причем большей стоимости, чем стоимость этого товара. Именно это и есть та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно известным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы – рабочий, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Рабочий не может получить оплату первой, не отчуждая оплату второй. Но «потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла – торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу»³²⁵.

Именно это обстоятельство имел в виду капиталист, занимаясь своим бизнесом. Поэтому рабочий, продавший свою рабочую силу капиталисту, находит в мастерской последнего необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового рабочего дня, в течение которого совершается процесс труда. Например, если 10 ф. хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 ф. пряжи, то соответственно 20 ф. хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 ф. пряжи.

Рассмотрим более подробно продукт, произведенный в течение удлинённого процесса труда. В этих 20 ф. пряжи овеществлено уже 5 рабочих дней: 4 содержатся в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком в процессе прядения. Но денежное выражение стоимости продукта, произведенного за 5 дней, равно 30 шиллингам, или 1 ф. ст. 10 шиллингов. Следовательно, это и есть цена 20 ф. пряжи, совпадающая со стоимостью последней. Между тем фунт пряжи по-прежнему стоит 1 шиллинг и 6 пенсов. Однако сумма стоимостей товаров, вовлеченных в данный процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость же пряжи теперь составляет 30 шиллингов. В результате стоимость произведенного продукта возросла на $\frac{1}{9}$ в сравнении с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом, авансированные 27 шиллингов превратились в 30 шиллингов. Наконец, бизнес капиталиста стал успешным. Ибо его деньги превратились в капитал.

Важно отметить, что при этом все условия вышеуказанной проблемы соблюдены, поскольку законы товарного обращения не нарушены. Ведь здесь эквивалент обменивался на эквивалент. Действительно, капиталист как покупатель оплачивал каждый приобретаемый им товар – хлопок, веретена, рабочую силу – по его стоимости. Затем капиталист поступил так, как поступает всякий другой покупатель товара. Он производительно потребил их потребитель-

³²⁵ Там же. С. 205.

ную стоимость. Процесс такого потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, материализовался в данном продукте – 20 ф. пряжи. Теперь капиталист, который раньше покупал товары, возвращается на рынок и продает свой товар. Причем, он продает фунт пряжи по 1 шиллингу и 6 пенсов, т. е. по его стоимости. И, тем не менее, капиталист извлекает из обращения на 3 шиллинга больше, чем первоначально затратил на него. «Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения – потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении – потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства»³²⁶. Именно таким образом разрешается противоречие всеобщей формулы капитала.

Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами производимого продукта, или факторами процесса труда, и присоединяя к мертвой предметности последних живую рабочую силу, капиталист превращает тем самым «стоимость – прошлый, овеществленный, мертвый труд – в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевленное чудовище, которое начинает «работать», «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти»³²⁷.

Если сравнить теперь процесс образования стоимости с процессом труда, то мы увидим, что последний заключается в полезной форме труда, т. е. в конкретном труде, производящем потребительные стоимости. Поэтому данный процесс рассматривается с качественной стороны, т. е. со стороны его особого характера, цели и содержания. Напротив, процесс образования стоимости заключается в абстрактном труде, образующим стоимость товаров. Вследствие этого данный процесс рассматривается исключительно с количественной стороны. Поэтому здесь речь идет только о том рабочем времени, которое требуется абстрактному труду для осуществления его операции, или только о продолжительности временного периода, в течение которого производительно затрачивается рабочая сила. И соответственно «товары, которые входят в процесс труда, имеют здесь значение уже не как функционально определенные, вещественные факторы целесообразно действующей рабочей силы. Они учитываются лишь как определенные количества овеществленного труда. И труд заключается ли он в средствах производства или же присоединяется рабочей силой, учитывается лишь по количеству времени. Он составляет столько-то часов, дней и т. д.»³²⁸.

Однако такой труд принимается во внимание лишь постольку, поскольку рабочее время, затраченное на производства потребительной стоимости, общественно необходимо. Оно охватывает ряд различных моментов.

Во-первых, рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях производства. Так, если прядильная машина является общественно господствующим средством труда, то рабочему нельзя предоставлять, например, старинную прялку. Кроме того, он должен получить хлопок нормального качества, а не какие-либо отбросы, которые рвутся каждую минуту. Иначе рабочему и в том, и в другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить больше рабочего времени, чем общественно необходимое рабочее время. Но это излишнее время не создало бы стоимости и стало быть, и денег, которые могли бы быть получены после ее реализации.

Во-вторых, сама рабочая сила также должна иметь нормальный характер. Это означает, что в той специальности, в которой применяется рабочая сила, она должна обладать установившейся в обществе средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Здесь предполагается, что капиталист купил на рынке труда рабочую силу нормального качества. Сообразно этому она должна затрачиваться с общественно обычной степенью интенсивности, т. е. с обще-

³²⁶ Там же. С. 206.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же. С. 207.

ственно обычной средней степенью напряжения. Поэтому капиталист строго следит за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута рабочего времени не расточалась даром, без осуществления труда. Ведь он купил рабочую силу на определенный срок, а потому хочет получить то, что ему принадлежит и не хочет, чтобы его обкрадывали.

В-третьих, не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что, будучи неразумно израсходованными, они представляют собой излишне затраченные количества овеществленного труда, которые не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта, а следовательно и в процессе ее увеличения.

«Итак, – писал в этой связи К. Маркс, – выведенное уже раньше из анализа товара различие между трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, и тем же самым трудом, поскольку он создает стоимость (т. е. между конкретным и абстрактным трудом – *Н.С.*), теперь выступает как различие между разными сторонами процесса производства.

Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства.»³²⁹

Согласно К. Марксу, следует, однако, иметь в виду, что для процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный (отчужденный) капиталистом труд рабочего представлять простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд более высокой квалификации, или труд с более высоким удельным весом в определенной отрасли производства. Как известно, последний, в сравнении с первым, есть по своей сути «проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которое имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость. В обоих случаях прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вследствие большей продолжительности того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом – процесса ювелирного производства.

С другой стороны, в каждом процессе образования стоимости высший труд всегда должен сводиться к среднему общественному труду, например один день высшего труда к x дням простого труда. Следовательно, мы избежим излишней операции и упростим анализ, если предположим, что рабочий, применяемый капиталом, выполняет простой, средний общественный труд»³³⁰.

Глава 7. Постоянный и переменный капитал

В процессе труда принимают участие два различных фактора: 1) объективный, или вещественный, фактор, то есть средства производства, и 2) субъективный, или личный, фактор, то есть рабочая сила. Поэтому они играют совершенно различную роль в образовании и увеличении стоимости производимого продукта.

Носитель рабочей силы – рабочий, затрачивая определенное количество труда, создает новую стоимость, причем большую, чем стоимость самой рабочей силы, и присоединяет ее к

³²⁹ Там же. С. 208.

³³⁰ Там же. С. 208–209.

предмету труда, каковы бы ни были цель, конкретное содержание и технический характер этого труда. Одновременно при этом стоимость потребленных средств производства входит в виде составных частей в стоимость произведенного продукта, например, стоимость хлопка и веретен – в стоимость пряжи, принадлежащей капиталисту. «Следовательно, стоимость средств производства сохраняется, переносится на продукт, это перенесение совершается во время превращения средств производства в продукт, в процессе труда. Оно совершается посредством труда. Но каким образом?»³³¹

Ведь процесс труда суть единый процесс, а потому рабочий не работает вдвойне в одно и то же время: сначала для того, чтобы создать новую стоимость и присоединить ее к стоимости хлопка, а потом для того, чтобы сохранить старую стоимость хлопка и веретен и перенести ее на продукт, пряжу. В действительности же «старую стоимость он сохраняет путем простого присоединения новой стоимости. Но так как присоединение новой стоимости к предмету труда и сохранение старых стоимостей в продукте суть два совершенно различных результата, достигаемых рабочим в одно и то же время, хотя в это время он работает не вдвойне, то эта двойственность результата, очевидно, может быть объяснена лишь двойственным характером самого его труда. В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость»³³².

Возникает вопрос: каким же образом каждый рабочий присоединяет рабочее время, а потому новую стоимость к хлопку?

Ответ К. Маркса гласит: всегда только в форме своеобразного производительного труда, или конкретного труда, рабочего. Так, прядильщик присоединяет рабочее время, а стало быть, и новую стоимость только тем, что он прядет, ткач только тем, что он ткёт, кузнец только тем, что он куёт. И только вследствие той целесообразной формы, в которой осуществляется конкретный труд, т. е. прядения, ткачества иковки, средства производства – хлопок и веретена, пряжа и ткацкий станок, железо и наковальня – становятся вещественными элементами создания продукта, новой потребительной стоимости. При этом старая форма их потребительной стоимости исчезает, но только для того, чтобы появиться в новой форме потребительной стоимости. Что же касается рабочего времени, затраченного на создание использованной потребительной стоимости, то оно составляет часть рабочего времени, необходимого для создания новой потребительной стоимости, т. е. представляет собой общественно необходимое рабочее время, переносимое с потребленных средств производства на новый продукт. Следовательно, рабочий сохраняет стоимости этих средств производства, или переносит эти стоимости и на данный продукт как составные части стоимости последнего не путем присоединения своего труда вообще, т. е. абстрактного труда, а вследствие конкретного труда, т. е. специфически производительной формы этого труда. Будучи такой целесообразной производственной деятельностью, прядение, ткачество, ковка, т. е. конкретный труд «воскрешает средства производства из мертвых; одушевляя эти средства производства, он превращает их в факторы процесса труда и соединяется с ними в продукты.

Если бы специфический производительный труд рабочего не был (например, – *Н.С.*) прядением, то он не превратил бы хлопок в пряжу, следовательно и стоимости хлопка и веретен не перенес бы на пряжу. Напротив, если тот же самый рабочий переменит профессию и сделается столяром, то он по-прежнему своим рабочим днем будет присоединять стоимость к соответственному материалу. Следовательно, он присоединяет ее своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд (то есть конкретный труд, – *Н.С.*), а поскольку – он абстрактный, общественный труд вообще, и определенную величину стоимости он присоединяет не потому, что его труд имеет особое полезное содержание, а потому, что он продолжа-

³³¹ Там же. С. 210.

³³² Там же.

ется в течение определенного времени. Таким образом, в своем абстрактном общем свойстве как затрата человеческой рабочей силы, труд прядильщика присоединяет к стоимости хлопка и веретен новую стоимость, а в своем конкретном, особенном, полезном свойстве, как процесс прядения, он переносит на продукт стоимость этих средств производства и таким образом сохраняет их стоимость в продукте. Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время.

Простым количественным присоединением труда присоединяется новая стоимость, вследствие же особого качества присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двустороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, наглядно обнаруживается в различных явлениях»³³³.

Предположим, что производительная сила прядильного труда рабочего повысилась вследствие какого-либо технического изобретения. Это дало ему возможность перепрядь, например, в течение 6 часов столько хлопка, сколько раньше перепрядалось им за 36 часов. Иными словами, производительная сила труда прядильщика увеличилась в 6 раз. Сообразно этому, с одной стороны, и производимый продукт ушестерен: 36 ф. вместо 6 ф. пряжи. Но эти 36 ф. пряжи теперь впитывают столько же рабочего времени, сколько раньше впитывали 6 часов рабочего времени, а потому к ним присоединяется нового труда в шесть раз меньше, чем при прежних методах изготовления пряжи, т. е. присоединяется лишь одна шестая часть той стоимости, которая присоединилась раньше. С другой стороны, в 36 ф. пряжи заключается теперь ушестеренная стоимость хлопка, созданная в течение 6 часов прядения. При этом одновременно сохранена и перенесена на производимый продукт в шесть раз большая стоимость сырого материала, хотя к последнему теперь присоединяется в шесть раз меньшая новая стоимость. Это обстоятельство «показывает, насколько существенно отличается то свойство труда, вследствие которого он во время одного и того же нераздельного процесса сохраняет стоимость, от того его свойства, в силу которого он создает стоимость. Чем больше необходимого рабочего времени приходится во время операции прядения на данное количество хлопка, тем больше новая стоимость, присоединяемая к хлопку, но чем большее количество фунтов хлопка перепрядается в течение данного количества рабочего времени, тем больше старая стоимость, сохраняемая в продукте»³³⁴.

Предположим, наоборот, что производительная сила прядильного труда рабочего останется прежней, т. е. она не изменилась. В этом случае для того чтобы один фунт хлопка превратить в один фунт пряжи, рабочему требуется такое же количество рабочего времени, как и раньше. Но допустим, что изменилась стоимость самого хлопка: она увеличилась или уменьшилась в шесть раз. В обоих случаях рабочий к данному количеству хлопка продолжает присоединять то же самое рабочее время, а потому ту же самую стоимость, и одновременно в обоих этих случаях в течение данного рабочего времени он производит то же самое количество пряжи. Однако та стоимость, которую рабочий с хлопка переносит на пряжу в одном случае в шесть раз меньше, а в другом случае в шесть раз больше, чем было раньше. Аналогичная ситуация складывается и в том случае, если средства производства вздорожают или удешевятся, но по-прежнему будут функционировать в процессе труда.

Наконец, если технические условия процесса прядения остаются неизменными, а также если не произойдет никаких изменений в стоимости соответствующих средств производства, то рабочий в течение одинакового рабочего времени будет потреблять такое же, как и раньше, количество сырого материала и машин такой же, как и раньше, стоимости. В этом случае стоимость, которую он сохраняет в продукте, прямо пропорциональна той новой стоимости, которую он присоединяет. Разумеется, в течение, например, двух недель рабочий присоединяет

³³³ Там же. С. 211–212.

³³⁴ Там же. С. 212.

вдвое больше труда, чем в одну неделю, а стало быть, и вдвое большую стоимость; но в то же самое время он потребляет вдвое больше материала, представляющего вдвое большую стоимость, и потребляет вдвое больше машин, представляющих вдвое большую стоимость. Отсюда следует, что в продукте двух недель рабочий сохраняет вдвое большую стоимость, чем в продукте одной недели. Поэтому «при данных неизменяющихся условиях производства рабочий сохраняет тем большую стоимость, чем большую стоимость он присоединяет, но он сохраняет большую стоимость не потому, что он присоединяет большую стоимость, а потому, что присоединяет ее при неизменяющихся и не зависящих от его собственного труда условиях»³³⁵.

Стоимость, если отвлечься от ее чисто символического выражения в знаке стоимости, всегда существует в той или иной потребительной стоимости, в той или иной вещи (даже сам человек, рассматриваемый только как носитель (наличное бытие) рабочей силы, есть не что иное как предмет природы, вещь, хотя и живая, сознательная вещь, а самый труд есть материальное проявление этой силы). Именно поэтому, если утрачивается потребительная стоимость обычного товара, то утрачивается и стоимость последнего. Но средства производства не утрачивают своей стоимости одновременно со своей потребительной стоимостью, поскольку в процессе труда они утрачивают первоначальную форму своей потребительной стоимости в действительности только потому, чтобы в новом продукте приобрести форму другой потребительной стоимости. Однако «как ни важно для стоимости существовать в виде какой-либо потребительной стоимости, для нее, как показывает метаморфоз товаров, безразлично, в какой потребительной стоимости она существует. Из этого следует, что в процессе труда стоимость переходит со средств производства на продукт лишь в той мере, в какой средства производства вместе со своей самостоятельной потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость (а стало быть, и стоимость. — *Н.С.*). Они не передают продукту только ту стоимость, которую они утрачивают как средства производства. Но в этом отношении с различными материальными факторами процесса труда дело обстоит различно»³³⁶.

Так, уголь, который сжигают в топке машины, исчезает бесследно, подобно тому, как и масло, которым смазывается ось колеса и т. д. Потребляемые краски и другие вспомогательные материалы также исчезают, но проявляются в свойствах нового продукта. Сырой материал образует вообще субстанцию данного продукта, но вместе с тем изменяет свою форму. Следовательно, предметы труда, т. е. вспомогательные материалы и сырой материал утрачивают ту самостоятельную форму, в которой они вступили в процесс труда как потребительные стоимости.

Иначе обстоит дело со средствами труда, которые принимают участие в этом процессе. Например, инструменты, машины, фабричные здания служат здесь лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они могут функционировать в процессе труда в этой самой форме. «Как во время своей жизни, т. е. в процессе труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое средство, со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят на свалку, то увидим, что его потребительная стоимость полностью потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость (стоимость. —

³³⁵ Там же. С. 123. «Конечно, в известном относительном смысле можно сказать, что рабочий всегда сохраняет старые стоимости в той самой пропорции, в какой он присоединяет новую. Как бы ни изменилась стоимость хлопка, вздорожает ли он с 1 шилл. до 2 шилл., или подешевеет на 6 пенсов, рабочий в продукте одного часа всегда сохраняет вдвое меньшую стоимость, чем в продукте двух часов. Далее, если изменяется производительность его собственного труда (производительная сила его собственного труда. — *Н.С.*), если она повышается или понижается, то он, например, в один рабочий час перепрядет больше или меньше хлопка, чем раньше, и соответственно этому сохранит большую или меньшую стоимость хлопка в продукте одного рабочего часа. Но при всем том в два рабочих часа он сохранит вдвое большую стоимость, чем в один рабочий час.» / Там же.

³³⁶ Там же. С. 214.

Н.С.) целиком перешла на продукт. Например, если прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни средств труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда».

Причем «со средствами труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако это не препятствует обществом страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и со средствами труда. Из опыта известно, сколько времени может в среднем просуществовать данное средство труда, например известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $\frac{1}{6}$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $\frac{1}{6}$ своей стоимости. Этим способом исчисляется изнашивание всех средств труда, например, ежедневная утрата, и соответствующее этому ежедневное перенесение их стоимости на продукт»³³⁷.

Итак, средства производства, т. е. предметы и средства труда никогда не отдают производственному продукту больше стоимости, чем они утрачивают ее в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Поэтому если бы средства производства не имели стоимости, то им было бы нечего утрачивать. Иными словами, если бы средства производства не являлись продуктами человеческого труда, то они не передавали бы новому продукту никакой стоимости. В таком случае средства производства служили бы для образования потребительной стоимости, не участвуя при этом в образовании стоимости. Именно «так обстоит дело со всеми средствами производства, которые даны природой без содействия человека: с землей, ветром и водой, железом в рудной жиле, деревом в девственном лесу и т. д.»³³⁸.

Здесь, однако, обращает на себя внимание другое явление. Предположим, что стоимость машины составляет, например, 1000 ф. ст., и что она изнашивается в течение 1000 дней. Естественно, в этом случае $\frac{1}{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на созданный при ее помощи дневной продукт. В то же время вся машина в целом продолжает, хотя и с убывающей жизненной силой, по-прежнему функционировать в процессе труда. Таким образом, получается, что данный фактор процесса труда, данное средство труда, целиком принимает участие в этом процессе труда, но лишь частью – в процессе образования стоимости. Различие между ними отражается здесь на их материальных факторах таким образом, что одно и то же средство труда как элемент процесса труда целиком входит в этот процесс, а как элемент образования стоимости входит в него лишь частями.

Напротив, предметы труда входят целиком в процесс образования стоимости, хотя в процесс труда они входят только частью. Предположим, что при прядении из 115 ф. хлопка ежедневно выпадают 15 ф., которые образуют не пряжу, а лишь отходы (в данном случае в виде пыли). Однако, если эти отходы в 15 ф. являются нормальными (с технологической точки зрения), если они не устранимы при средних условиях переработки хлопка, то стоимость этих 15 ф. хлопка, не образующих реального элемента пряжи, совершенно так же входят в стоимость самой пряжи, как и стоимость тех 100 ф., которые образуют вещественное содержание последней. Получается, что для того чтобы произвести 100 ф. пряжи, нужно потребительную стоимость 15 ф. хлопка превратить в отходы (пыль). Следовательно, эти отходы есть условие производства пряжи, а потому они и передают ей свою стоимость. Это относится не только к данным, но и ко всем отходам процесса труда, поскольку они не являются новыми предме-

³³⁷ Там же. С. 214–215.

³³⁸ Там же. С. 215.

тами труда и вследствие этого не образуют вновь самостоятельных потребительных стоимостей, вовлекаемых в данный процесс³³⁹.

Сказанное означает, что «лишь постольку, поскольку средства производства во время процесса труда утрачивают стоимость, существующую в форме потребительных стоимостей этих средств производства, они переносят стоимость на новую форму продукта. Максимум потери стоимости, которую они могут претерпеть в процессе труда, очевидно ограничен той первоначальной величиной стоимости, с которой они вступают в процесс труда, или рабочим временем, необходимым для их собственного производства. Поэтому средства производства никогда не могут присоединить к продукту стоимость большую, чем та, которой они обладают независимо от обслуживаемого ими процесса труда. Как бы полезен ни был известный материал труда, известная машина, известное средство производства, все же, если они стоят 150 ф. ст., скажем 500 рабочих дней, они никогда не присоединят более 150 ф. ст. к тому продукту, для создания которого они служат. Их стоимость определяется не тем процессом труда, в который они входят как средства производства, а тем процессом труда, из которого они выходят как продукт. В процессе труда они служат только как потребительные стоимости, как вещь с полезными свойствами, и потому они не передали бы продукту никакой стоимости, если бы не обладали стоимостью до своего вступления в процесс»³⁴⁰.

В то время как конкретный труд превращает потребительную стоимость средств производства в элементы процесса создания нового продукта, с их стоимостью, по словам К. Маркса, совершается своего рода внешнее «переселение души». Из потребляемой потребительной стоимости (тела) она «переселяется» во вновь создаваемую потребительную стоимость (тело). Но такое «переселение души» совершается как бы вне процесса данного труда. Ведь рабочий не может присоединять нового труда, а стало быть, не может создавать новую стоимость, не сохраняя старых стоимостей. Дело в том, что он должен присоединить свой труд (причем каждый раз в процессе осуществления последнего) в определенной полезной форме, т. е. как конкретный труд, а присоединить такой труд он не может, не превращая известные продукты в средства производства нового продукта и не перенося тем самым их стоимость на этот новый продукт. «Следовательно, сохранять стоимость посредством присоединения стоимости это есть природный дар, проявляющийся в действии рабочей силы – живого труда, дар природы, который ничего не стоит рабочему, но много приносит капиталисту, именно обеспечивает ему сохранение наличной капитальной стоимости. Пока дело идет успешно, капиталист слишком погружен в извлечение прибыли, чтобы замечать этот бесплатный дар труда. Насильственные перерывы процесса труда, кризисы делают его для капиталиста заметным до осязательности.»³⁴¹

Таким образом, вследствие потребления в процессе труда потребительной стоимости средств производства конкретный труд создает новый продукт. Стоимость же их в действительности не потребляется, а потому она не может быть воспроизведена. Напротив, стоимость средств производства сохраняется, но не потому, что с ней совершается какая-нибудь операция в процессе труда, а потому, что та потребительная стоимость, в которой она первоначально существовала, хотя и исчезает, но исчезает лишь для того, чтобы появиться в другой потребительной стоимости, создаваемой конкретным трудом. «Поэтому стоимость средств производства опять появляется в стоимости продукта, но, строго говоря, не воспроизводится. Производится новая потребительная стоимость, в которой вновь появляется меновая стоимость (стоимость. – *Н.С.*)»³⁴².

³³⁹ «Так, на больших машиностроительных фабриках Манчестера можно видеть горы отходов железа в виде стружки, получившейся при работе циклопических машин; вечером эти отходы в огромных повозках переправляются с фабрики на железодельный завод, откуда на другой день опять возвращаются на фабрику в виде массивного железа.» / Там же. С. 216.

³⁴⁰ Там же. С. 217.

³⁴¹ Там же. С. 218.

³⁴² Там же. С. 218–219.

Совершенно иначе обстоит дело с субъективным фактором процесса труда, т. е. с рабочей силой, проявляющейся в действии. В то время как конкретный труд, благодаря его полезной (целесообразной) форме переносит стоимость средств производства на новый продукт и тем самым сохраняет ее, абстрактный труд в каждый момент его движения (в рамках конкретного труда) создает прибавочную стоимость. Предположим, что процесс труда завершился на том пункте, когда рабочий произвел эквивалент стоимости своей рабочей силы, когда он, например, шестичасовым трудом присоединил к предмету труда стоимость в 3 шиллинга. Она образует избыток стоимости произведенного продукта над теми элементами последней, которые своим происхождением обязаны стоимости средств производства, т. е. первоначально авансированной стоимости. Эта стоимость рабочей силы есть новая стоимость, которая возникла в процессе труда и которая создана абстрактным трудом в этом процессе³⁴³.

Ибо, как известно, процесс труда продолжается за пределы, в рамках которых воспроизводится и присоединяется к предмету труда эквивалент стоимости рабочей силы. Так, вместо 6 рабочих часов, которых для этого было достаточно, данный процесс продолжается, например, 12 рабочих часов. «Следовательно, действием рабочей силы не только воспроизводится ее собственная стоимость, но и производится кроме того избыток стоимости. Эта прибавочная стоимость образует избыток стоимости продукта над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы.»³⁴⁴

По словам К. Маркса, выявив те различные роли, которые различные факторы процесса труда играют в образовании и увеличении стоимости, мы тем самым охарактеризовали по существу функции различных частей капитала в процессе его собственного возрастания. При этом обнаружилось, что «избыток всей стоимости над суммой стоимости элементов, участвующих в его образовании, есть избыток возросшего в своей стоимости капитала над первоначально авансированной капитальной стоимостью. Средства производства, с одной стороны, рабочая сила – с другой, представляют собой лишь различные формы существования, которые приняла первоначальная капитальная стоимость в результате совлечения с себя денежной формы и своего превращения в факторы процесса труда»³⁴⁵.

Определяя в этой связи сущностные формы капитала, К. Маркс писал: «Итак, часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяют величины своей стоимости. Поэтому я называю ее **постоянной частью капитала**, или, короче, **постоянным капиталом**.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее **переменной частью капитала**, короче, **переменным капиталом**. Те самые **составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения увеличения стоимости различаются как постоянный и переменный капитал** (выделение наше – Н.С.)»³⁴⁶.

³⁴³ «Конечно, она просто возмещает те деньги, которые были авансированы капиталистом при купле рабочей силы и израсходованы самим рабочим на жизненные средства. По отношению к этим израсходованным 3 шилл. новая стоимость в 3 шилл. выступает как просто воспроизводство первых. Но она действительно воспроизведена, а не только по видимости, как стоимость средств производства. Возмещение одной стоимости другой опосредствовано здесь созданием новой стоимости.» / Там же. С. 219. Заметим, новая стоимость включает в себя, наряду со стоимостью рабочей силы, и прибавочную стоимость.

³⁴⁴ Там же. С. 219–220.

³⁴⁵ Там же. С. 220.

³⁴⁶ Там же.

Согласно К. Марксу, нужно иметь в виду, что понятие постоянного капитала вовсе не исключают революции в стоимости его составных частей. Предположим, что один фунт хлопка стоит сегодня, например, 6 пенсов, а завтра вследствие неурожая этого хлопка цена его повышается до 1 шиллинга. В результате прежний хлопок, который продолжают выращивать, куплен по стоимости 6 пенсов, но он присоединяет теперь к стоимости известного продукта часть ее в 1 шиллинг. Соответственно перепряденный хлопок, обращающийся на рынке в виде пряжи, присоединяет к данному продукту величину стоимости, тоже вдвое большую, чем его первоначальная стоимость. Как видим, эти изменения стоимости никак не связаны с возрастанием стоимости хлопка в самом процессе прядения. В самом деле, если бы старый хлопок еще не вступил в процесс труда, то его можно было бы продать теперь по 1 шиллингу, вместо 6 пенсов. И наоборот, чем меньшее число процессов труда он прошел, тем более очевидней становится такой результат. «Поэтому правило спекуляции таково: при подобных революциях в стоимости спекулировать на сыром материале в его наименее обрабатываемой форме, т. е. скорее на пряже, чем на ткани, и скорее на хлопке, чем на пряже. Изменение стоимости возникает здесь в том процессе, в котором производится хлопок, а не в том процессе, в котором он функционирует как средство производства и, следовательно, как постоянный капитал. Хотя стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, но само это количество определяется общественным путем. Если изменяется рабочее время, общественно необходимое для производства товара, – а одно и то же количество хлопка, например, при неблагоприятных условиях представляет большее количество труда, чем при благоприятных, – то это оказывает обратное действие на старый товар, который всегда играет роль только отдельного экземпляра своего рода, стоимость которого всегда измеряется общественно необходимым трудом, стало быть, всегда измеряется трудом, необходимым при существующих в данное время общественных условиях»³⁴⁷.

Кроме того, подобно стоимости сырого материала может измениться также и стоимость средств труда (машин и т. д.), уже функционирующих в процессе труда, а потому и та доля стоимости, которую они передают продукту. Например, если вследствие нового изобретения машины данного рода, которая может быть воспроизведена с меньшей затратой труда, то старые машины более или менее обесцениваются и потому переносят на продукт относительно меньшую стоимость. Но и в этом случае изменение стоимости возникает вне того процесса труда, в котором машина функционирует как средство труда. В этом процессе она никогда не передает стоимости большей, чем та, которой эта машина обладает независимо от данного процесса.

Отсюда следует вывод, согласно которому «подобно тому как изменение в стоимости средств производства, хотя оно и оказывает свое отраженное действие уже после вступления их в процесс производства, не изменяет их характера как постоянного капитала, точно так же изменение отношения между постоянным и переменным капиталом, не затрагивает их функционального различия. Например, технические условия процесса труда могут преобразоваться настолько, что там, где раньше 10 рабочих с 10 орудиями малой стоимости обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого материала, теперь один рабочий при помощи дорогой машины перерабатывает в сто раз большее количество сырого материала. В этом случае постоянный капитал, т. е. масса стоимости применяемых средств производства, намного возрастает, а переменная часть капитала, авансированная на рабочую силу, немного уменьшается. Однако это изменение касается только отношения между величинами постоянного и переменного капитала, или того отношения, в котором весь капитал распадается на постоянную и пере-

³⁴⁷ Там же. С. 221.

менную составные части, но, напротив, не затрагивает различия между постоянным и переменным капиталом»³⁴⁸.

В заключение отметим, что деление капитала на постоянный и переменный было впервые в экономической науке обосновано К. Марксом. Оно имеет огромное методологическое значение для понимания, во-первых, различной роли составных частей капитала в процессе производства; во-вторых, источника происхождения прибавочной стоимости, которая создается не всем авансированным капиталом, а только его переменной частью; в-третьих, научной несостоятельности буржуазных концепций капитала, представители которых стремятся всячески замаскировать классово-антагонистическое отношение между трудом и капиталом; в-четвертых, сущности и механизма капиталистической эксплуатации рабочего класса.

Глава 8

Норма прибавочной стоимости

§ 1. Степень эксплуатации рабочей силы

Постоянный капитал, воплощенный в средствах производства, К. Маркс обозначил буквой *c* (начальная буква слова *constant* – постоянный), а переменный капитал, воплощенный в рабочей силе – буквой *v* (начальная буква слова *variable* – переменный). Следовательно, весь капитал, вложенный в производство, и обозначенный буквой *K*, равен сумме постоянного и переменного капитала. В процессе производства авансированный капитал порождает прибавочную стоимость, или прирост первоначально авансированной капитальной стоимости. Она выступает прежде всего как избыток стоимости товара над стоимостью элементов ее производства. Соответственно прибавочную стоимость К. Маркс обозначил буквой *m* (начальная буква слова *mehrwert* – прибавочная стоимость). Возросший капитал, обозначенный им буквой *K'*, включает в себя авансированный капитал и прибавочную стоимость, т. е. $K' = K + m$.

Например, авансированный капитала в 500 ф. ст. = 410 ф. ст. (постоянный капитал) + 90 ф. ст. (переменный капитал). Предположим, что в конце процесса производства получился товар, стоимость которого $= (c + v) + m$, например, 410 ф. ст. (*c*) + 90 ф. ст. (*v*) + 90 ф. ст. (*m*). В результате первоначальный *K* превратился в *K'*. Разность между ними = *m*, т. е. прибавочной стоимости в 90 ф. ст. Так как стоимость элементов производства равна стоимости авансированного капитала, то утверждение, что избыток стоимости товара над стоимостью элементов его производства равен приросту стоимости авансированного капитала, или произведенной прибавочной стоимости, является простой тавтологией.

Однако эта тавтология требует более точного ее определения, а именно, сравнения стоимости продукта со стоимостью элементов производства, потребленных при его создании. Как мы видели, часть примененного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как основная ее часть сохраняется в прежней форме своего существования. Поскольку эта последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости продукта, то можно отвлечься от нее. Введение же ее в способ вычисления стоимости продукта ничего не изменило бы в величине этой стоимости, она осталась бы прежней³⁴⁹.

³⁴⁸ Там же. С. 221–222.

³⁴⁹ «Предположим, что *c* = 410 ф. ст. состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных материалов на 44 ф. ст. и изнашиваемых в процессе (производства. – Н.С.) машин на 54 фунта стерлингов; стоимость же действительно применяемых машин составляет 1054 фунта стерлингов. Авансированной на производство стоимости продукта мы считаем только стоимость в 54 ф. ст., которую машины утрачивают вследствие своего функционирования и потому передают продукту. Если бы мы ввели в вычисление и те 1000 ф. ст., которые продолжают существовать в своей прежней форме, – как паровая машина и

Поэтому «под постоянным капиталом, авансируемым на производство стоимости, здесь подразумевается только стоимость потребленных в производстве средств производства»³⁵⁰.

Возвратимся, однако, к формуле $K=c+v$, которая превращается в $K'=c+v+m$, вследствие чего K превращается в K' . Как известно, стоимость постоянного капитала только появляется в стоимости продукта. Следовательно, новая стоимость, или вновь произведенная в процессе труда стоимость, отличается от полученной в конце этого процесса всей стоимости продукта. Поэтому она равна не $(c+v)+m$, или не 410 ф. ст. (c) + 90 ф. ст. (v) + 90 ф. ст. (m), а лишь $v+m$, или (90 ф. ст. (v) + 90 ф. ст. (m)), т. е. не 590 ф. ст., а 180 фунтов стерлингов. Если бы постоянный капитал (c) был равен 0, иными словами, если бы в действительности существовали такие отрасли промышленности, в которых капиталистам не приходилось бы применять никаких средств производства, т. е. ни сырого материала, ни вспомогательных материалов, ни орудий труда, а приходилось бы использовать только материалы, данные природой, и рабочую силу, то на производимый продукт не переносилось бы никакой доли постоянной стоимости, или стоимости постоянного капитала. Этот элемент стоимости данного продукта, в нашем примере 410 ф. ст., отпал бы, но вновь произведенная стоимость в 180 ф. ст., включающая в себя 90 ф. ст. прибавочной стоимости, сохраняла бы совершенно такую же величину, как и в том случае, когда постоянный капитал (c) представлял бы гораздо большую сумму стоимости. В итоге получилось бы $K=(0+v)=v$, и K' , возросший по стоимости капитал, $=v+m$. Но $K'-K$ по-прежнему $=m$. Напротив, если бы прибавочная стоимость (m) была бы равна 0, иными словами, если бы рабочая сила, стоимость которой авансируется в виде переменного капитала, производила только свой собственный эквивалент, то $K=c+v$ и K' (стоимость продукта) $= (c+v)+0$, а потому $K'-K$. Следовательно, авансированный капитал не возрос бы по своей стоимости.

Известно, однако, что в действительности прибавочная стоимость есть просто следствие того изменения стоимости, которое совершается с переменным капиталом (v), т. е. частью капитала, воплощенной в рабочей силе. Поэтому $v+m=v+\Delta v$ (т. е. v плюс прирост v). Но такое изменение стоимости затемняется тем обстоятельством, что вследствие возрастания его изменяющейся составной части возрастает и весь авансированный капитал. В самом деле, раньше последний был равен 500, теперь – 590. «Следовательно, анализ процесса в его чистом виде требует, чтобы мы совершенно абстрагировались от той части стоимости продукта, в которой лишь вновь появляется постоянная капитальная стоимость, т. е. чтобы мы постоянный капитал с приравняли к нулю и, таким образом, применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания.»³⁵¹

Другое затруднение возникает из той первоначальной формы, в которой функционирует переменный капитал. Так, в вышеприведенном примере $K'=410$ ф. ст. (c)+90 ф. ст. (v)+90 ф. ст. (m). Однако 90 ф. ст. есть величина данная, т. е. постоянная, а потому представляется нелепым рассматривать их как переменную величину. Ибо они в действительности являются только символом того процесса, через который проходит эта стоимость.

Прежде всего здесь надо иметь в виду следующее обстоятельство. «Часть капитала, авансированная на куплю рабочей силы, есть определенное количество овеществленного труда, следовательно столь же постоянная величина, как стоимость купленной рабочей силы. Но в самом процессе производства вместо авансированных 90 ф. ст. выступает действующая рабочая сила, вместо мертвого – живой труд, вместо неподвижной – текучая величина, вместо постоянно – переменная. Результатом является воспроизводство v плюс прирост v . С точки

т. д., – то нам пришлось бы ввести их в вычисление на обеих сторонах, на стороне авансированной стоимости и на стороне стоимости продукта, и мы получили бы, таким образом, соответственно 1500 ф. ст. и 1590 фунтов стерлингов. Разность, или прибавочная стоимость, по-прежнему составила бы 90 фунтов стерлингов.» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 224.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же. С. 225.

зрения капиталистического производства весь этот процесс есть самодвижение превращенной в рабочую силу первоначально постоянной стоимости. Последней приписывается весь процесс и его результат. Поэтому если формула: 90 ф. ст. переменного капитала, или увеличивающаяся стоимость, представляется чем-то противоречивым, то она лишь выражает противоречие, имманентное капиталистическому производству.

Приравнение постоянного капитала нулю на первый взгляд кажется странным. Между тем оно постоянно совершается в повседневной жизни. Например, если хотят вычислить прибыль Англии от хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего вычитают цену хлопка, уплаченную Соединенным Штатам, Индии, Египту и т. д., т. е. приравнивают нулю ту капитальную стоимость, которая просто вновь появляется в стоимости продукта.»³⁵²

Итак, если мы приравняем постоянный капитал (с) к нулю, то авансированный капитал (с+v) сводится к v, а стоимость продукта (с+v)+m сводится к вновь произведенной стоимости (v+m). В нашем примере последняя=180 ф. ст. Если из нее вычесть стоимость переменного капитала = 90 ф. ст., то получим прибавочную стоимость = 90 ф. ст. Но «число 90 ф. ст. = m выражает здесь абсолютную величину произведенной прибавочной стоимости. Относительная же ее величина, т. е. пропорция, в которой возрос переменный капитал, определяется, очевидно, отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу, или выражается дробью

$\frac{m}{v}$. Следовательно, для приведенного выше примера она выражается в $\frac{90}{90} = 100\%$. Это относительное возрастание переменного капитала или относительную величину прибавочной стоимости, я называю **нормой прибавочной стоимости** (выделение наше – Н.С.)»³⁵³.

Как мы видели, рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только эквивалент стоимости своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Поскольку это производство покоится на общественном разделении труда, то рабочий создает свои жизненные средства не непосредственно, а в форме какого-либо определенного товара, например, пряжи, стоимость которой равна стоимости его жизненных средств или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Соответственно та часть рабочего дня, которую он затрачивает на это, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных жизненных средств, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Например, если в стоимости этих средств воплощено 6 овеществленных рабочих часов, то рабочий должен работать в среднем по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Даже если бы рабочий работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, то ему все равно пришлось бы, при прочих равных условиях, по-прежнему работать в среднем такую же часть рабочего дня для того, чтобы произвести стоимость

³⁵² Там же. С. 226. «Конечно, – пояснял далее автор, – отношение прибавочной стоимости не только к той части капитала, из которой она непосредственно возникает и изменение стоимости которой она представляет, но и ко всему авансированному капиталу имеет свое большое экономическое значение. Поэтому в третьей книге (третьем томе «Капитала». – Н.С.) мы обстоятельно рассматриваем это отношение. Для того чтобы одну часть капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую часть капитала необходимо превратить в средства производства. Для того чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал. Однако то обстоятельство, что для известного химического процесса требуются реторты и другие сосуды, несколько не препятствуют тому, чтобы при анализе абстрагироваться от самой реторты. Поскольку создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде, средства производства, эти вещные образы постоянного капитала, доставляют только вещество, в котором должна фиксироваться текущая сила, создающая стоимость. Потому-то и не имеет никакого значения природа этого вещества, т. е. безразлично, будет ли это хлопок или железо. Не имеет значения и стоимость этого вещества. Необходимо только, чтобы его масса была достаточна для того, чтобы она могла впитать количество труда, затрачиваемое во время процесса производства. Раз эта масса дана, – повысится ли ее стоимость или понизится, или же она не будет иметь никакой стоимости, как земля и море, – процесс создания стоимости и изменения стоимости несколько не будет этим затронут.» / Там же. С. 226–227.

³⁵³ Там же. С. 227.

своей рабочей силы и тем самым произвести стоимость жизненных средств, которые необходимы для его существования или постоянного воспроизводства. «Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 шилл., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом, т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю **необходимым рабочим временем**, а труд, затраченный в течение этого времени, – **необходимым трудом** (выделение наше – Н.С.). Необходимым для рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.»³⁵⁴

Другая часть процесса труда выходит за пределы необходимого рабочего времени, необходимого труда рабочего, хотя и она и стоит ему затраты рабочей силы, т. е. труда, однако последний не образует никакой стоимости для самого рабочего. Но вышедший за эти пределы труд «образует **прибавочную стоимость**, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего. Эту часть рабочего дня я называю **прибавочным рабочим временем**, а затраченный в течение ее труд – **прибавочным трудом** (выделение наше – Н.С.) (surplus labour). Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд»³⁵⁵.

Но «так как стоимость переменного капитала равна стоимости купленной им рабочей силы, так как стоимость этой рабочей силы определяет необходимую часть рабочего дня, а прибавочная стоимость, в свою очередь, определяется избыточной частью рабочего дня, то из этого следует: прибавочная стоимость относится к переменному капиталу, как прибавочный труд относится к необходимому труду, или норма прибавочной стоимости

$$\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$$

. Обе части пропорции выражают одно и то же отношение в различной форме: в одном случае в форме овеществленного труда, в другом случае в форме текущего труда.

Поэтому **норма прибавочной стоимости** (выделение наше – Н.С.) есть точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом, или рабочего капиталистом»³⁵⁶

Заметим, норма прибавочной стоимости обозначается буквой m' и выражается в процен-

$$m' = \frac{m}{v} \times 100\%$$

тах, т. е. . Если норма прибавочной стоимости равна 100 %, то рабочий одну половину рабочего дня работает на себя, а другую – на капиталиста. В нашем

$$\text{примере } m' = \frac{90 \text{ ф.ст.}(m)}{90 \text{ ф.ст.}(v)} \times 100\% = 100\%.$$

В этой связи К. Маркс обращал внимание на то, что норму прибавочной стоимости нельзя смешивать с нормой прибыли, которую он рассматривает в третьем томе «Капитала».

³⁵⁴ Там же. С. 228.

³⁵⁵ Там же. С. 228–229.

³⁵⁶ Там же. С. 229.

В отличие от первой, последняя определяется по следующей формуле: $p' = \frac{m}{k}$, или $\frac{m}{c+v} \times 100\%$.

Что же касается метода исчисления нормы прибавочной стоимости, то, по К. Марксу, он таков: нужно взять всю стоимость продукта и приравнять к нулю постоянную капитальную стоимость (стоимость постоянного капитала), поскольку последняя лишь вновь появляется в стоимости данного продукта. Оставшаяся часть стоимости есть новая стоимость, или единственная стоимость, действительно вновь произведенная в процессе создания товара. Если прибавочная стоимость дана, то чтобы определить переменный капитал, нужно вычесть ее из этой вновь произведенной стоимости. Если же дан переменный капитал, то чтобы определить прибавочную стоимость нужно, напротив, вычесть его из последней. Если даны и прибавочная стоимость, и переменный капитал, то норма прибавочной стоимости определяется как отношение

прибавочной стоимости к переменному капиталу. т. е. по вышеуказанной формуле: $m' = \frac{m}{v} \times 100\%$.

Используя различные примеры для определения нормы прибавочной стоимости. К. Маркс отмечал, что в действительности прибавочная стоимость существует в различных формах: прибыли, процента, ренты. Поэтому такое определение должно осуществляться следующим образом: нужно постоянный капитал приравнять к нулю, поскольку он не принимает участия в образовании стоимости, сложить прибыль, процент и ренту, ибо в совокупности они образуют прибавочную стоимость и разделить величину последней на заработную плату, представляющую собой денежное выражение стоимости рабочей силы (при этом предполагается, что цены равны стоимости).

§ 2

Выражение стоимости продукта в относительных долях продукта

Возвратимся теперь к нашему примеру, который показал, как капиталист превращает деньги в капитал. Здесь необходимый труд прядильщика составляет 6 рабочих часов и прибавочный труд – столько же, а потому степень эксплуатации рабочей силы, или норма прибавочной стоимости, равна 100 %.

Продукт двенадцатичасового рабочего дня составляет 20 фунтов пряжи стоимостью в 30 шиллингов, которые = 24 шилл. (c)+3шилл. (v) +3 шилл. (m). Поскольку эта стоимость во всем продукте, то ее составные части могут быть представлены в относительных долях последнего, т. е. как стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость.

Характеризуя суть этого вопроса, К. Маркс писал: «Раньше мы видели, что стоимость пряжи равна сумме новой стоимости, созданной во время производства пряжи, плюс стоимости, уже ранее существовавшие в средствах ее производства. Теперь мы видим, каким образом функционально или в понятии различные составные части продукта могут быть представлены в относительных долях самого продукта.

Это распадение продукта – результат процесса производства – на количество продукта, представляющее только труд, заключающийся в средствах производства, или постоянную часть капитала, другое количество, представляющее только необходимый труд, присоединенный в процессе производства, или переменную часть капитала, и третье, последнее количество продукта, представляющее только прибавочный труд, присоединенный в этом самом процессе,

или прибавочную стоимость, – это распадение настолько же просто, настолько и важно, как покажет дальнейшее применение его к запутанным и все еще не разрешенным проблемам»³⁵⁷.

§ 3

«Последний час» Сениора

Соотношение между стоимостями вышеуказанных относительных долей продукта может, конечно, измениться в зависимости, например, от перемен, происходящих в технических условиях производства, в производительной силе труда, стоимости рабочей силы и т. п. Но неизменным остается только одно: эти стоимости образуют единую стоимость данного продукта на всех стадиях его производства.

Игнорируя это обстоятельство, вульгарный экономист Н.У. Сениор выдвинул нелепый тезис, согласно которому только «последний час» рабочего дня приносит прибыль (прибавочную стоимость) капиталисту. В этой связи он пытался «доказать», что принятие законодательного проекта о сокращении рабочего дня с 11,5 час. до 10 час. лишит якобы капиталиста всякой прибыли (прибавочной стоимости).

Такое «доказательство» покоилось прежде всего на полном непонимании двойственного характера труда, воплощенного в товаре, и, как следствие, на смешении процесса труда и процесса увеличения стоимости, производства потребительной стоимости и производства прибавочной стоимости. Как известно, в процессе производства конкретный труд создает потребительную стоимость и одновременно переносит стоимость потребленных средств производства на производимый продукт, а абстрактный труд создает новую стоимость, т. е. стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Будучи двумя сторонами одного и того же труда, они совершаются одновременно, а потому существовать друг без друга не могут.

Следовательно, независимо от продолжительности рабочего дня стоимость продукта, произведенного рабочим, всегда включает в себя стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость. Поэтому сокращение рабочего дня, в рамках которого сохраняется его деление на две части: необходимое и прибавочное рабочее время, отнюдь не ведет к исчезновению прибавочной стоимости, как утверждал Н.У. Сениор, а ведет, при прочих равных условиях, лишь к понижению ее нормы.

Предположим, что при 11,5-часовом рабочем дне норма прибавочной стоимости составляла 100 %, т. е. он делился на 5 $\frac{3}{4}$ часа необходимого рабочего времени и 5 $\frac{3}{4}$ часа прибавочного рабочего времени. Если рабочий день сокращается до 10 часов (при данной стоимости рабочей силы), то необходимое рабочее время по-прежнему будет составлять 5 $\frac{3}{4}$ часа, а прибавочное рабочее время, напротив, понизится до 4 $\frac{1}{4}$ часа, а потому и норма прибавочной стоимости понизится до 73,9 %. Как видим, прибавочная стоимость не исчезает, она сохраняется, а ее норма составляет довольно значительную величину. Это свидетельствует лишь о том, что Н.У. Сениор защищал прежде всего классовые интересы буржуазии, которая стремилась к тому, чтобы не сокращать рабочий день, а наоборот, удлинять его и тем самым повышать норму прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатации рабочей силы, или наемного рабочего капиталистом.

§ 4

Прибавочный продукт

Часть продукта, в которой выражается прибавочная стоимость, называется **прибавочным продуктом**. «Как норма прибавочной стоимости определяется отношением последней

³⁵⁷ Там же. С. 234.

не ко всей сумме капитала, а только к его переменной составной части, так и уровень прибавочного продукта определяется отношением последнего не ко всему остальному продукту, а только к той части продукта, в которой выражается необходимый труд. Как производство прибавочной стоимости есть определяющая цель капиталистического производства, так и степень богатства измеряется не абсолютной величиной продукта, а относительной величиной прибавочного продукта.

Сумма необходимого труда и прибавочного труда, отрезков времени, в которые рабочий производит стоимость, возмещающую его рабочую силу, и прибавочную стоимость, образует абсолютную величину его рабочего времени- рабочий день (working day).»³⁵⁸

Глава 9 Рабочий день

§ 1. Пределы рабочего дня

При рассмотрении этого вопроса К. Маркс исходил из предположения, что рабочая сила покупается и продается по своей стоимости. Последняя, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Как известно, она сводится к сумме стоимости определенных жизненных средств рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно. Например, если для их производства в среднем требуется 6 часов, то соответственно рабочий должен работать в среднем 6 часов в день, чтобы воспроизводить стоимость своей рабочей силы, получаемую при ее продаже. Следовательно, необходимая часть его рабочего дня составляет 6 часов, а потому, при прочих неизменных условиях, является величиной данной. Но этим, однако, еще не определяется величина самого рабочего дня, поскольку он включает в себя и прибавочную часть.

Для того чтобы нагляднее представить обе части рабочего дня, К. Маркс дал их графическое изображение. Предположим, что линия $a\text{-----}b$ изображает продолжительность, или длину, необходимого рабочего времени, равную 6 часам. Но смотря по тому, будет ли продолжен труд за пределы ab на 1, 3, 6 часов и т. д., мы получим три различных линии:

Рабочий день I
 $a\text{-----}b\text{---}c$

Рабочий день II
 $a\text{-----}b\text{---}c$

Рабочий день III
 $a\text{-----}b\text{---}c$,

изображающие три различных рабочих дня в 7, 9 и 12 часов. Здесь линия bc , служащая продолжением линии ab , изображает длину прибавочного труда. Поскольку рабочий день = $ab + bc$, или ac , то он изменяется вместе с переменной величиной. Поскольку ab есть величина данная, то отношение bc к ab всегда может быть измерено. В рабочем дне I оно составляет $1/6$, в рабочем дне II – $3/6$, в рабочем дне III – $6/6$. Но поскольку отноше-

³⁵⁸ Там же. С. 240–241.

прибавочное рабочее время необходимое рабочее время

ние определяет норму прибавочной стоимости, то последняя дана, если известно отношение указанных линий. В трех приведенных выше рабочих днях она составляет соответственно $16 \frac{2}{3} \%$, 50% и 100% . Напротив, норма прибавочной стоимости сама по себе не дала бы нам величины рабочего дня. Так, если бы, например, она равнялась 100% , то рабочий день мог бы продолжаться, скажем, 8, 10, 12 часов и т. д. Норма прибавочной стоимости указывала бы здесь лишь на то, что две составные части рабочего дня, т. е. необходимое рабочее время (необходимый труд) и прибавочное рабочее время (прибавочный труд), равны по своей величине, но она не показывала бы, как велика каждая из этих частей.

«Итак, рабочий день есть не постоянная, а переменная величина. Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его общая величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда. Поэтому рабочий день может быть определен, но сам по себе он – неопределенная величина.»³⁵⁹

Будучи неустойчивой, текучей величиной, рабочий день может изменяться лишь в известных границах. Причем его минимальные пределы не могут быть определены. Правда, если предположим, что линия bc , служащая продолжением линии ab , или прибавочный труд, $= 0$, то получим минимальную границу, т. е. ту часть рабочего дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания своего собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд рабочего всегда составляет лишь часть его рабочего дня, а потому последний никогда не может сократиться до этого минимума. Однако у рабочего дня есть максимальная граница. Она определяется двоякого рода обстоятельствами. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Ибо ее носитель – человек может расходовать в течение суток, естественная продолжительность которых равна 24 часам, лишь определенное количество своей жизненной силы. Так, например, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. Точно так же рабочий в продолжение одной части суток должен отдыхать, спать, а в продолжение другой их части он должен удовлетворять другие физические потребности: питаться, мыться, одеваться и т. д. Во-вторых, границами морального свойства, связанными с необходимостью удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей рабочего, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Именно поэтому изменения рабочего дня всегда совершаются в пределах физических и социальных границ. Разумеется, эти границы подвижны, могут изменяться в зависимости от конкретно-исторических условий. Вследствие этого можно обнаружить рабочий день самой различной длины: в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов.

Как уже отмечалось, капиталист покупает рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит и потребительная стоимость рабочей силы в течение одного рабочего дня. Он приобрел, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение всего рабочего дня. Отсюда возникает вопрос: «Но что такое рабочий день? Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту *ultima Thule* (буквально: крайнюю Фулу; здесь это выражение употребляется в смысле: крайний предел; Фула – островная страна, находящаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы. – Ред.), на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собой лишь персонифицированный капитал. Его душа – душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление – стремление возрасти, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно

³⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 243.

большую массу прибавочного труда. *Капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает* (курсив наш – Н.С.). Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу. Если рабочий потребляет свое рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста»³⁶⁰.

Подобное отношение между капиталистом и рабочим складывается в соответствии с законом товарного обмена, т. е. законом стоимости. При этом каждый из них преследует свою цель: рабочий получить стоимостной эквивалент рабочей силы, а капиталист извлечь большую пользу из потребительной стоимости купленного им товара, способной производить прибавочную стоимость. Если отвлечься от весьма подвижных границ рабочего дня, то сама по себе природа товарного обмена не устанавливает никаких границ для последнего, а следовательно и для прибавочного труда, создающего прибавочную стоимость. Но «капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, – борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом»³⁶¹.

§ 2

Неутолимая жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин

По словам К. Маркса, капитал не изобрел прибавочного труда, поскольку последний имеет место всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства. Вследствие этого любой работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее (прибавочное) рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, независимо от того, будет ли этим собственником афинский аристократ, этрусский теократ, римский гражданин, норманский барон, американский рабовладелец, валахский боярин, современный ленд-лорд или капиталист. Впрочем, совершенно очевидно, что если в каком-нибудь обществе «преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добывании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме – в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского. Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому

³⁶⁰ Там же. С. 244.

³⁶¹ Там же. С. 246.

труд негров в южных штатах Американского союза носил умеренно-патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негров, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становился фактором рассчитанной и рассчитывающей системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например, в Дунайских княжествах»³⁶².

В этой связи К. Маркс дал сравнительный анализ неутолимой жажды прибавочного труда в Дунайских княжествах с такой же жадой на английских фабриках, потому что прибавочный продукт при барщине, в отличие от последних, обладает самостоятельной, осязательно воспринимаемой формой.

Предположим, что рабочий день на английской фабрике равен 12 часам и состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда, т. е. норма прибавочной стоимости составляет здесь 100 %. В таком случае свободный рабочий доставляет капиталисту еженедельно 36 часов прибавочного труда (при шестидневной рабочей неделе). Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю даром на капиталиста. Но это деление рабочего времени незаметно, поскольку необходимый труд и прибавочный труд здесь сливаются вместе. Поэтому то же самое отношение можно выразить, например, следующим образом: рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста и т. д.

Совершенно «иначе обстоит дело с барщинным трудом. Необходимый труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй – в господнем поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда. Это различие в форме проявления, очевидно, ничего не изменяет в количественном отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. Три дня прибавочного труда в неделю остаются тремя днями труда, который не создает эквивалента для самого рабочего, будет ли этот труд называться барщинным или наемным трудом. Но у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, у боярина же проще: в непосредственной погоне за барщинными днями.

Барщина соединялась в Дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, но она составляла основную дань, уплачиваемую господствующему классу. Там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»³⁶³.

³⁶² Там же. С. 247.

³⁶³ Там же. С. 248. Например, «так было в румынских провинциях. Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности, но не в ее славянской или индийской формах. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины как свободная частная собственность, другая часть – *ager publicus* (общинное поле) – обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, церковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически, пока они не были узаконены всемирной «освободительницей», Россией, под предлогом отмены крепостного права. Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г., был, конечно, продиктован самими боярами. Так Россия одним ударом завоевала магнатов Дунайских княжеств и стяжала одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы.» / Там же. С. 248–249. Подкрепляя теоретический анализ историческими фактами, К. Маркс далее показал, что ненасытная жажда капиталиста к прибавочному труду, даже ограниченная фабричными законами, все же превосходит боярина. Это обусловлено отнюдь не личными

§ 3

Отрасли английской промышленности без установленных законом границ эксплуатации

До сих пор речь шла о стремлении капиталиста к удлинению рабочего дня. Последнее характеризует «поистине волчью жадность к прибавочному труду, в такой области, в которой непомерные злоупотребления, не превзойденные даже, как говорит один буржуазный английский экономист (Дж. Ваде. – *Н.С.*), жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки, вызвали, наконец, необходимость наложить на капитал узду законодательного регулирования»³⁶⁴. Однако эта узда отнюдь не препятствовала тому, что и теперь в некоторых отраслях производства, в которых «высасывание рабочей силы или и сейчас еще нисколько не стеснено, или до самого последнего времени ничем не было стеснено»³⁶⁵.

Опираясь в этой связи на реальные факты, К. Маркс дал глубокий анализ особенностей жестокой эксплуатации различных половозрастных слоев рабочего класса (детей, подростков, взрослых, мужчин и женщин) в таких отраслях английской промышленности, как гончарное производство, спичечная мануфактура, производство обоев, хлебопечение, железнодорожный транспорт, причем без установленных законом границ этой эксплуатации. При этом обнаружилось, что положение дел в них везде одинаковое. Ибо «из пестрой толпы рабочих всех профессий, возрастов, полов» преследуют «нас усерднее, чем души убитых преследовали Одиссея», что свидетельствует «о чрезмерном труде»³⁶⁶ этих рабочих.

§ 4

Дневной и ночной труд. Система смен

Как показано выше, у капиталиста неутолимая жажда прибавочного труда проявляется в стремлении к безмерному удлинению рабочего дня, к непрерывному потреблению купленных им факторов труда, что лежит в основе процесса увеличения стоимости, ее самовозрастания. Постоянный капитал, т. е. средства производства служат здесь лишь для того, чтобы потреблять переменный капитал, т. е. рабочую силу, или впитывать живой труд рабочих и с каждой долей этого труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Если же средства производства этого не делают, то простое их наличие образует для капиталиста отрицательную потерю. Более того, до тех пор, пока средства производства остаются без употребления, они представляют собой бесполезно авансированный капитал. Напротив, такая потеря становится положительной только в том случае, когда возобновление прерванного производства делает необходимыми добавочные затраты на приобретение факторов труда. Вследствие этого «удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется чередование между теми рабочими силами, которые потребляются днем, и теми, которые потребляются ночью, чередование, допускающее различные методы, напри-

свойствами капиталиста, а утверждением и развитием всеобщего товарного производства в буржуазном обществе, в котором стремление к извлечению прибавочной стоимости, ее непрерывному накоплению не знает границ.

³⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 254–255.

³⁶⁵ Там же. С. 255.

³⁶⁶ Там же. С. 265.

мер, организованное таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю выполняет дневную работу, а на другой неделе – ночную и т. д.»³⁶⁷.

Таким образом, постоянное стремление к присвоению (отчуждению) труда в течение полных суток обусловила необходимость появления системы дневных и ночных смен. Ибо больше всего капитал боится бездействия вещественного и личного факторов производства, а стало быть, бесполезного авансирования. Так, работа в одну дневную смену (при 12-часовом рабочем дне) означает бездействие капитала в течение другого полусрока его жизни. Напротив, работа в две смены (по 12 часов каждая) обеспечивает непрерывное удовлетворение основной цели капитала – жажды обогащения, прибавочной стоимости. Различие между детьми, подростками и взрослыми, мужчинами и женщинами, физически сильными и слабыми – здесь не принимается капиталом во внимание под воздействием этой неутолимой, постоянно нарастающей жажды.

§ 5

Борьба за нормальный рабочий день. Принудительные законы об удлинении рабочего дня с середины XIV до конца XVII столетия

Именно жажда обогащения, извлечения прибавочной стоимости побуждает капиталиста к тому, чтобы рабочий день насчитывал полных 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила становится абсолютно непригодной к возобновлению ее дальнейшего потребления. При этом рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как носитель рабочей силы, а потому время, которым он располагает, естественно и по праву предстает как рабочее время, а следовательно, оно целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала, процессу производства прибавочной стоимости. «Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья – будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье, – то все это чистый вздор!» Ибо «при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам – сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный

³⁶⁷ Там же. С. 267. «Как известно, такая система смен, такое попеременное хозяйство господствовало в полнокровный юношеский период английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии. Как система, этот 24-часовой процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим на доменных печах, в кузницах, на железнодорожных заводах и других металлических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии. Процесс труда продолжается по 24 часа не только в каждый из 6 будничных дней, но и в большинстве случаев охватывает также и 24 часа воскресных суток. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоего пола. Дети и подростки представлены всеми возрастами от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет. В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом. Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда, непрерывный, двадцатичетырехчасовой процесс производства дает в высшей степени удобную возможность переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет для каждого рабочего по большей части 12 ночных или дневных часов. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета «поистине ужасен» («truly fearful».) / Там же. С. 267–269.

организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни»³⁶⁸.

Как известно, стоимость рабочей силы включает в себя сумму стоимости тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочих и членов их семей, т. е. для воспроизводства (размножения, по словам К. Маркса) рабочего класса. Но если противоестественное удлинение рабочего дня, которого добивается капитал в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни рабочих, а стало быть, и продолжительность функционирования их рабочих сил, то становится необходимым более быстрое возмещение последних вследствие их преждевременной изношенности, т. е. издержки воспроизводства рабочих сил должны быть больше, подобно тому, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее изнашивается данная машина. «Поэтому, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость установления нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке.»³⁶⁹

Столь варварское отношение к рабочей силе было обусловлено прежде всего ее избыточным предложением на рынке труда. Правда, в отдельные периоды быстрого экономического подъема этот рынок обнаруживал серьезный недостаток предложения рабочей силы. Такая ситуация сложилась, например. В 1834 году. Однако выход из нее был найден довольно быстро: фабриканты предложили Комиссии по закону о бедных направлять «избыток населения» земледельческих округов Великобритании на промышленный север, заявив о том, что этот избыток «будет поглощен и потреблен фабрикантами».

В реальной действительности такая ситуация составляла скорее исключение, чем правило. Ибо «в общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и составляется из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы. Капитал, который имеет столь «хорошие

³⁶⁸ Там же. С. 274–276.

³⁶⁹ Там же. С. 276.

основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения, и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le deluge!* (После меня хоть потоп! – Ред.) – вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон»³⁷⁰.

Именно многовековая борьба между классом капиталистов и рабочим классом привела к установлению нормального рабочего дня. В истории этой борьбы обнаружились два противоположных течения. Первое из них начинается с XIV и заканчивается в середине XVIII века, когда нарождающийся класс капиталистов стремился насильственно удлинить рабочий день, опираясь на поддержку государственной власти. Второе течение – с XIX века и продолжается поныне, когда класс капиталистов становится настолько могущественным, что он в состоянии своими собственными силами, экономическими средствами присваивать (отчуждать) максимум прибавочного труда, а потому не нуждается в содействии государственной власти, которая сдерживает чрезмерную хищническую эксплуатацию рабочего класса посредством законодательного регулирования рабочего дня³⁷¹.

Однако «понадобились века для того, чтобы «свободный» рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общестественными условиями продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, – продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки. Поэтому естественно, что то удлинение рабочего дня, к которому капитал при посредстве государственной власти старается принудить совершеннолетних рабочих в период с половины XIV до конца XVIII века, совпадает приблизительно с теми пределами рабочего времени, которые во второй половине XIX века кое-где ставятся государством для превращения детской крови в капитал. То, что теперь, например, в штате Массачусетс, до недавнего времени самом свободном штате Североамериканской республики, объявлено законным пределом труда детей моложе 12 лет, в Англии еще в половине XVII века было нормальным рабочим днем цветущим здоровьем ремесленников, дюжих батраков и богатырей-кузнецов»³⁷².

Установление нормального рабочего дня, достигнутое в период утверждения капиталистического способа производства, было закреплено с переходом к крупной машинной индустрии. По словам К. Маркса, ««дом ужаса» для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 г., появился несколько лет спустя в виде исполинского «рабочего дома» для самих мануфактурных рабочих. Он назывался фабрикой. Но на этот раз идеал побледнел перед действительностью...»³⁷³

³⁷⁰ Там же. С. 278–280.

³⁷¹ Ибо «притязания капитала в эмоциональном состоянии, когда он еще только возникает и, следовательно, свое право всасывать достаточное количество прибавочного труда обеспечивает пока не одной лишь силой экономических отношений, но и содействием государственной власти, – эти притязания представляются совершенно скромными, если сопоставить их с теми уступками, которые он, ворча и сопротивляясь, должен делать в зрелом возрасте». / Там же. С. 280.

³⁷² Там же. С. 281.

³⁷³ Там же. С. 286.

§ 6

Борьба за нормальный рабочий день. Принудительное ограничение рабочего времени в законодательном порядке. Английское фабричное законодательство 1833–1864 годов

Промышленный переворот, начавшийся в Англии в последней трети XIX века, создал новые условия для удлинения рабочего дня. Этот переворот наглядно показал, что, стремясь к извлечению высокой прибыли, буржуазия не считалась ни с какими-либо человеческими правами или обычаями. Поэтому она ломала всякие пределы продолжительности рабочего дня, даже установленные природой – возрастом и полом³⁷⁴. Естественно, это не могло не вызвать сопротивления рабочего класса, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако вырванные им в течение трех десятилетий уступки со стороны фабрикантов оказались чисто номинальными. Так, за период 1802–1833 гг. английский парламент издал 5 актов о труде, которые остались невыполненными. Только фабричный акт 1833 г. положил начало государственному ограничению рабочего дня в промышленности. Но «ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 до 1864 года!»³⁷⁵.

Закон 1833 г. определял рабочий день на фабрике для взрослых в течение 15 часов (с 5,5 часов утра до 8,5 часов вечера), для подростков в возрасте от 13 до 18 лет – в 12 часов, для детей в возрасте от 9 до 13 лет – в 8 часов. Ночной труд, т. е. труд между 8,5 часами вечера и 5,5 часами утра, для детей и подростков запрещался.

В этой связи разгорелся «физиологический» спор: кого считать детьми, а кого подростками. «Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или, по крайней мере, в 11 лет. Чем ближе подходил срок полного осуществления фабричного акта, роковой 1836 г., тем яростнее неистовала фабричная сволочь. Ей действительно удалось до такой степени запугать правительство, что оно в 1835 г. предложило понизить предел детского возраста с 13 до 12 лет»³⁷⁶.

В соответствии с фабричным актом 1844 года был узаконен 12-часовой рабочий день для женщин старше 18 лет. Они были во всех отношениях приравнены к подросткам: их рабочее время ограничивалось 12 часами, ночной труд для них был запрещен. «Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю также и труд совершеннолетних.»³⁷⁷

Но такого рода законодательные акты, которые регулировали рабочее время на английских фабриках, «отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы. Одним из ближайших последствий их было то, что практика подчиняла и рабочий день взрослых фабричных рабочих тем же самым ограничениям, потому

³⁷⁴ «После того как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового рабочего дня, со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие рамки, которые ставятся обычаями и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутков (законодательных постановлений. – Н.С.), сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить «в порядке судебного решения», что такое день и что такое ночь. Капитал справлял свои оргии.» / Там же. С. 287.

³⁷⁵ Там же. С. 288.

³⁷⁶ Там же. С. 289–290.

³⁷⁷ Там же. С. 291.

что в большинстве процессов производства необходимо сотрудничество детей, подростков и женщин. Поэтому в общем и целом в период 1844–1847 гг. двенадцатичасовой рабочий день имел общее и единообразное распространение во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству»³⁷⁸.

Правда, фабриканты вскоре получили определенную «компенсацию». Дело в том, что «по их настояниям палата община сократила минимальный возраст подлежащих эксплуатации детей с 9 до 8 лет с целью обеспечить для капитала требуемое по всем законам божеским и человеческим «добавочное предложение фабричных детей». 1846–1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступило тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших мстью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом»³⁷⁹.

Новый фабричный акт 1847 года устанавливал для подростков в возрасте от 13 до 18 лет и для всех работниц 10-часовой рабочий день. На этот акт капитал ответил понижением заработной платы по меньшей мере на 25 %. Наряду с этим началась агитация среди рабочих за отмену принятого акта. Не брезгуя никакими средствами обмана, фабриканты прибегли к шантажу и угрозам. Они стремились заставить взрослых рабочих мужчин работать 12–15 часов, выдавая это стремление за выражение подлинного желания самих рабочих.

Однако предпринятая капиталом попытка воспрепятствовать принятию закона о десятичасовом рабочем дне окончилась неудачей, поскольку этот закон вступил в силу в 1848 году. «Между тем фиаско чартистской партии, вожди которой были заключены в тюрьмы и организация которой была разрушена, поколебало веру рабочего класса Англии в свои силы. Вскоре после этого парижское июньское восстание и его кровавое подавление объединили как в континентальной Европе, так и в Англии под общим лозунгом спасения собственности, религии, семьи и общества все фракции господствующих классов: земельных собственников и капиталистов, биржевых волков и лавочников, протекционистов и фритредеров, правительство и оппозицию, попов и вольнодумцев, молодых блудниц и старых монахинь! Рабочий класс был повсюду предан анафеме, подвергся гонениям, был поставлен под действие «закона о подозрительных». Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытый бунт не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это был бунт в защиту рабства в миниатюре, который более двух лет проводился с циничной бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего.»³⁸⁰

Именно поэтому фабриканты в некоторых местах уволили значительную часть (в некоторых случаях половину) занятых у них подростков и работниц и восстановили взамен почти не исчезнувший ночной труд взрослых рабочих мужчин. Кроме того, фабриканты сократили продолжительность обеденных перерывов, стремясь узаконить их. Прибегая к различного рода

³⁷⁸ Там же. С. 292.

³⁷⁹ Там же. С. 292–293.

³⁸⁰ Там же. С. 294–295. «Для понимания последующего необходимо напомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. все три сохраняют свою законную силу, поскольку один не вносит каких-нибудь изменений в другой, что ни один из них не ограничивает рабочего дня рабочих мужчин старше 18 лет и что с 1833 г. пятнадцатичасовой период от 5 ½ утра до 8 ½ вечера оставался законным «днем», в границах которого только и должен был укладываться на предписываемых законом условиях сначала двенадцатичасовой, а позже десятичасовой труд подростков и женщин.» / Там же. С. 295.

манипуляциям, связанными с технологическим процессом производства, фабриканты получали возможность увеличить рабочий день с 12 до 15 часов³⁸¹.

Согласно закону 1850 года, только для подростков и женщин пятнадцатичасовой рабочий день (с 5,5 часов утра до 8,5 часов вечера) превратился в двенадцатичасовой рабочий день (с 6 часов утра до 6 часов вечера). Этот закон не касался детей, которых все еще можно было эксплуатировать 0,5 часа до начала и 2,5 часа по окончании данного промежутка рабочего времени, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать 6,5 часов³⁸².

Такая продолжительность рабочего дня устанавливалась в крупных отраслях промышленности, являвшихся специфическим порождением капиталистического способа производства. Причем развитие этих отраслей в период 1853–1860 гг. обусловило формирование рабочего класса, рост его классового самосознания. В этой связи «сами фабриканты, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, хвастливо указывали на контраст между этими отраслями промышленности и теми отраслями эксплуатации, которые еще оставались «свободными». Фарисеи «политической экономии» поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки». Легко понять, что, после того как магнаты фабрики принуждены были покориться неизбежному и примириться с ним, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, сила же наступления рабочего класса, напротив, возрастала вместе с ростом числа его союзников в общественных слоях, не заинтересованных непосредственно. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 года»³⁸³.

§ 7

Борьба за нормальный рабочий день. Влияние английского фабричного законодательства на другие страны

Переходя к рассмотрению этого вопроса, К. Маркс напомнил читателям о том, что производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда, составляет специфи-

³⁸¹ Так, «рабочий персонал разделялся иногда на 12–15 категорий, составные части которых, в свою очередь, постоянно сменялись. В продолжение пятнадцатичасового фабричного дня капитал притягивал рабочего то на 30 минут, то на час, потом отталкивал его, чтобы затем снова притянуть его на фабрику и снова оттолкнуть, гоняя его через короткие отрезки времени то туда, то сюда, но не выпуская из-под своей власти, пока десятичасовая работа не будет закончена полностью. Это как на театральной сцене, где одни и те же лица должны попеременно выступать в различных сценах различных актов. Но как актер принадлежит сцене в течение всего спектакля, так рабочие принадлежали теперь фабрике в течение всех 15 часов, не считая времени на дорогу до фабрики и обратно. Таким образом, часы отдыха превращались в часы вынужденной праздности, которые гнали подростков в кабак, а молодых работниц в публичный дом. Всякая новая выдумка, которую каждый день преподносил капиталист, стремясь держать свои машины в ходу 12 или 15 часов без увеличения рабочего персонала, приводила к тому, что рабочий должен был проглатывать свою пищу урывками в разное время. Во время агитации за десятичасовой рабочий день фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой труд двенадцатичасовую заработную плату. Теперь они перевернули медаль. Они платили десятичасовую заработную плату за распоряжение рабочими силами в течение двенадцати и пятнадцати часов. В этом-то и было все дело, это было фабричное издание десятичасового закона! Это были все те же елейные, источающие человеколюбие фритредеры, которые во время агитации против хлебных законов целые 10 лет с точностью до копейки высчитывали рабочим, что при свободном ввозе хлеба было бы совершенно достаточно десятичасового труда, чтобы при средствах, которыми располагает английская промышленность, обогатить капиталистов.» / Там же. С. 300–301.

³⁸² «При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка должна была разбиться о сопротивление взрослых рабочих мужчин. Поэтому акт 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени фабричный акт 1850 г... за немногими исключениями, регулировал в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих. С момента издания первого фабричного акта до этого времени прошло столетие.» / Там же. С. 303–304.

³⁸³ Там же. С. 304–305.

ческое содержание и цель капиталистического производства независимо от изменений, которые совершаются в самом способе данного производства и которые возникают из подчинения труда капиталу. Сообразно этому речь до сих пор шла о самостоятельном, юридически совершеннолетнем рабочем как продавце своего товара – рабочей силы – при заключении сделки с капиталистом. «Поэтому. – писал далее К. Маркс, – если в нашем историческом очерке главную роль играет, с одной стороны, современная промышленность, а с другой – труд физически и юридически несовершеннолетних, то первая имела для нас значение только как особая сфера высасывания труда, второй – только как особенно яркий пример этого высасывания. Однако, не забегая вперед, на основании одной лишь общей связи исторических фактов мы приходим к следующим заключениям.»³⁸⁴

Во-первых, в крупных отраслях промышленности (хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, шелковых, прядильных и ткацких), которые раньше других были революционизированы водой, паром и машинами, прежде всего обнаружилось стремление капитала к безграничному и беспощадному удлинению рабочего дня. Изменения, произошедшие в недрах материального способа производства, и соответствующие им изменения в социальных отношениях, складывающихся между капиталистами и рабочими, обусловили сначала расширение пределов рабочего дня, а затем уже в виде определенной реакции вызвали общественный контроль, в законодательном порядке ограничивавшим рабочий день с его перерывами, а следовательно, регулировавшим его и вносящим в него установленное единообразие. «Но как только этот контроль распространился на первоначальную область нового способа производства, оказалось, что не только многие другие отрасли производства подпали под действие настоящего фабричного режима, но, что и мануфактуры с более или менее устаревшими методами производства, как, например, гончарные мастерские, стекольные мастерские и т. д., и старинные ремесла, как, например, пекарное, и, наконец, даже распыленная так называемая работа на дому, как, например, гвоздарный промысел и т. д. . . уже давно настолько же подпали под действие капиталистической эксплуатации, как и фабрика. Поэтому законодательство было вынуждено постепенно отрешиться от своего исключительного характера или же – там, где оно следует римской казуистике, как в Англии, – произвольно объявить фабрикой (factory) всякий дом, в котором работают.»³⁸⁵

Во-вторых, история регулирования рабочего дня в некоторых (прежде всего в крупных) отраслях промышленности и еще продолжающаяся борьба в других ее отраслях убедительно свидетельствует о том, что в них «изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на родине этой промышленности, в Англии. Английские фабричные рабочие были передовыми борцами не только английского рабочего класса, но и современного рабочего класса вообще, точно так же, как их теоретики первые бросили вызов капиталистической теории»³⁸⁶.

Зародившись в Англии, борьба рабочего класса за нормальный рабочий день охватила и другие страны. Так, благодаря февральской революции 1848 года во Франции был принят закон об установлении 12-часового рабочего дня. Но этот закон, по своему содержанию был, однако, гораздо более неудовлетворительным в сравнении с аналогичным законом, принятым

³⁸⁴ Там же. С. 307.

³⁸⁵ Там же. С. 307–308.

³⁸⁶ Там же. С. 308.

в Англии. Но несмотря на это он вместе с тем имел и свои особые преимущества, связанные с установлением единого предела рабочего дня³⁸⁷.

В США самостоятельное рабочее движение началось после Гражданской войны за отмену рабства. Ибо «труд белых не может освободиться там, где труд черных носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом Гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, шагающая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии»³⁸⁸. Поэтому Всеобщий рабочий съезд, состоявшийся в Балтиморе 16 августа 1866 года, выдвинул требование об установлении 8-часового рабочего дня.

Одновременно на конгрессе I Интернационала (Международного Товарищества Рабочих), состоявшемся в начале сентября 1866 года в Женеве, по предложению К. Маркса, было провозглашено требование 8-часового рабочего дня предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу.

Таким образом, рабочее движение, развернувшееся по обеим сторонам Атлантического океана, на европейском и американском континентах, явилось продуктом прежде всего самих производственных отношений, присущих капиталистическому способу производства. В этой связи К. Маркс привел заявление английского фабричного инспектора Р.Дж. Сандерса, которое гласит: «Невозможно предпринять дальнейших шагов на пути реформирования общества с какой бы то ни было надеждой на успех, если предварительно не будет ограничен рабочий день и не будет вынуждено строгое соблюдение установленных для него границ»³⁸⁹.

Обобщая сказанное, К. Маркс писал: «Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец – товаровладельцу. Контракт, по которому он продал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому фиксирует, что он свободно распоряжается самим собой. По заключении же сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать, что в действительности вампир (капиталист. – Н.С.) не выпускает его до тех пор, «пока можно высосать из него еще одну каплю крови, выжать из его мускулов и жил еще одно усилие». Чтобы «защитить» себя от «змеи своих мучений», рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta (Magna Charta Libertatum – Великая хартия вольностей. – Ред.) ограниченного законом рабочего дня, которая «наконец устанавливает точно, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому». Quantum mutatus ab illo! (Какая перемена по сравнению с тем, что было! – Выражение из поэмы Вергилия «Энеида». – Ред.)»³⁹⁰.

³⁸⁷ «Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английский законодательство нехотя уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верхний путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений. Вместе с тем, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь для детей, несовершеннолетних и женщин и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право.» / Там же. С. 309.

³⁸⁸ Там же. С. 309–310.

³⁸⁹ Там же. С. 310.

³⁹⁰ Там же. С. 310–311.

Глава 10

Норма и масса прибавочной стоимости

Здесь, как и раньше, предполагается, что стоимость рабочей силы, а следовательно, та часть рабочего дня, которая необходима для воспроизводства и сохранения этой рабочей силы, представляет собой величину данную, постоянную.

При таком предположении вместе с нормой прибавочной стоимости, т. е. относительной величиной степени эксплуатации рабочего, дана и масса прибавочной стоимости, т. е. абсолютная величина последней, которую определенный рабочий доставляет капиталисту за определенный период времени. Например, если необходимый труд составляет 6 часов в день, или в денежном выражении 3 шилл., равные 1 талеру, то этот 1 талер представляет собой дневную стоимость одной рабочей силы, или капитальную стоимость, авансированную на покупку этой одной рабочей силы. Далее, если норма прибавочной стоимости равна 100 %, то этот переменный капитал в 1 талер производит массу прибавочной стоимости в 1 талер, или рабочий доставляет ежедневно капиталисту массу прибавочного труда в 6 часов.

Но переменный капитал есть денежное выражение стоимости не одной рабочей силы, а совокупной стоимости всех рабочих, которые одновременно употребляются капиталистом в течение рабочего дня. Следовательно, стоимость этого капитала «равна средней стоимости одной рабочей силы, помноженной на число употребляемых рабочих сил. Поэтому при данной стоимости рабочей силы величина переменного капитала прямо пропорциональна числу одновременно занятых рабочих. Таким образом, если дневная стоимость одной рабочей силы = 1 таллеру, то необходимо авансировать капитал в 100 таллеров, чтобы эксплуатировать 100 рабочих сил, и в n таллеров, чтобы ежедневно эксплуатировать n рабочих сил.

Точно так же, если переменный капитал в 1 таллер, дневная стоимость одной рабочей силы, производит ежедневно прибавочную стоимость в 1 таллер, то переменный капитал в 100 таллеров производит ежедневно прибавочную стоимость в 100, а капитал в n таллеров – ежедневную прибавочную стоимость в 1 таллер $\times n$. Следовательно, масса производимой прибавочной стоимости равна прибавочной стоимости, доставляемой рабочим днем отдельного рабочего, помноженной на число применяемых рабочих»³⁹¹.

Вскрывая взаимосвязь между массой прибавочной стоимости, нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала³⁹², К. Маркс сформулировал три закона.

Первый закон гласит: масса производимой прибавочной стоимости определяется величиной авансированного переменного капитала, умноженной на норму прибавочной стоимости, или сложным отношением между числом одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталистом рабочих сил и степенью эксплуатации отдельной рабочей силы.

Если мы обозначим массу прибавочной стоимости через M , прибавочную стоимость, доставляемую отдельным рабочим в среднем за один день, через m , переменный капитал, ежедневно авансируемый на покупку одной рабочей силы, через v , общую сумму переменного капитала через V , стоимость средней рабочей силы через k , степень ее эксплуатации

³⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 312–313.

³⁹² Следует иметь в виду, что здесь речь идет прежде всего о влиянии величины авансированного переменного капитала на изменение нормы и массы прибавочной стоимости. Ибо сама по себе норма прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатации рабочей силы, выраженная отношением массы прибавочной стоимости к переменному капиталу, не дает полного представления о самой этой массе, так же масса прибавочной стоимости сама по себе не показывает степень эксплуатации рабочей силы, т. е. норму прибавочной стоимости. Ведь при одной и той же норме прибавочной стоимости массы ее могут быть разными. Наоборот, одинаковые массы, т. е. величины прибавочной стоимости, имеют место при совершенно разных нормах эксплуатации.

через $\frac{a'}{a} \left(\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} \right)$ и число применяемых рабочих через n , то получим две тождественные формулы определения массы прибавочной стоимости:

$$M = \frac{m}{v} \times V.$$

$$M = k \times \frac{a'}{a} \times n.$$

При этом предполагается не только то, что стоимость средней рабочей силы есть величина постоянная, но и то, что применяемая капиталистом совокупность рабочих сведена к среднему рабочему. Конечно, могут быть исключительные случаи, когда производимая прибавочная стоимость возрастает не пропорционально числу эксплуатируемых рабочих, но тогда и стоимость самой рабочей силы не остается постоянной, она изменяется.

Отсюда следует, что при производстве определенной массы прибавочной стоимости уменьшение одного фактора может быть возмещено увеличением другого фактора. Например, если переменный капитал уменьшается и одновременно норма прибавочной стоимости повышается в той же самой пропорции, то масса производимой прибавочной стоимости остается неизменной. Так, при сохранении вышеуказанных предположений капиталисту приходится авансировать 100 талеров для того, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочих. Если норма прибавочной стоимости понизится до 50 %, то этот переменный капитал в 100 талеров будет доставлять ежедневно прибавочную стоимость в 50 талеров, или в 3х100 рабочих часов. Если же норма прибавочной стоимости повысится в два раза, или рабочий день удлинится с 6 до 12 часов, то уменьшенный наполовину переменный капитал (капитал в 50 талеров), тем не менее приносит прибавочную стоимость опять-таки в 50 талеров, или 6х50 рабочих часов. «Следовательно, уменьшение переменного капитала может быть компенсировано пропорциональным повышением нормы эксплуатации рабочей силы, или уменьшение числа занятых рабочих может быть компенсировано пропорциональным удлинением рабочего дня. Таким образом, в известных границах вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих³⁹³. Наоборот, уменьшение нормы прибавочной стоимости оставляет массу прибавочной стоимости без изменения, если пропорционально возрастает величина переменного капитала, или число занятых рабочих»³⁹⁴.

Однако эта компенсация числа занятых рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, имеет известные границы, которые капиталист не может переступить. Поэтому какова бы ни была стоимость потребляемой им рабочей силы, а стало быть, составляет ли рабочее время, необходимое для поддержания ее носителя – рабочего, 2 и 10 часов, во всяком случае совокупная стоимость, которую этот рабочий может производить ежедневно меньше стоимости, в которой овеществлены 24 рабочих часа, меньше 12 шилл. или 4 талеров, если таково денежное выражение этих 24 рабочих часов овеществленного труда. При нашем прежнем предположении, согласно которому ежедневно требуется 6 рабочих часов для того, чтобы воспроизвести потребляемую капиталистом рабочую силу, или авансированную на ее покупку капитальную стоимость, переменный капитал в 500 талеров, который применяет 500 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100 %, или при 12-часовом рабочем дне, производит прибавочную стоимость в 500 талеров, или в 6х500 рабочих часов. Напротив, переменный капитал в 100 талеров, ежедневно

³⁹³ «Этот элементарный закон, по-видимому, неизвестен господам из лагеря вульгарной политической экономии – они, эти архимеды, наоборот, воображают, будто в определении рыночных цен труда спросом и предложением нашли точку опоры, – не для того, чтобы перевернуть мир, а для того, чтобы остановить его.» / Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 314 (прим.).

³⁹⁴ Там же. С. 314.

применяющий 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 200 %, или при 18-часовом рабочем дне, производит соответственно массу прибавочной стоимости лишь в 200 талеров, или в 12х100 рабочих часов. Причем вновь созданная им стоимость, включающая в себя стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость, никогда, ни в какой-либо день не может достигнуть суммы в 400 талеров, или 24х100 рабочих часов. Ведь абсолютная граница рабочего дня всегда меньше 24 часов.

Из вышеизложенного вытекает *второй закон*, суть которого такова: уменьшение переменного капитала компенсируется увеличением нормы прибавочной стоимости, или уменьшение числа занятых рабочих – повышением степени их эксплуатации. По словам К. Маркса, этот закон «важен для объяснения многих явлений, возникающих из тенденции капитала, о которой мы будем говорить позже, – тенденции возможно больше сокращать число занимаемых им рабочих, или свою переменную составную часть, превращаемую в рабочую силу, что находится в противоречии с другой его тенденцией – производить возможно большую массу прибавочной стоимости. Наоборот. Если масса применяемых рабочих сил, или величина переменного капитала, возрастает, но не пропорционально уменьшению нормы прибавочной стоимости, то масса производимой прибавочной стоимости понижается»³⁹⁵.

Основные положения первого и второго законов приводят к *третьему закону*, который вытекает из определения массы производимой прибавочной стоимости двумя главными факторами – нормой прибавочной стоимости и величиной авансированного переменного капитала. Например, если дана норма прибавочной стоимости, или степень эксплуатации рабочей силы, и стоимость самой рабочей силы, или величина необходимого рабочего времени, то отсюда следует, что чем больше переменный капитал, тем больше масса производимой стоимости, а стало быть, и прибавочной стоимости. Если же дана граница рабочего дня, а также граница его необходимой составной части, то масса производимой стоимости и прибавочной стоимости зависит исключительно от той массы труда, которую капиталист приводит в движение. Но это движение данной массы труда (при вышеуказанных предположениях) зависит от массы рабочей силы, или числа рабочих, которых капиталист эксплуатирует, а их число, в свою очередь, определяется величиной авансированного переменного капитала. «Следовательно, при данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов»³⁹⁶. Такова суть третьего закона.

Как известно, капиталист делит свой капитал на две части. Одну часть он затрачивает на средства производства. Она образует его постоянный капитал. Другую часть он затрачивает на рабочую силу. Соответственно эта часть образует его переменный капитал. Разумеется, в рамках данного (капиталистического) способа производства в различных отраслях производства имеет место различное деление капитала на постоянную и переменную составные части. Более того, даже в одной и той же отрасли производства соотношение этих составных частей изменяется вместе с изменением технической основы и общественной комбинации процесса производства. Но как бы не распадался данный капитал на постоянную и переменную составные части, например, как 1:2, или 1:10 или 1:х, это нисколько не затрагивает содержание третьего закона, так как согласно ранее проведенному анализу стоимость постоянного капитала, хотя и проявляется в стоимости произведенного продукта, тем не менее она не входит во вновь созданную стоимость. В самом деле, чтобы применить 1000 прядильщиков, требуется, конечно, больше сырого материала, веретен и т. д., чем для того, чтобы применить 100 прядильщиков. Если допустим, что стоимость этих добавочных средств производства повышается, падает или остается неизменной, или же допустим, что она будет велика или мала, то ни

³⁹⁵ Там же. С. 315.

³⁹⁶ Там же.

в одном из этих случаев последняя не окажет никакого влияния на процесс увеличения стоимости, осуществляемый потребляемыми капиталистом рабочими силами, которые приводят эти средства производства в движение. «Следовательно, констатированный выше закон принимает такую форму: производимые различными капиталами массы стоимости и прибавочной стоимости, при данной стоимости и одинаковой степени эксплуатации рабочей силы, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов, т. е. их составных частей, превращенных в живую рабочую силу.»³⁹⁷

Таким образом, согласно третьему закону, единственным источником стоимости, а стало быть, и прибавочной стоимости, является величина авансированного переменного капитала. Имея в виду это положение, К. Маркс обращал внимание на то, что оно вступает в противоречие со всем опытом практической деятельности капиталиста, основанной на внешней видимости явлений. Дело в том, что на поверхности буржуазного общества прибавочная стоимость, принимая превращенную форму прибыли, выступает как порождение всего авансированного капитала, а не только его переменной составной части. Поэтому если определять массу прибавочной стоимости (при неизменной ее норме), исходя из величины последней, то в различных отраслях производства должны существовать неодинаковые нормы прибыли. В действительности же, несмотря на наличие различных размеров переменного капитала в различных отраслях производства, эти нормы прибыли уравниваются в общую (среднюю) норму прибыли. По словам К. Маркса, для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, которые не могут быть рассмотрены на данном этапе исследования³⁹⁸.

Развивая свою мысль, К. Маркс указывал, что труд, ежедневно приводимый в движение совокупным капиталом, можно трактовать как один – единственный рабочий день. Например, если число занятых рабочих равно 1 миллиону, а средний рабочий день состоит из 10 миллионов часов, то «при данной продолжительности этого рабочего дня – определяются ли его границы физическими или социальными условиями – масса прибавочной стоимости может быть увеличена только посредством увеличения числа рабочих, т. е. рабочего населения. Увеличение населения образует здесь математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом. Наоборот. При данной численности населения эта граница определяется возможным удлинением рабочего дня»³⁹⁹.

Как видим, здесь выявляется существенная связь или внутренняя зависимость – длины рабочего дня и величины вовлекаемого в производство рабочего населения, а также направление обоюдного воздействия этих факторов на массу прибавочной стоимости. Следовательно, третий закон показывает, что наряду с пределами рабочего дня увеличение рабочего населения образует границу производства абсолютной прибавочной стоимости совокупным общественным капиталом.

Из вышеизложенного следует, что производство предполагает наличие достаточной суммы денег или стоимости, которая может быть превращена в капитал в руках отдельного

³⁹⁷ Там же. С. 316.

³⁹⁸ В этой связи К. Маркс писал: «Каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуется еще много промежуточных звеньев, как в элементарной алгебре требуется много промежуточных звеньев для того, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ может представлять действительную величину. Хотя классическая политическая экономия никогда не формулировала этого закона, однако она инстинктивно придерживается его, потому что он вообще представляет собой необходимое следствие закона стоимости. Она пытается спасти его посредством насильственной абстракции от противоречий явления. Позже мы увидим, как школа Рикардо споткнулась об этот камень преткновения. Вульгарная политическая экономия, которая действительно так ничему и не научилась, здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает в противоположность Спинозе, что «невежество» есть достаточное основание». / Там же. С. 316–317.

³⁹⁹ Там же. С. 317.

его владельца. При этом минимум переменного капитала представляет собой цену издержек на одну рабочую силу, употребляемую ежедневно в течение всего года для извлечения прибавочной стоимости. Если бы рабочий располагал своими средствами производства, и если бы он выступал в таком качестве, то ему было бы вполне достаточно рабочего времени, необходимого для воспроизводства его жизненных средств, допустим, 8 часов в день. Соответственно и средств производства рабочему требовалось бы на 8 рабочих часов. Напротив, капиталист, который сверх этих 8 часов заставляет рабочего выполнять еще, допустим, 4 часа прибавочного труда, нуждается в добавочной денежной сумме, необходимой для приобретения добавочных средств производства. При таком предположении капиталисту пришлось бы применять, допустим, двух рабочих уже для того, чтобы на ежедневно присваиваемую (отчуждаемую) прибавочную стоимость жить именно так, как живет каждый рабочий, т. е. удовлетворять свои необходимые потребности. Но в этом случае целью производства было бы поддержание жизни капиталиста, а не увеличение богатства. Между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее.

Именно поэтому «для того чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости ему пришлось бы вместе с числом рабочих увеличить в восемь раз минимум авансированного капитала. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но тогда он и будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, будет «мелким хозяйчиком». Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как персонифицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленника-мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»⁴⁰⁰.

Резюмируя вышеизложенное, К. Маркс выделил некоторые главные пункты.

Во-первых, в процессе производства капитал осуществляет командование над трудом, т. е. над действующей рабочей силой, или самим трудом наемного рабочего. Как персонифицированный капитал, капиталист наблюдает за тем, чтобы рабочий выполнил свою работу наилучшим образом и с надлежащей степенью интенсивности.

Во-вторых, в процессе данного производства капитал предстает как принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять значительно больше труда, чем того требует узкий круг его собственных жизненных потребностей. Будучи потребителем чужого труда, долюбия, высасывателем прибавочного труда и эксплуататором рабочей силы, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превзошел все прежние системы производства, покоящиеся на прямом присвоении (отчуждении) принудительного труда.

⁴⁰⁰ Там же. С.318. «Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства в зависимости от их особых технических условий. Некоторые отрасли производства уже при самом начале капиталистического производства требуют такого минимума капитала, которого в это время нет в руках отдельных индивидуумов. Это вызывает, с одной стороны, государственные субсидии частным лицам, как во Франции в эпоху Кольбера и в некоторых немецких государствах до нашего времени, с другой стороны, — образование обществ с узаконенной монополией на ведение известных отраслей промышленности и торговли — этих предшественников современных акционерных обществ.» / Там же. С. 319.

В-третьих, капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях производства, при которых он его первоначально застаёт. Иными словами, капитал не сразу изменяет способ производства. Производство прибавочной стоимости в той (абсолютной) форме, которая рассматривалась до сих пор, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось поэтому независимым от каких-либо перемен в самом способе производства.

В-четвертых, «если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей целесообразной производственной деятельности. На кожевенном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом своего труда. Он дубит кожу не для капиталиста. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса увеличения стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства высасывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет их как вещественные элементы своей производственной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и производственные здания, которые ночью отдыхают и не высасывают живой труд, представляют собой «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому плавильные печи и производственные здания создают «притязание на ночной труд» рабочих сил. Простое превращение денег в вещественные факторы процесса производства, в средства производства, превращает последние в юридический титул и принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд»⁴⁰¹.

⁴⁰¹ Там же. С. 320.

Раздел четвертый

Производство относительной прибавочной стоимости

Глава 11

Понятие относительной прибавочной стоимости

Напомним, до сих пор К. Маркс исходил из того, что необходимое рабочее время, или та часть рабочего дня, в течение которой производится лишь эквивалент оплаченной капиталистом стоимости рабочей силы, суть величина постоянная. И она действительно является таковой при данных условиях капиталистического производства, на данной ступени экономического развития буржуазного общества.

Однако сверх этого необходимого рабочего времени рабочий может работать, например, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д. часов. Именно от размеров этого удлинения зависят норма прибавочной стоимости и пределы рабочего дня. Следовательно, если необходимое рабочее время является постоянным, то весь рабочий день, напротив, представляет собой величину переменную. Как мы видели, поэтому между классом капиталистов и рабочим классом развернулась ожесточенная борьба за установление нормального рабочего дня.

Предположим, что даны: а) общая продолжительность рабочего дня; б) разделение последнего на необходимый и прибавочный труд. Пусть, например, линия ас представляет собой двенадцатичасовой рабочий день, отрезок аб – десять часов необходимого труда, а отрезок бс – два часа прибавочного труда, тогда мы получим следующее графическое изображение:

Рабочий день

а _____ б _____ с

В этой связи возникает вопрос: каким образом капиталист может увеличить производство прибавочной стоимости, иными словами, – каким образом он может удлинить прибавочный труд без всякого дальнейшего удлинения рабочего дня, т. е. без удлинения линии ас или независимо от всякого дальнейшего ее удлинения?

Несмотря на то, что граница рабочего дня ас дана, тем не менее прибавочный труд бс может быть, по-видимому, удлинен, если не путем расширения за предельный пункт с, который является в то же время конечным пунктом рабочего дня ас, то путем перемещения начального пункта прибавочного труда б в противоположном направлении, в сторону а, т. е. к исходному пункту рабочего дня. Допустим, что в линии ас новый отрезок б' – б равен половине бс, т. е. одному рабочему часу. В таком случае получим следующее графическое изображение:

Рабочий день

а _____ б' _____ б _____ с

Если мы предположим теперь, что при данном (двенадцатичасовом) рабочем дне ас пункт б отодвинется до пункта б', то бс соответственно расширится до размеров б'с, т. е. прибавочный труд увеличится наполовину, с двух часов до трех, хотя рабочий день по-прежнему остается неизменным. Но такое расширение прибавочного труда с бс до б'с (с 2 часов до 3), очевидно, невозможно без одновременного сокращения необходимого труда с аб до аб', т. е. с десяти часов до девяти. Следовательно, «удлинению прибавочного труда соответствовало бы в данном случае сокращение необходимого труда, или часть того рабочего времени, которое

рабочий до сих пор фактически употреблял на себя, должна превратиться в рабочее время, затрачиваемое на капиталиста. Изменению подверглось бы при этом не длина рабочего дня, а та пропорция, в которой рабочий день распадается на необходимый и прибавочный труд»⁴⁰².

Таким образом, величина прибавочного труда определяется здесь путем вычитания сократившегося необходимого рабочего времени из всего рабочего дня. Но в этой связи возникает другой вопрос: каким образом капиталист может сократить необходимое рабочее время и тем самым увеличить прибавочный труд с двух часов до трех? Самый простой способ состоит в том, что капиталист может, конечно, уплатить рабочему за дневную стоимость его рабочей силы вместо, например, 5 шилл. только 4 шилл. 6 пенсов или даже еще меньше. Допустим, что для воспроизводства этой стоимости, составляющей в денежном выражении 4 шилл. 6 пенсов, достаточно было бы 9 рабочих часов, а потому на долю прибавочного труда теперь пришлось бы вместо двух часов три (при 12-часовом рабочем дне), а сама прибавочная стоимость возросла бы с 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсов. Однако такой результат может быть достигнут лишь путем понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы, величина которой определяется общественно необходимым рабочим временем, затраченным на ее воспроизводство. Поэтому, имея всего 4 шилл. 6 пенсов, производимые рабочим в течение 9 часов, он тем самым располагает на $\frac{1}{10}$ меньшим количеством жизненных средств, чем раньше. Следовательно, здесь происходит лишь неполное воспроизводство его рабочей силы.

Отсюда видно, что «в данном случае прибавочный труд может быть удлинен лишь путем нарушения его нормальных границ, его область может быть расширена лишь путем узурпации части необходимого рабочего времени. Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как по нашему предположению все товары, – а следовательно, и рабочая сила, – продаются и покупаются по их полной стоимости. Раз это предположено, причиной уменьшения рабочего времени, необходимого для производства рабочей силы или для воспроизводства ее стоимости, может быть не понижение заработной платы рабочего ниже стоимости его рабочей силы, а лишь понижение самой этой стоимости. При данной длине рабочего дня возрастание прибавочного труда происходит вследствие сокращения необходимого рабочего времени, а не наоборот – сокращение необходимого рабочего времени вследствие возрастания прибавочного труда. Для того, чтобы в нашем примере необходимое рабочее время уменьшилось на $\frac{1}{10}$, т. е. с 10 часов до 9, а следовательно, прибавочный труд возрос с 2 до 3 часов, необходимо действительное понижение стоимости рабочей силы на $\frac{1}{10}$ »⁴⁰³.

Но такое понижение стоимости рабочей силы предполагает, в свою очередь, что то же самое количество жизненных средств, потребляемых рабочим, которое раньше производилось в течение 10 часов, теперь производится в течение 9 часов. Однако это невозможно без повышения производительной силы труда в соответствующих отраслях производства. Допустим, что при наличии данных средств производства сапожник может изготовить в течение 12-часового рабочего дня лишь одну пару сапог. Для того чтобы он мог в тот же самый срок изготовить две пары сапог, производительная сила его труда должна удвоиться, а она, в свою очередь, не может удвоиться без изменения средств и методов затрачиваемого труда этого сапожника или того и другого одновременно.

⁴⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 323. «С другой стороны, очевидно, что сама величина прибавочного труда дана, если даны продолжительность рабочего дня и стоимость рабочей силы. Стоимость рабочей силы, т. е. рабочее время, необходимое для ее производства, определяет собой рабочее время, необходимое для воспроизводства ее стоимости. Если один час труда выражается в количестве золота, равном половине шиллинга, или 6 пенсам, и если дневная стоимость рабочей силы составляет 5 шилл., то рабочий должен работать ежедневно десять часов, чтобы возместить дневную стоимость своей рабочей силы, уплаченную ему капиталом (капиталистом. – Н.С.), или произвести эквивалент стоимости необходимых ему ежедневно жизненных средств.» / Там же.

⁴⁰³ Там же. С. 324.

Следовательно, должна «произойти революция в производственных условиях его труда, т. е. в его способе производства, а потому и в самом процессе труда. Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости. Итак, если при исследовании производства прибавочной стоимости в той ее форме, в какой мы ее до сих пор рассматривали, способ производства был предположен нами как нечто данное, то теперь для понимания производства прибавочной стоимости путем превращения необходимого труда в прибавочный труд, совершенно недостаточно предположить, что капитал овладевает процессом труда в его исторически унаследованной, существующей форме и лишь увеличивает его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.